

*140*  
*2968*  
К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

# ИНОРОДЦЫ СИБИРИ

и

## СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

## РОССІИ.

---

### ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

---

#### ИЗДАНІЕ 2-е.

---

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. книга эта въ первомъ изданіи одобрена для ученическихъ средняго и старшаго возраста библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (отношніе № 12403, 1895 г.).



С.-ПЕТЕРВУРГЪ.  
Изданіе М. М. ГУТЗАЦА.  
1908.

Цѣна 1 руб.

---

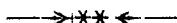
Складъ изданія: С.-Петербургъ, Шпалерная, 30.



Паровая Скоропечатня М. М. Гутзада. СПБ. Шпалерная, 26.

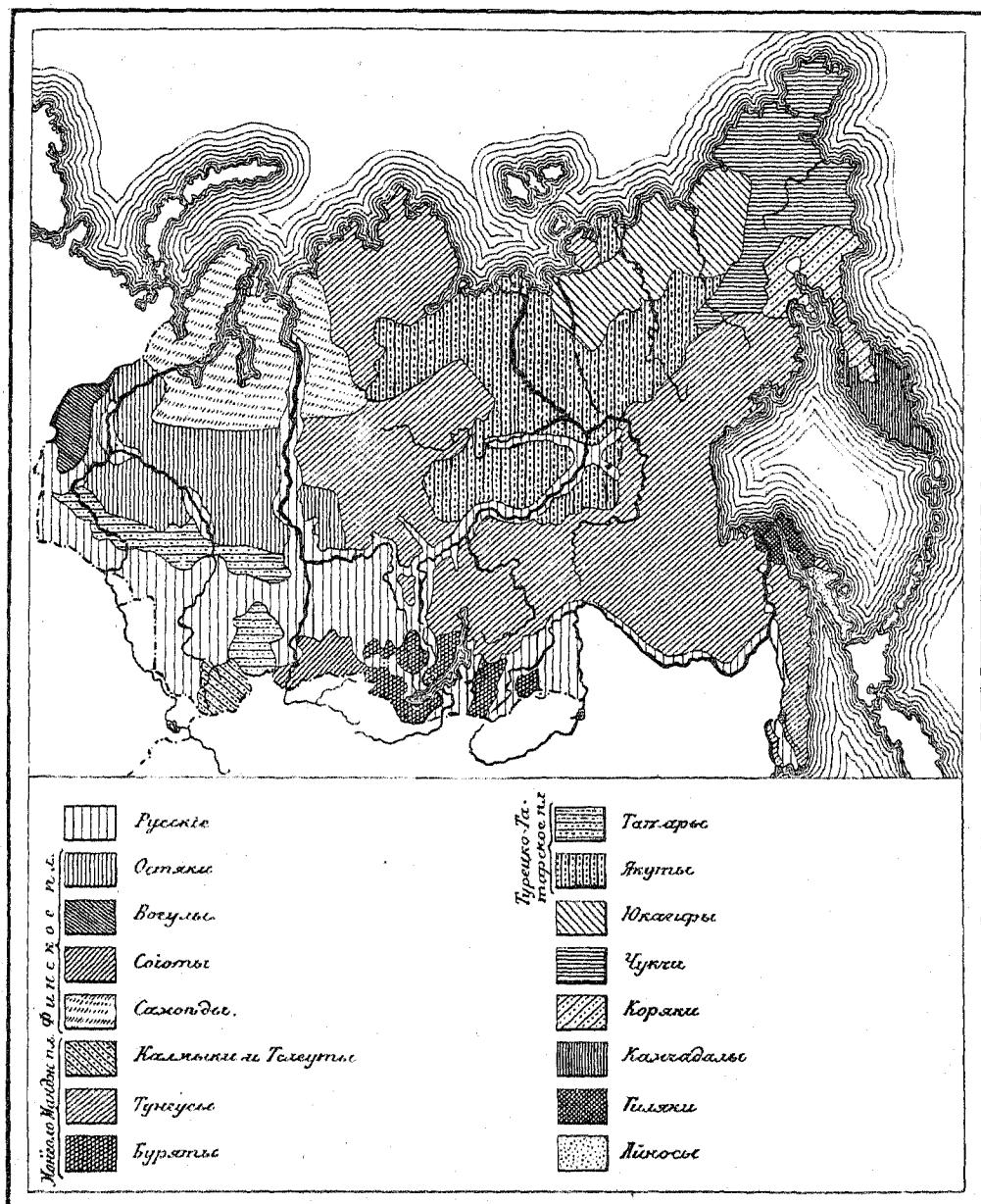
I.

ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.





# Карта инородцевъ Сибири.



# ОГЛАВЛЕНИЕ.

## I. ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

### Финскія племена.

I. Сибирскіе самоѣды . . . . .	7
II. Остяки . . . . .	22
III. Богулы . . . . .	30

### Монголо-манчжурскія племена.

IV. Буряты . . . . .	35
V. Калмыки . . . . .	44
VI. Тунгусы . . . . .	48
VII. Гиляки, гольды, айносы, корейцы . . . . .	56

### Полярныя племена.

VIII. Юкагиры . . . . .	61
IX. Чукчи . . . . .	65
X. Коряки. . . . .	72
XI. Камчадалы. . . . .	76

### Турецко-татарскія племена.

XII. Якуты. . . . .	81
XIII. Сибирскіе татары. . . . .	89

## II. ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

### Турецко-татарскія племена.

I. Киргизы . . . . .	99
II. Сарты . . . . .	114
III. Таджики. . . . .	120
IV. Узбеки . . . . .	122
V. Туркмены . . . . .	125

### Монгольскія племена.

VI. Дунгане . . . . .	130
VII. Таранчи . . . . .	134

## I.

# СИБИРСКИЕ САМОЁДЫ.

Самоёды сами себя называют „хозово“ (человекъ); остяки называют ихъ „орхой“ (дикій человекъ); „самоёдами“ же назвали ихъ русские. Такое название дано этимъ жителямъ съвера, по мнѣнию однихъ лицъ, оттого, что въ прежнія времена они приносили человѣческія жертвы и ёли человѣческое мясо; другіе полагаютъ, что они получили свое имя отъ названія одного вида рыбы, которую питаются; третыи же думаютъ, что название ихъ есть буквальный переводъ слова „хозово“, а именно: „хозъ“ означаетъ по-русски „само“, „ово“ — „единъ“ (одинъ), передѣланное въ „ёдъ“.

О происхожденіи своемъ самоёды рассказываютъ, что въ очень давнія времена предокъ ихъ Хозово (человекъ) сотворенъ былъ Нумомъ (Богомъ) въ землѣ, прилегающей къ Ледовитому океану, и потому они считаютъ себя коренными жителями съвера.

До XVI-го столѣтія самоёды находились въ подчиненіи остякамъ. О покореніи первыхъ послѣдними самоёдскіе преданіе передаетъ, что въ давнія времена самоёды жили привольно, занимая мѣста отъ рѣки Иртыша вплоть до Сѣверного Ледовитаго океана. Они имѣли такъ много оленей, что не знали имъ счета. Но вотъ съ верховья рѣки Оби приплыли на плотахъ остяки и начали тѣснить ихъ, отбирая рыболовныя мѣста и стада оленей; возникли постоянныя войны, во время которыхъ самоёды принуждены были подвигаться все дальше и далѣе къ съверу. Наконецъ, когда остяки и тамъ стали притѣснять ихъ, они принуждены были признать надъ собою ихъ владычество; остатцій князь сдѣлался правителемъ самоёдовъ, и съ тѣхъ поръ послѣдніе начали сближаться съ остатками.

Въ XVI столѣтіи русскіе подчинили своей власти остатковъ, а вмѣсть съ ними и самоёдовъ. Для управлениія покоренными инородцами и для торговли съ ними основанъ былъ городъ Обдорскъ.

Самоёды, живущіе о-бокъ съ русскими крестьянами, переняли отъ послѣднихъ и костюмъ, и постройку жилищъ, и бытовыя черты; они отличаются отъ русскихъ только большею грубостью, лѣнью, нечистоплотностью и отсутствиемъ стремленія къ умственному и хозяйственному улучшенію. Здѣсь мы будемъ говорить преимущественно о тѣхъ самоёдахъ, которые еще не обрусили, т. е. въ значительной мѣрѣ сохранили свои народныя черты.

Въ настоящее время сибирскіе самоёды бродятъ на пространствѣ отъ 60° съверной широты до Сѣверного Ледовитаго океана и отъ рѣки Кары и съверо-

восточного склона Уральскихъ горъ до рѣкѣ Енисея. Самоѣды, кочующіе на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и на полуостровѣ Ялмалѣ, называются „каменными“, а тѣ, которые кочуютъ на материикѣ между Обскою и Енисейскою губами, носятъ прозваніе „пизовскихъ“. Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ отдѣльными родами или чумами. Каждый родъ или чумъ бродить отдѣльно отъ другихъ. Впрочемъ, нерѣдко случается, что бѣдные самоѣды ются въ чумахъ богатаго самоѣда, который кормить ихъ, даетъ имъ оленей для ъзы, но зато и самъ пользуется ихъ услугами. Какъ только бѣднякъ-самоѣдъ обзаведется такимъ числомъ оленей, что можетъ просуществовать безъ пособія богатаго, онъ сейчасъ отдѣляется отъ послѣдняго и начинаетъ бродить самостоятельно.

Въ прежнее время самоѣдовъ было несравненно больше, чѣмъ мы ихъ находимъ въ настоящее время. Въ давнее время,—гласитъ самоѣдское преданіе,—ихъ было „тысячу тысячей, раздѣленныхъ на сто родовъ“; въ настоящее же время ихъ насчитываютъ не болѣе 16 тысячъ человѣкъ. Причиной вымирания ихъ служать неблагопріятныя условія жизни, главнымъ же образомъ—заразительная болѣзнь и страсть къ водкѣ.

По своему происхожденію самоѣды принадлежать къ восточной вѣтви финского племени, что подтверждаетъ и наружный ихъ видъ. Большею частью они средняго роста, голову имѣютъ круглую, лицо широкое, съ выдавшимися скулами, носъ приплюснутый, глаза узкие, черные, небольшие, ротъ большой, губы толстые, лобъ узкій, вдавленный, уши небольшія, оттопырившіяся, волосы на головѣ носятъ длинные, иногда заплетенные въ двѣ косы. Выраженіе лица ихъ большою частью угрюмое, непривѣтливое, какъ угрюма и непривѣтлива природа, среди которой они живутъ.

Одежда самоѣдовъ шьется изъ шкуръ оленей, собакъ и дикихъ звѣрей. Бѣлья они не носятъ. Непосредственно на тѣло они надѣваютъ „малицу“, которая шьется изъ шкуръ молодыхъ оленей и имѣть форму мѣшка съ рукавами, къ которымъ пришиваются рукавицы въ одинъ палецъ. Она надѣвается чрезъ голову, шерстью къ тѣлу. По подолу обшивается она длинной собачьей шерстью, а по шву подола нерѣдко обводится сурикомъ красная полоска. Надѣвъ малицу, самоѣдъ опоясывается широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу она привѣшивается съ лѣвой стороны ножны съ ножомъ, съ правой—оселокъ, а сзади—сумку, также украшенную пуговицами; въ ней лежать: трутъ, огниво, кремень, нитки, иголки и волчій зубъ. Малица выдергивается изъ-подъ пояса настолько, что самоѣдъ можетъ за пазухой хранить десятки шкурокъ. На голову надѣвается треухъ, сшитый изъ мягкой оленьей шкуры и прикрепленный къ малице; иногда впрочемъ онъ замѣняется круглой оленьей шапкой. Поверхъ малицы самоѣды надѣваютъ „парку“, сшитую тоже изъ оленьихъ шкуръ, но надѣвающуюся шерстью наружу. Къ подолу парки пришиваются узорчатыя каймы, сдѣланныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленьихъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна. Въ большіе морозы самоѣды надѣваютъ еще „гусь“ и второй треухъ. „Гусь“—это та же парка, сшитая изъ толстыхъ оленьихъ шкуръ; онъ надѣвается шерстью вверхъ. Второй треухъ дѣлается тоже изъ болѣе толстыхъ оленьихъ шкуръ. На ноги самоѣды надѣваютъ кожанныя панталоны; обувью же имъ служатъ оленьи чулки („кисы“) и длинные сапоги изъ оленьихъ шкуръ шерстью наружу („уяты“). Послѣдніе прикрѣпляются ремешками къ панталонамъ и сверхъ того обвязываются ниже колѣнъ шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ.

Женская одежда состоит изъ „ягушки“, т. е. длиннаго оленыаго халата, подпоясанаго шерстянымъ поясомъ; къ рукавамъ ягушки нерѣдко прицѣпляются колокольчики, бубенчики, погремушки и длинные кусочки разноцвѣтнаго сукна. Голова покрываетя шапкой съ мѣховыми окольшемъ, тулья которой дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Двѣ косы, переплетенныя красною или желтою лентой и украшенныя на концахъ кольцами или погремушками, выходятъ изъ-подъ шапки. Къ ушамъ женщины прицѣпляютъ мѣдныя серьги, а на пальцахъ носить массу мѣдныхъ колецъ.



Нужно замѣтить, что самоѣдки—большія щеголяхи, и даже бѣдныя любятъ увѣшивать себя разноцвѣтными лоскутками сукна и разными побрякушками. Это однако не мѣщаєтъ имъ, подобно ихъ мужьямъ и братьямъ, быть крайне нечистоплотными. Самоѣдки не находять нужнымъ даже разъ въ годъ мыть свое тѣло, которое, поэтому, всегда покрыто слоемъ копоти и грязи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что они считаютъ себя очень чистоплотными—на томъ основаніи, что носить множество колецъ, а металлы, особенно желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ.

Жилищемъ самоѣдовъ служить чумы, который устраивается такимъ образомъ: длинныя жерди ставятся конусомъ и покрываются—лѣтомъ берестой, а зимой—

двумя покрываюмы изъ оленыхъ шкуръ, изъ которыхъ одно кладется шерстью внизъ, а другое—шерстью вверхъ. Вверху чума оставляется отверстіе для выхода дыма; дверью же служить боковое отверстіе, которое завѣшивается оленьей шкурой. Посреди чума—очагъ, на которомъ почти всегда горить огонь. Надъ очагомъ укрѣпляются перекладины, на которыхъ висить котель, сушится платье и коптится мясо или рыба. Мѣсто противъ входа, у стѣны, считается священнымъ, переступить чрезъ него женщина не смѣеть; если же ей случится переступить его, то она спѣшить бросить туда уголекъ, какъ очистительное средство. Въ этомъ мѣстѣ помѣщаются наиболѣе цѣнныя хозяйственныя принадлежности: котелки, ящики и т. п.; тутъ же можно видѣть и истукановъ. У самаго входа въ чумъ обыкновенно лежитъ хворость для топлива. По сторонамъ очага кладутся широкія доски, замѣняющія собою столы; у стѣнъ же чума устраиваются постели для спанья: на землю постилаются рѣшетки, сплетенные изъ ивовыхъ или березовыхъ прутьевъ, а поверхъ ихъ кладутся травяные ковры, которые покрываются олеными шкурами. Въ чумѣ зимой, даже въ сильные морозы, тепло, если на очагъ непрерывно поддерживается огонь. Постановка чума и снятіе его, при перекочевкѣ на другое мѣсто, лежитъ на обязанности женщинъ. Какъ только самоѣдскій родъ перекочевалъ на новое мѣсто, женщины сейчасъ же ставятъ чумъ, разводятъ огонь,—и жилище готово.

Несмотря на свой мрачный видъ, самоѣды добродуши и миролюбивы. Между ними бываютъ драки только тогда, когда они пьяны. Умственный кругозоръ ихъ крайне ограниченъ, отчего и языки бѣденъ. Если самоѣду приходится разсказать какое-нибудь происшествіе, то разсказъ свой онъ сопровождается всевозможной мимикой и жестикуляціей, стараясь ими выразить то, для выраженія чего у него недостаетъ словъ.

Большинство самоѣдовъ—язычники, и лишь небольшая часть ихъ крещены русскими миссионерами; впрочемъ, нося мѣдный или серебряный крестъ на шее, они не покидаютъ и своихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. У самоѣдовъ-язычниковъ высшій богъ называется Нуимъ. Онъ, по ихъ понятіямъ, живеть на небѣ. Присутствіе его самоѣды видѣть во всѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ—въ снѣгѣ, дождѣ, вѣтрѣ и т. п. Воля Нуна можетъ быть узнана людьми только при помощи избранныхъ лицъ—шамановъ, называемыхъ также тадибяями. Но и сами шаманы не непосредственно узнаютъ волю Нуна, а при посредствѣ духовъ, называемыхъ тадебціями. Къ шаманамъ самоѣды обыкновенно прибѣгаютъ для излѣченія болѣзни, для отысканія потерянныхъ оленей или вещей и т. п. Случится у самоѣда, напр., пропажа оленей,—онъ обращается къ шаману съ просьбой поворожить, кто угналъ ихъ. Тотъ садится на землю, беретъ въ руки бубень и начинаетъ въ него бить, причемъ тяжело вздыхаетъ, издаетъ различные звуки, кривляется, затѣмъ бѣть себя по груди и животу и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ. Полежавъ немногого, онъ приподнимается и говоритъ, что тадебціи требуютъ, чтобы въ жертву имъ принесли оленя, причемъ указываетъ примѣты его. Разыскавъ въ стадѣ по указаннымъ примѣтамъ оленя, самоѣды давятъ его и часть приносятъ въ жертву, а остальное съѣдаются вмѣстѣ съ шаманомъ, причемъ послѣдній получаетъ самые лакомые куски. Всльѣдъ затѣмъ шаманъ продолжаетъ ворожить, говоря, что олени угнаны человѣкомъ такого-то роста, такого-то вида, имѣющимъ столько-то дѣтей, и т. п. Нашедши человѣка съ признаками, описанными шаманомъ, самоѣдъ пристаетъ къ нему, чтобы тотъ возвратилъ

оленей. Если обвиняемый не чувствует себя виновнымъ во взводимомъ на него преступлени, онъ даетъ присягу въ своей невинности и тѣмъ слагаетъ съ себя обвиненіе; но если онъ чувствуетъ за собой вину, то никогда не дастъ такой присяги: послѣдней самойды вообще очень боятся. Присяга дается обыкновенно въ одномъ изъ слѣдующихъ видовъ: а) присягающій цѣлуєтъ переднюю лапу медвѣдя и клянется, что если онъ говорить неправду, то пусть медвѣдь растерзаетъ его; если случится, что медвѣдь въ самомъ дѣлѣ нападетъ и помнеть его, то это считается признакомъ, что его клятва невѣрна, и онъ признается виновнымъ; б) присягающій цѣлуєтъ ледь, взятый изъ водь, признаваемыхъ самойдами священными, и на немъ произносить клятву; в) обвиняющій беретъ пальцами одной руки за конецъ языка обвиняемаго, а другою разрѣзываетъ ножомъ снѣгъ или землю и произносить заклинаніе: „если скажешь неправду, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается этотъ снѣгъ, или эта земля“.

Кромѣ Нума, самойды признаютъ еще различной степени младшихъ боговъ. Чувствуя надобность прибѣгнуть къ помощи бога, самойдѣ сначала всегда обращается съ мольбой и жертвоприношениемъ къ самому младшему богу; если отъ него не получаетъ желаемаго, онъ обращается уже къ другому, постарше, и т. д. Въ жертву своимъ богамъ самойды приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, шерстяные пояски, кольца и т. п.

Вѣруя, что постигшее бѣдствіе можно посредствомъ заклинанія перенести на животное, дерево или другой неодушевленный предметъ, самойдѣ при каждомъ бѣдствіи и поступаетъ согласно этому вѣрованію. Случалось, напр., самойду заболѣть,— онъ третъ болѣе мѣсто шкуркой песца или другою вещью, предназначеннай для жертвы, и затѣмъ вѣшаетъ эту шкурку или вещь на дерево и заклинаетъ, чтобы его болѣзнь перешла на это дерево. Желая перенести свою болѣзнь на оленя, самойдѣ самъ или же посредствомъ шамана старается вызвать въ животномъ такую же боль, какою страдаетъ онъ самъ. Такимъ образомъ иногда замучиваются нѣсколько оленей, и все-таки, конечно, больному отъ такого лѣченія легче не становится.

Самойды дѣлаютъ истукановъ и относятся къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ, понимающимъ ихъ. При нуждѣ они обращаются къ нимъ съ мольбой, но если не получаютъ по своей просьбѣ, то бранять, бѣуть и разбрасываютъ ихъ, чтобы затѣмъ снова собрать въ одно мѣсто и опять просить о помощи. Чтобы задобрить истукановъ, самойды мажутъ имъ губы кровью, наряжаютъ ихъ въ разноцветные лоскутки матеріи и ставятъ въ чумѣ на почетномъ мѣстѣ или же возятъ на особой нартѣ. Нерѣдко случается, что самойдѣ, укладываясь спать, ставить среди стада оленей истукановъ для охраны этого стада. Если случится, что ночью волкъ зарѣжетъ оленя, то самойдѣ бѣть своего бездушного сторожа за то, что онъ не бдительно исполнилъ возложенную на него обязанность.

Произведеніями народнаго поэтическаго творчества самойды не особенно богаты. Они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ о подвигахъ богатырей, миѳическихъ сказокъ, лирическихъ пѣсенъ и—только. Пѣсни пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ героические разсказы; въ нихъ главную роль играетъ не столько содержаніе, сколько мелодія, напѣвъ. Впрочемъ, умѣніе хорошо пѣть самойды ставить очень wysoko.

Скажемъ теперь о бытовыхъ обрядахъ самойдовъ.

Самоѣдская свадьба не сопровождается, какъ это обыкновенно бываетъ, особыми обрядами. Послѣ соглашенія между женихомъ и невѣстой, родные жениха ёдутъ къ роднымъ невѣстамъ и условливаются относительно платы (кальма) за невѣсту и приданаго за нею. Покончивъ переговоры, давать оленя, и начинается угощеніе сырьемъ мясомъ и кровью, а если есть, то и водкой. Пьютъ всѣ, но исключая невѣстамъ, и напиваются до пьяна. На слѣдующій день родные жениха угощаются у себя въ чумѣ родныхъ невѣстамъ. При угощеніи женихъ и невѣста сидятъ рядомъ. Женихъ, отрѣзавъ кусокъ мяса, безмолвно передаетъ его невѣстѣ; та молча беретъ и ёстъ. Точно также онъ беретъ вино и, отпивъ самъ, остатокъ чрезъ плечо передаетъ невѣстѣ, которая допиваетъ его. Получивъ слѣдуемый калымъ, родные невѣстамъ складываютъ ея приданое на наrtle и везутъ его вмѣстѣ съ нею въ чумѣ жениха. Невѣста обыкновенно ёдетъ въ передней, богато убранной наrtle. По прибытии ея къ чумѣ жениха, ее обвозятъ нѣсколько разъ вокругъ этого чума, а родственники и знакомые, стоя кругомъ, привѣтствуютъ ее радостными криками. Свадьба оканчивается новымъ пиршествомъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ брака молодая жена ёдетъ къ своимъ роднымъ въ гости. Отправляя ее въ обратный путь, родные обязаны надѣлить ее подарками, сложенными въ особую наrtle, запряженную въ тройку или пару хорошихъ оленей, которые тоже поступаютъ ей въ ларь. Если случится, что родные скучо ее одарять, то мужъ ея почтеть собя обиженнымъ, что не преминеть выразить какъ ей самой, такъ и ея родственникамъ.

Къ своимъ дѣтямъ самоѣды относятся нѣжно, съ любовью. Что бы дитя ни сказали, или ни сдѣлало, все въ глазахъ родителей представляется хорошимъ, забавнымъ и даже умнымъ.

Какъ только рождаются ребенокъ, его вытираютъ снѣгомъ, а лѣтомъ купаютъ въ холодной водѣ, чтобы, такимъ образомъ, съ первыхъ же дней закалить его для перенесенія стужи и всѣхъ климатическихъ невзгодъ. Затѣмъ новорожденаго кладутъ въ колыбель и, прикрывши мягкой оленевой шкурой, привязываютъ его къ ней, такъ что онъ можетъ шевелить только головкой.

Воспитаніе дочерей лежитъ исключительно на обязанности матери: она учитъ ихъ съ малолѣтства сучить нитки изъ оленевыхъ жилъ, шить одежду, обувь, ставить чумъ и вообще исполнять работу, составляющую удѣль женщинъ-самоѣдокъ. Воспитаніе же сыновей лежитъ на обязанности отца: онъ беретъ ихъ съ собою на охоту, пріучаетъ владѣть лукомъ, арканомъ, учить ихъ ловить рыбу, загонять оленей и т. п.

Отецъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни выдѣляетъ ихъ, т. е. даетъ каждому изъ нихъ часть своихъ оленей и другого имущества, и они начинаютъ кочевать самостоятельно; онъ оставляетъ при себѣ только самого младшаго сына и невыданыхъ замужъ дочерей. Если отецъ умретъ, не раздѣливши между своими сыновьями имущества, они сами дѣлятъ его поровну; въ такомъ случаѣ они же принимаютъ на себя обязанность иметь попеченіе о сестрахъ, т. е. выдать ихъ замужъ, надѣливши приданымъ и получивши за нихъ соотвѣтственный калымъ. Если остались малолѣтнія дѣти, то имущество отца остается при матери, подъ надзоромъ кого-нибудь изъ взрослыхъ родственниковъ.

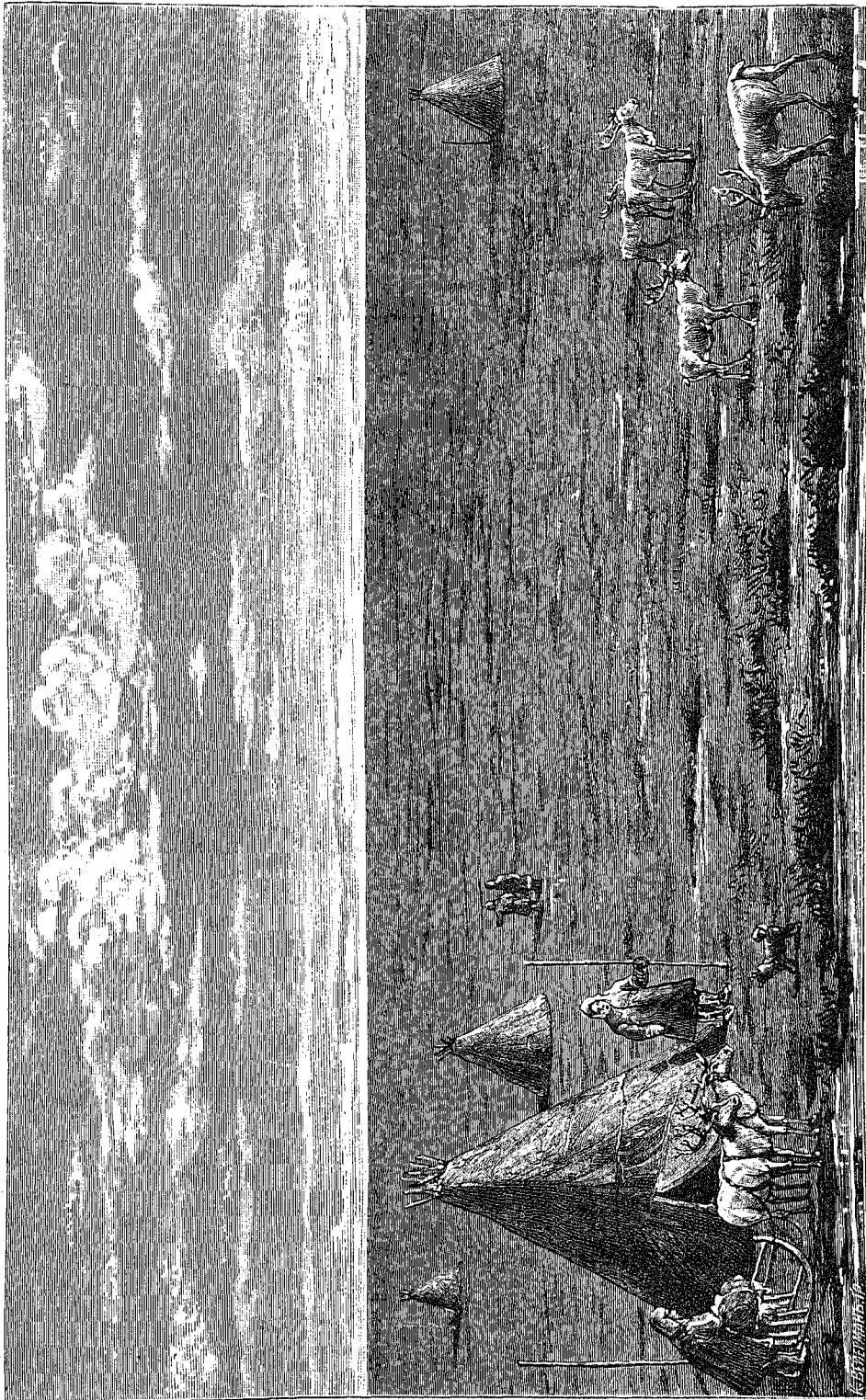
Умершій человѣкъ, по вѣрованію самоѣдовъ, переселяется въ далекую страну, за море, гдѣ живеть вмѣстѣ съ Нумомъ (богомъ), постоянно пируетъ и вдоволь пить вина. Трупъ покойника самоѣды выносятъ изъ чума не чрезъ входную дверь, а чрезъ отверстіе, нарочно сдѣланное въ противоположной отъ входа стѣнѣ. Вынесши покойника, его одѣваютъ въ платье, кладутъ на нарту, въ которую впряжены лучшіхъ оленей, везутъ на мѣсто погребенія и здѣсь роютъ неглубокую могилу, въ которую кладутъ тѣло покойника, а съ нимъ ножъ, топоръ, рожокъ нюхательного табаку и другія вещи, которыхъ ему необходимы были въ жизни; въ могилу женщины кладутъ чашку, иголки, нитки и другія вещи, необходимыя въ хозяйствствѣ, причемъ предварительно ихъ ломаютъ или разбиваются. Самоѣды вѣрять, что всѣ вещи, положенные въ могилу покойника, послужатъ ему и въ загробной



жизни, причемъ они будуть обновлены. Зарывши покойника, на его могилѣ кладутъ разломанную нарту, на которой онъѣздилъ, приводятъ оленей и тутъ же, на могилѣ, ихъ давятъ. Рога задавленныхъ оленей втыкаютъ въ могилу, а мясо съѣдаются или уносятъ въ чумъ. Принесши жертву, всѣ присутствующіе при похоронахъ начинаютъ ругать смерть за то, что она отняла у нихъ близкаго человѣка, а затѣмъ восхваляютъ покойника. По окончаніи похороннаго обряда всѣ отходить отъ могилы, садятся въ нарты и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который входить не иначе, какъ окурившись дымомъ сжигаемаго оленѣя жира; окуриваются также оленей, отвезшихъ покойника, и упряжь, бывшую на нихъ. Возвратившись въ чумъ, єздятъ остатки мяса оленей, задавленныхъ на могилѣ погребеннаго.

Для сохраненія воспоминанія объ умершихъ, жена и дѣти его дѣлаютъ деревяннаго истукана, одѣваютъ его въ платье умершаго и помѣщаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно умершій сидѣлъ при жизни. Этотъ истуканъ изображаетъ собою покойнаго. Во время ёды ставятъ передъ нимъ корытце съ пищей; кромѣ того, вдова или кто-нибудь изъ сыновей ежедневно мажетъ кровью или жиромъ губы истукана, какъ бы потчужа самого покойнаго. Къ ночи истукана раздѣлаютъ и укладываютъ спать, а утромъ опять одѣваютъ. Однимъ словомъ, съ деревяннымъ истуканомъ дѣлаютъ все то, что дѣлалъ умершій. Такое ухаживаніе продолжается годъ и даже больше.

Главное занятіе самоѣдовъ—оленеводство. Самоѣдъ, не имѣющій нѣсколькихъ десятковъ оленей, считается бѣднымъ; богатые же имѣютъ ихъ по нѣскольку сотень и даже тысячу. Олени доставляютъ самоѣду все: пищу, одежду, постель и покрышку для чума; они же возятъ какъ самихъ самоѣдовъ, такъ и ихъ имущество. Между тѣмъ уходъ за этими полезными животными не требуетъ особыхъ заботъ: олени круглый годъ питаются мохомъ, который и лѣтомъ, и зимою добываются себѣ сами. Самоѣду приходится лишь время отъ времени перемѣнять мѣсто своей кочевки. Весною появляется въ лѣсахъ, гдѣ самоѣды проводятъ зиму, безчисленное множество комаровъ, оводовъ и мошекъ, которые мучатъ и беспокоятъ и людей, и животныхъ. Олени, чтобы избавиться отъ мученій, инстинктивно рвутся на сѣверъ, гдѣ меньше насѣкомыхъ, и самоѣдъ принужденъ бываетъ сняться съ зимней стоянки, чтобы перекочевать въ тундрѣ, прилегающую къ Ледовитому океану. Съ наступленіемъ же зимы олени, наоборотъ, стремятся къ югу, въ лѣса, гдѣ не бываетъ такихъ суровыхъ мятелей и холодовъ, какъ въ тундрѣ, и гдѣ они легче могутъ добывать себѣ кормъ; вслѣдъ за ними долженъ перекочевывать и ихъ хозяинъ. Кроме этихъ periodическихъ переходовъ, самоѣдъ долженъ постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, когда олени сѣдѣтъ въ окрестности весь мохъ. Намѣреваясь перекочевать, самоѣдъ прежде всего сгоняетъ къ чуму все свое стадо, въ чемъ ему помогаютъ небольшіе длинношерстныя собаки, которая такъ пріучены сгонять оленей, что, куда бы послѣдніе ни отлучились,—разыщутъ и пригонятъ къ чуму. Сами олени привыкли слушаться лая этихъ собакъ и, заслышиавъ его, опрометью бѣгутъ къ чуму. Случается, что самоѣдъ, лишившись собаки-загоняйки, самъ, обходя стадо, тякаетъ по-собачьи. Кроме того, оленей созываютъ еще крикомъ: „ого-го-ого-го!“ Собраавши оленей къ чуму, самоѣды ловятъ тѣхъ изъ нихъ, которые предназначаются для упряжи, и запрягаютъ ихъ въ нарты, т. е. небольшія легкія сани съ широкими, круто загнутыми полозьями и высокими копыльями. На этихъ нартахъ самоѣдъ ёздить и зиму, и лѣто. Въ каждую нарту впряженіо по парѣ оленей, а кто хочетъ пощеголять, впряженіо въ нее и четверку, и даже шестерку одношерстныхъ оленей. Упряжью служитъ лямка (кожаная петля), къ которой привязывается ремень. Другой конецъ этого ремня привязывается къ полозьямъ нарты. На голову упряженаго оленя надѣвается уздечка, къ которой прицѣпляется вожжа для управления имъ. Опоясываются олени выше брюха, возлѣ лопатокъ, полпругой, а къ послѣдней привязывается поводъ уздечки другого оленя. Погоняютъ оленей длиннымъ шестомъ, одинъ конецъ котораго тоньше другого. Къ тонкому концу прикрепляется круглая косточка, которую и ударяютъ по оленю, когда желаютъ понудить его быстрѣе бѣжать. На толстый конецъ шеста насыживаются желѣзное копье, которымъ самоѣдъ бѣть дикаго



звѣря и упирается въ землю во время ъзды, когда при поворотахъ нарта закатывается. Нарта, предназначенная для хозяйки чума, бываеть украшена лучше другихъ: она нерѣдко покрывается цвѣтнымъ сукномъ и къ ней прицѣпляются колокольчики; упряжь къ этой нартѣ подбирается тоже получше: лямки изъ медвѣжьей кожи, подпруги—вышиты разноцвѣтными сукнами, узелочки—выкрашены въ красный цвѣть, и т. д. Чѣмъ богаче самаѣдъ, тѣмъ лучше бываеть украшена нарта его жены. За хозяйствой слѣдуютъ въ особыхъ нартахъ ея взрослая дочери. Мальчики 7—8 лѣтъ уже самостоятельно ёдуть на маленькихъ нартахъ. Взрослые мужчины ёдуть, смотря по надобности, то по сторонамъ женщинъ, то сзади или спереди ихъ.

Какъ только таборъ тронется, незапряженные олени слѣдуютъ за нимъ. Пастухи наблюдаютъ, чтобы какой-нибудь олень не отсталъ отъ табора и не сдѣлался добычей волковъ. Кроме наблюденія со стороны пастуховъ, самымъ надежнымъ средствомъ сохранить въ цѣлости стадо является со стороны самоѣда сбереженіе старыхъ матокъ, родоначальницъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній. Около каждой такой матки группируется обыкновенно цѣлый родъ, состоящій иногда изъ 150 и даже болѣе оленей.

Таборъ богатаго самоѣда тянется иногда на нѣсколько верстъ. Ёдуть обыкновенно цѣлый день, съ утра до вечера, и лишь вечеромъ останавливаются на ночлегъ. Олени въ среднемъ могутъ пробѣгать въ день до 150 вер., но чрезъ каждыя 10—15 верстъ имъ необходимо давать немного отдохнуть; схватить олень снѣгу, переведеть духъ—и снова продолжаетъ путь. Иногда среди оленей попадаются настоящіе рысаки, которые бѣгутъ съ такой быстротой, что ихъ нельзя нагнать ни на какой лошади. Этихъ оленей употребляютъ преимущественно для охоты за дикими звѣрями.

Для определенія пути, по которому нужно ёхать, самоѣды руководствуются то направлениемъ вѣтра, то расположениемъ снѣжныхъ струй, то расположениемъ звѣздъ и т. п., причемъ выказываютъ изумительную сообразительность. Иногда самоѣды ёдуть по слѣду, оставленному раньше прокочевавшимъ таборомъ; если этотъ слѣдъ занесенъ снѣгомъ, то, чтобы узнать, куда таборъ направился, они стараются найти мѣсто, где онъ останавливался. Отыскавши это мѣсто, самоѣдъ уже легко, по расположению табора, опредѣляетъ, въ какую сторону послѣдний отправился. Для того, чтобы узнать, давно ли таборъ снялся съ данного мѣста, самоѣдъ ножомъ разрѣзываетъ снѣгъ до земли, затѣмъ по напластованію его и оставшимся слѣдамъ пребыванія оленей опредѣляетъ довольно вѣрно это время. Когда самоѣдъ вслѣдствіе бурана или ночной темноты не можетъ попасть въ чумъ, онъ объѣзжаетъ большими кругомъ мѣсто, въ которомъ онъ долженъ находиться, пока не попадетъ на вѣтеръ. Олени, почувствъ дымъ, гонимый изъ чума вѣтромъ, поворачиваются въ ту сторону голову; самоѣдъ ёдетъ по этому направленію и попадаетъ въ чумъ.

Кромѣ оленеводства, одно изъ самыхъ главныхъ занятій самоѣдовъ составляетъ звѣроловство. Они охотятся на лисицъ, волковъ, песцовъ, бѣлокъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей, водящихся въ лѣсахъ и тундрѣ, причемъ употребляютъ: винтовку, капканы, лукъ, самострѣль, шесть съ желѣзнымъ наконечникомъ и арканъ.

Наиболѣе цѣнною охотничьей добычей считается черная и чернобурая лисица. Но добыть ихъ шкурку далеко нелегко: иногда самоѣду приходится втеченіе

нѣсколькихъ недѣль выслѣживать лисицу, пока наконецъ ему удастся получить ея шкурку. Напавши на слѣдъ драгоцѣннаго звѣря, охотникъ не сразу ставить на него ловушку или самострѣль, — онъ прежде прикармливаетъ звѣря рыбой или мясомъ къ данному мѣсту.

Черный медвѣдь служить у самоѣдовъ предметомъ религіознаго обожанія. Они увѣрены, что этотъ звѣрь одаренъ высшей силою и мудростью, а потому упоминаютъ о немъ всегда съ благоговѣніемъ, называя его не иначе, какъ „прекраснымъ животнымъ“, „мохнатымъ старикомъ“ и т. д., что однако не мѣшаетъ имъ угостить его при случаѣ доброй пулей. Шкуру чернаго медвѣдя самоѣды не продаютъ, а обыкновенно употребляютъ на упряжь. Шкура бѣлыхъ медвѣдей, живущихъ на берегахъ и льдинахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, не имѣеть въ глазахъ самоѣдовъ религіознаго значенія, а потому нерѣдко поступаетъ въ продажу русскимъ купцамъ. Охота за этими медвѣдями хотя и очевидъ прибыльна, однако требуетъ отъ охотниковъ крайней ловкости, смѣлости и силы, а потому неудивительно, что самоѣдъ, которому удалось убить медвѣдя, съ особенной радостью разсказываетъ о своей удали и даже навеселѣ воспѣваетъ ее.

На дикихъ оленей самоѣды охотятся или съ ружьемъ, или съ арканомъ, или же съ помощью домашнихъ оленей. Съ этою цѣлью на рога домашняго оленя надѣваютъ петли ипускаютъ его на дикаго оленя, который, завидѣвшіи своего ручного собрата, бросается на него и начинаетъ драться. Во время драки петли зацепляются за рога животнаго, такъ что послѣднее не можетъ освободиться. Тогда приближается самоѣдъ и ударомъ топора убиваетъ свою добычу.

Кромѣ охоты за дикими звѣрями, самоѣдами практикуется и выкормка ихъ: нашедши нору лисицы или другого звѣря, охотникъ вынимаетъ изъ нея єдѣнышъ и выкармливаетъ ихъ, а затѣмъ осенью или въ началѣ зимы убиваетъ, мясо употребляетъ въ пищу, а шкуру продаетъ русскимъ торговцамъ. Шкуры эти извѣстны въ продажѣ подъ именемъ „кормушекъ“; шерсть на нихъ короче и менѣе пушиста, чѣмъ у звѣрей, выросшихъ на свободѣ.

Кромѣ оленеводства и звѣроловства, самоѣды занимаются также рыболовствомъ. Рѣка Обь со всѣми своими притоками и губой, а равно и другія рѣки, протекающія по тундрѣ, изобилуютъ рыбой. Весною массы послѣдней плывутъ отъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана вверхъ по рѣкамъ, а осенью возвращаются къ устью рѣкъ. Въ это время и производится наибольшій уловъ рыбы, для котораго примѣняются различные способы. Весною самоѣды чаше всего заираютъ рыбу яловымъ плетнемъ въ заливахъ, гдѣ она скопляется во время хода къ верховьямъ; осенью же при движениіи рыбы изъ верховья въ устье, рыбаки перегораживаютъ рѣку поперекъ и, такимъ образомъ задержавши дальнѣйшее движение рыбы, вылавливаютъ ес. Производится также и ловля неводами для чего самыми удобными мѣстами служатъ такъ наз. „салмы“. Это—глубокія ямы на меляхъ Обской губы; въ эти ямы наносятся теченіемъ воды различныя питательныя вещества; сюда же заходитъ и рыба и остается по нѣскольку дней. Отыскавши весломъ среди мели салму, самоѣды забрасываютъ въ нее неводъ и нерѣдко за одинъ разъ налавливаютъ полную лодку рыбы.

Занимаясь рыболовствомъ, самоѣды пріучаются отлично управлять лодкой. Ёдѣтъ самоѣдъ въ своей лодкѣ (каюкѣ), гребетъ длинными веслами и съ удивительнымъ

искусствомъ пробирается среди бушующихъ волнъ большой рѣки. Если ему случится вывернуться въ лодкѣ, то онъ все-таки не утонетъ: на помощь является его изумительное умѣнье плавать; самойдъ плыветъ и при этомъ еще тянетъ за собой лодку.

Для сбыта произведеній своего промысла (шкуръ оленей и дикихъ звѣрей, рыбы) самойды зимой прѣезжаютъ въ Обдорскъ или Березовъ и ведутъ тутъ торговлю со сѣѣхавшимися русскими и зырянскими купцами. Торговля чаще всего ведется при посредствѣ такъ называемыхъ „дружковъ“. Каждый самойдъ имѣть въ городѣ знакомаго русскаго торговца, у котораго останавливается и которому обыкновенно продаетъ привезенный товаръ. Этотъ торговецъ даетъ у себя помѣ-



щеніе прѣхавшему и даже угощаетъ его, разсчитывая за это получить съ наивнаго дикаря вдвое. Вотъ такие-то пріятели и носятъ название „дружковъ“; обыкновенно они знаютъ самойдскій языкъ, а потому служатъ часто передчиками для самойдовъ.

Въ послѣднее время самойды слѣдались болѣе осторожными въ торговлѣ; подъѣхавши, напр., къ городу съ товаромъ на нѣсколькихъ нартахъ, самойдъ вѣзжаетъ въ городъ только на одной нартѣ, дабы значительнымъ привозомъ товара не сбить съ него цѣны; затѣмъ, продавши товаръ въ одной нартѣ, онъ отправляется за другой нартой и т. д.

Кромъ продажи въ городѣ, самоѣды большую часть своего товара сбываютъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ, разѣзжающимъ съ запасомъ табаку, хлѣба, вина, по тундрѣ, отъ чума къ чуму, и вымѣнивающимъ у самоѣдовъ оленье мясо, мяѣ и рыбу. При продажѣ дорогой пушинны, напр., черной лисицы, самоѣдъ иногда нѣсколько дней торгуется съ покупателемъ и всякий разъ пьетъ у него водку, которая наконецъ и доводить его до продажи. Если онъ находить, что выгодно продать лисицу, особенно если онъ много разъ пилъ у покупателя водку, онъ о своей ловкой продажѣ охотно разсказываетъ роднымъ и знакомымъ и даже поетъ обѣ этомъ пѣсню, говоря въ ней, что онъ обманулъ лисицу тѣмъ, что убилъ ее, а покупателя тѣмъ, что выпилъ у него много вина, хотя на самомъ дѣлѣ самъ былъ обманутъ ловкимъ торговцемъ: лисица, можетъ быть, стоила рублей 30, а онъ получилъ за нее печенаго хлѣба, табаку и вина рублей на 5.

Торговые счеты самоѣды обозначаютъ на палкѣ нарѣзами, принимая каждый нарѣзъ за единицу цѣнности, которою служить у нихъ шкурка песца. Палку съ нарѣзами раскалываютъ пополамъ: одну половину отдаютъ кредитору, а другую держать у себя. При уплатѣ долга соединяютъ обѣ половины расколотой на-двоє палки, и если нарѣзы на обѣихъ половинахъ совпадаютъ, то производится расплата.

Въ свободное отъ занятій время самоѣды сидять, ничего не дѣлая, въ своемъ дымномъ чумѣ, да глядятъ на огонь и поплевываютъ. Женщины въ это время сидять поодаль и сучать изъ оленыхъ жиль нитки или починяютъ малицы и другую одежду мужчинъ. Особенно любить самоѣдъ, если въ это время въ его чумѣ завернетъ гость. Нужно замѣтить, что самоѣды вообще очень гостепріимны. Если у нихъ случится гость, они не приминуть раздѣлить съ нимъ самый лакомый кусокъ. Если гостю придется заночевать въ чумѣ, хозяева окажутъ ему такой же пріемъ, какой они оказали бы своему близкому родственнику: ему постелютъ чистую новую оленью кожу, дадутъ налѣтъ на ноги новые пимы; мало того,— если онъ уснетъ, хозяева прикроютъ его своей одеждой, чтобы ему было теплѣе спать.

Въ досужее время самоѣды нерѣдко забавляются игрою въ карты. Играть въ карты научили ихъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, русскіе торговцы, которые и привозятъ имъ карты. Случается, что самоѣды играютъ на рыбу или другіе предметы своего хозяйства.

Иногда можно услышать у самоѣдовъ бренчаніе на трехструнной балалайкѣ. Если попотчивать самоѣдовъ виномъ да заиграть на балалайкѣ, то можно быть увѣреннымъ, что они пойдутъ плясать. Пляска ихъ состоить въ выбрасываніи рукъ и ногъ и кривляніи. Пляшутъ весь порознь, каждый пляшетъ безъ всякаго отношенія къ пляскѣ другихъ. Нерѣдко при пляске не обращаютъ никакого вниманія и на тактъ, отбиваемый балалайкой.

Пищѣй самоѣдовъ служить, главнымъ образомъ, оленье мясо. Убивши оленя и снявши съ него шкуру, сейчасъ же отрѣзываютъ по куску мяса и ёдятъ его, обмакивая въ теплую кровь. Самымъ лакомымъ кускомъ считается сердце: его береть себѣ хозяинъ чума. При ёдѣ сырого мяса самоѣды съ удивительнымъ искусствомъ отрѣзываютъ его у самыхъ губъ. Кромѣ сырого мяса, они ёдятъ также вареное и копченое мясо. Второе мѣсто въ пищѣ ихъ занимаѣтъ рыба, которую они рѣдко варятъ, а большею частью ёдятъ сырою или же вяленою. Любятъ они также мерзлую рыбу: настрогаютъ ее, посолятъ и лакомятся. Не брезгаютъ они и мясомъ дикихъ

звѣрей. На хлѣбъ самоѣды смотрѣть, какъ на лакомство, которое достается высокой цѣнной, а потому пытаться имъ могутъ лишь болѣе зажиточные. Хлѣбъ, преимущественно печеный, они вымѣниваютъ у русскихъ. Иногда они получаютъ отъ послѣднихъ муку и въ такомъ случаѣ сами пекутъ себѣ хлѣбъ: замѣсить изъ муки тѣсто, налѣпить его на дощечку или палочку и такимъ образомъ держать надъ пламенемъ очага до тѣхъ поръ, пока не спечется.

Вино самоѣды любятъ до страсти: за бутылку вина они готовы отдать лучшаго оленя, самую дорогую шкурку лисицы. Этимъ пользуются торговцы, которые, перебѣжная изъ чума въ чумъ, возять съ собою запасъ вина, на которое, какъ сказано, и вымѣниваютъ у самоѣдовъ мѣхѣ, рыбу и оленей.

Въ заключеніе нужно прибавить, что самоѣды очень любятъ курить табакъ. Курять какъ мужчины, такъ и женщины. Они курятъ изъ костяныхъ трубочекъ, имѣющихъ видъ ложки. Набравши въ ротъ дыму столько, сколько возможно, самоѣдъ передаетъ трубку другому, а самъ старается возможно долго удержать дымъ во рту и груди и возможно тихо выпускаетъ его чрезъ ность. При такомъ способѣ куренія одной трубки достаточно, чтобы всѣ члены семьи накурились досыта. Для экономіи самоѣды прибавляютъ въ табакъ немного тальничной коры или мху.

Кромѣ куренія, самоѣды также нюхаютъ табакъ и жуютъ его. Случается, что набивши ность табакомъ, самоѣдъ затыкаетъ носовыя отверстія „вотлепомъ“, чтобы удержать въ носу табакъ. „Вотлепъ“ приготавляется изъ березового или тальниковаго сырого дерева: по снятіи съ него коры его строгаютъ и стружки сушатъ и прячутъ въ запасъ.

## II.

### ОСТЯКИ.

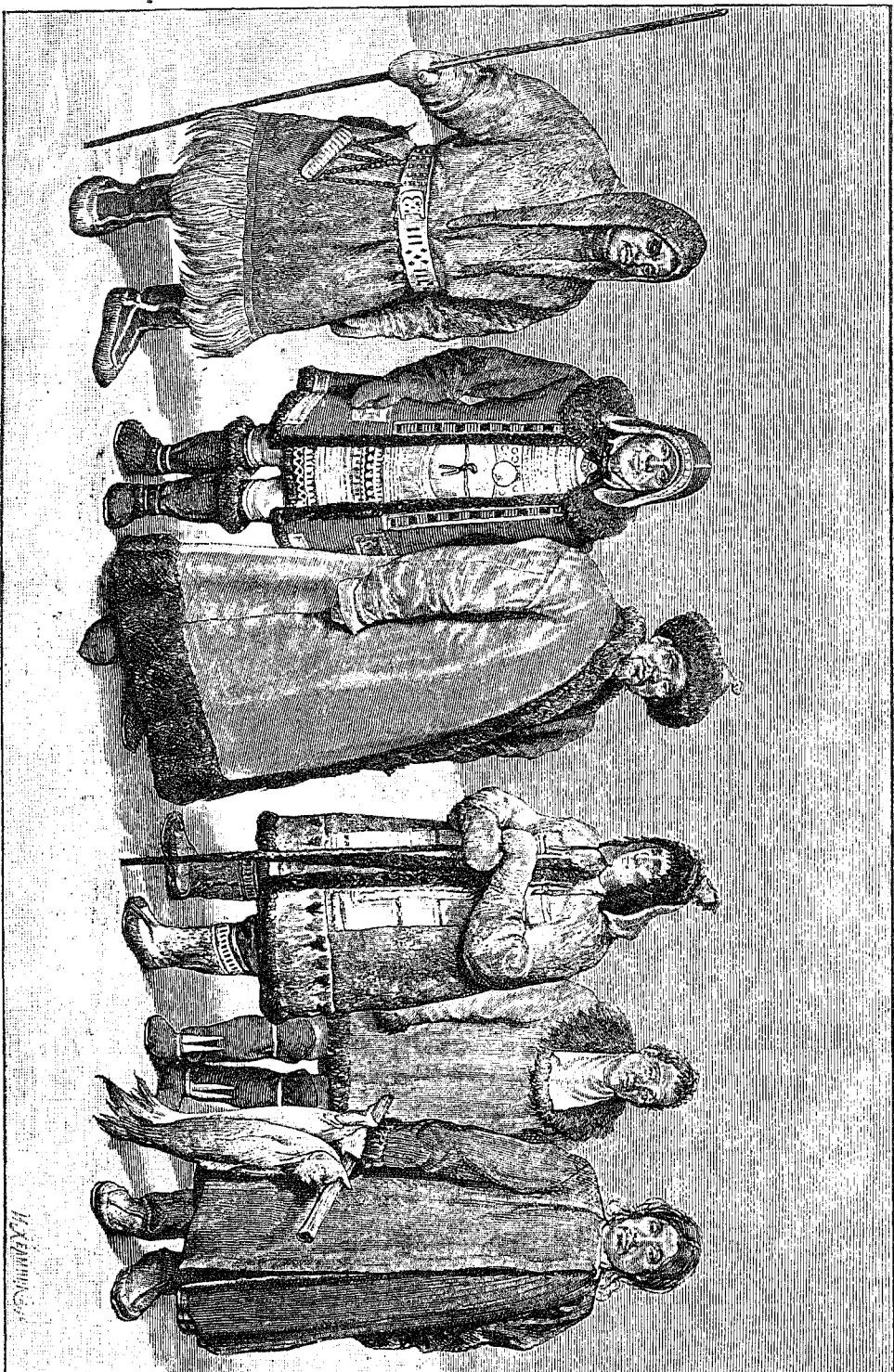
Остяки, въ числѣ около 24 тысячъ душъ, живутъ разбросанно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ Оби, Таза и Енисея и притокамъ ихъ. Ближайшіе сосѣди ихъ — русскіе, вогулы и самоѣды. Послѣдніе живутъ сѣвернѣе остяковъ, но зимой они перекочевываютъ въ мѣста, занятыя остяками, подобно тому, какъ и эти послѣдніе лѣтомъ перекочевываютъ на сѣверъ, въ мѣста, занятыя самоѣдами. Такимъ образомъ между остяками и самоѣдами происходитъ постоянное общеніе. Ктому же остяки, какъ сказано, долгое время господствовали надъ самоѣдами. Все это послужило причиной образования многихъ одинаковыхъ чертъ быта и жизни у обоихъ этихъ народовъ. Чтобы не повторяться, мы не будемъ останавливаться на сходныхъ чертахъ и отмѣтимъ лишь тѣ особенности, которыхъ исключительно присущи остяцкому племени.

Остяки въ древности назывались „арьяхи“ (многолюдѣ: *аръ* — много и *хо* — человѣкъ); впослѣдствіи, подавши подъ власть татаръ, они стали называть себя „хондихо“ — ханскими людьми, ханскими подданными (*хонз* — ханъ, царь, *хо* — человѣкъ). Татары назвали ихъ „уштяками“, что означаетъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, варваровъ. Съ этимъ названіемъ, измѣненнымъ русскими въ „остяки“, они и вошли въ составъ Русского государства при покореніи Сибири.

Продолжительное господство татаръ замѣтно отразилось на бытѣ и образѣ жизни остяковъ. Послѣдніе переняли отъ своихъ прежнихъ властителей устройство жилища, нѣкоторыя особенности костюма, преимущественно женскаго, и т. п. Что касается вліянія русскихъ, то оно отразилось главнымъ образомъ на тѣхъ остякахъ, которые живутъ по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, по сосѣдству съ русскими поселеніями: отъ русскихъ они приняли христіанскую вѣру, отъ нихъ же они переняли свое лѣтнєе одѣяніе и заимствовались многими словами и понятіями.

По своему происхожденію остяки, какъ и самоѣды, относятся къ восточной вѣтви финской народной семьи, что замѣтно выражается и въ наружномъ ихъ видѣ: лицо остяка грязно-сѣраго цвѣта, скучастое, съ широкимъ ртомъ, тонкими, блѣдными губами; темные мертвенно-тусклые и вѣчно-гноящіеся глаза его прорѣзаны довольно косо; носъ широкій, приплюснутый; жесткіе, черные волосы густыми нечесанными космами спадаютъ на лицо и плечи; бороды у остяка не бываетъ, а если и выростаютъ волосы, остякъ ихъ тщательно выщипываетъ. Общее выраженіе остяка — большею частью пасмурное, болезливое. Роста онъ невысокаго; довольно широкое сутуловатое туловище его держится на тонкихъ слабыхъ ногахъ.

Одежда остяковъ похожа на одежду самоѣдовъ. Только осѣдлые остяки, какъ сказано, переняли отъ русскихъ лѣтньюю одежду, т. е. носить русскія рубахи, шаровары и зипунъ; зимою же они носятъ самоѣдскій костюмъ, который очень удобенъ



O'Carroll,

Lynch,

Baptist,

Jewett,

Hynes,

Mark,

при сильныхъ сѣверныхъ морозахъ. Остячки лѣтомъ носятъ крапивнаго холста рубахи, вышитыя на груди и по подолу разноцвѣтыми шерстями, и холщевыя или ситцевые однорядки; зимою же онѣ носятъ оленью шубу, шерстью внутрь, съ частыми завязками и кисточками спереди. Голову онѣ покрываютъ, подобно татаркамъ, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахромою, называемымъ „вокшимъ“. Имъ окутываютъ и лицо.



Нужно замѣтить, что остячки, какъ и самоѣдки, не чужды стремлѣнія къ нарядамъ. Нерѣдко можно встрѣтить остячекъ съ выпущенными сзади косами, къ концамъ которыхъ прицѣплены монеты, бляхи, побрякушки; на рукахъ иной щеголихи можно видѣть татуированное изображеніе птицы, дерева или какого-нибудь узора.

По своему характеру остаки миролюбивы, кротки, малоподвижны и молчаливы; они способны къ упорному труду, если къ тому побуждаетъ ихъ голодъ, въ противномъ же случаѣ они предпочитаютъ сидѣть у огня, ничего не дѣлая. Выносли-

вость осяка просто удивительна: ему нипочемъ и стужа, и зной, и даже голодъ. Осенью, напр., когда морозъ уже сковываетъ рѣки, осяки, засмотрѣвшись на что-нибудь, по долгу стоять босые на берегу рѣки и только по-временамъ приподнимаются то ту, то другую ногу. Пробить сутокъ двое безъ пищи для осяка не въ диковину; зато, если онъ добудетъ много пищи, онъ сѣсть за троихъ. Къ привлекательнымъ чертамъ осяцкаго характера относится честность: рѣдкій осякъ позовитъ себѣ уворовать или обмануть; долги своимъ заимодавцамъ они платятъ крайне аккуратно,— осякъ скорѣе согласится поступить въ работники къ заимодавцу, чѣмъ не заплатить ему долга. Кромѣ того, подобно всѣмъ другимъ инородцамъ, осяки отличаются гостепріимствомъ. Зашедшій гость, кто бы онъ ни былъ, всегда найдетъ въ юртѣ осяка пріютъ и пищу. Принять отъ путника плату за пріютъ осяки считаютъ непозволительнымъ; другое дѣло—получить отъ него подарокъ. Нужно замѣтить, что осяки вообще любятъ получать подарки. Получивъ отъ путешественника подарокъ, осякъ готовъ сдѣлать для него все, что только понадобится; мало того, онъ нерѣдко считаетъ своимъ долгомъ отдарить подарившаго. Къ непривлекательнымъ чертамъ осяка, какъ и самоѣда, относится его крайняя нечистоплотность, вслѣдствіе которой тѣло его нерѣдко бываетъ почти сплошь покрыто язвами.

Живутъ осяки небольшими селеніями, хижинъ въ 10—12. Селенія ихъ отстоятъ одно отъ другого на нѣсколько десятковъ верстъ. Хижины строятся изъ дерева и покрываются берестой, засыпанной землею. Въ углу хижины, близъ дверей, всегда находится глиняный чуваль, надъ которымъ въ потолкѣ оставляется отверстіе для выхода дыма. На чувалѣ почти весь день горятъ дрова. Возлѣ стѣнъ идутъ нары съ разостланными на нихъ, сплетенными изъ травы или камыша, рогожами. Свѣтъ въ хижину проникаетъ чрезъ единственное оконце,—у богатыхъ со стекломъ, а у бѣдныхъ пузырчатое или со вставленной въ него льдиной. Въ одной хижинѣ живеть иногда семейство по пяти, и для каждого изъ нихъ на нарахъ отгораживается досками особое мѣсто для спанья. Возлѣ хижинъ стоятъ на высокихъ стойкахъ амбарчики для склада рыбы и другихъ сѣбѣстныхъ припасовъ.

Въ хижинахъ, впрочемъ, осяки живутъ только зимою; съ началомъ же весны они складываютъ все свое имущество на лодки или нарты и отправляются на всю весну и лѣто на рыболовныя мѣста, где и устраиваютъ себѣ чумы или шалаша. Стѣны шалаша они выводятъ низенькия, крышу же, изъ ивовыхъ стволовъ, дѣлаютъ высокую и обкладываютъ ее древесной корой. Наверху крыши оставляется отверстіе, въ которое выходитъ дымъ изъ очага, сложенного изъ камней. Возлѣ чума или шалаша ставятся колыа съ поперечными перекладинами для сушки рыбы и тутъ же устраивается на высокихъ столбахъ помѣщеніе для склада добычи.

Все, сказанное сейчасъ, относится, однако, лишь къ тѣмъ осякамъ, которые, подъ вліяніемъ русскихъ, перешли къ осѣдлому образу жизни. Тѣ же осяки, которыхъ еще не коснулось вліяніе русскихъ, до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни, перекочевывая со своими оленями съ одного мѣста тундры на другое. Жилищами ихъ служатъ чумы.

Вообще образъ жизни осяка всецѣло зависитъ отъ его занятій. Въ этомъ отношеніи всѣхъ осяковъ можно раздѣлить на оленеводовъ рыболововъ и звѣролововъ.

Образъ жизни первыхъ, какъ и самоѣдовъ, всецѣло зависитъ отъ оленей.

Остякъ-оленеводъ не можетъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, но принужденъ перекочевывать туда, куда идутъ олени, т. е. лѣтомъ — на сѣверъ, а зимой — въ тайгу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что некоторые остяки, имѣя небольшія стада оленей, даже и на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ, а не перекочевываютъ къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Для защиты же оленей отъ насѣкомыхъ они строятъ большия шалаши, въ которыхъ разводятъ постоянное курево; въ этихъ убѣжищахъ и спасаются олени отъ своихъ мелкихъ, но докучливыхъ враговъ, выходя отсюда для корма во время утренниковъ или сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ.

Остяки второй категоріи, т. е. рыболовы, съ ранней весны и до поздней осени ъздали по рекамъ и ловятъ рыбу. Наибольшій уловъ производится ими на рекѣ Оби, а потому они богочорятъ эту реку, называя ее не иначе, какъ своимъ богомъ, своей кормилицей. Для разѣздовъ по обширнымъ водамъ Оби они обыкновенно употребляютъ длинныя и глубокія лодки. Нерѣдко двѣ такія лодки сплачиваются между собою, и поверхъ ихъ настилается дощатый помостъ, служащий для склада наловленной рыбы и рыболовныхъ снастей. Для болѣе же скорыхъ перѣѣздовъ остяки употребляютъ маленькия лодки-душегубки, которыми управляютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Будь какая угодно бурая, заставляющая даже пароходъ становиться на якорь, но если по близости стоянки находятся остяцкія селенія, — къ остановившемуся судну сейчасъ же, несмотря на бушующія волны, подѣзываютъ въ своихъ душегубкахъ остяки. Подѣхавши къ пароходу, они взбираются по веревочной лѣстницѣ на палубу, продаютъ привезенную рыбу, и затѣмъ отправляются въ обратный путь.

Остяковъ, занимающихся исключительно звѣроловствомъ, сравнительно немного. Промыселъ этотъ служитъ обыкновенно лишь добавочнымъ занятіемъ къ рыболовству или оленеводству. Охотятся остяки на тѣхъ же звѣрей, на которыхъ охотятся и самобыды, да и охотничія орудія у тѣхъ и другихъ одинаковыя: лукъ, стрѣлы, капканъ съ лукомъ, забойникъ, рогатина и ружье.

Всѣ домашнія работы у остяковъ исполняютъ женщины. Возвратится остякъ съ рыбной ловли или охоты, сядетъ или ляжетъ у огня и курить себѣ трубку, а жена въ это время дѣлаетъ для него все: и пищу приготовить, и одежду или рыболовную снасть починить, и дровъ для очага наколеть. Вообще съ женщиной остякъ обращается весьма грубо: мало того, что принуждастъ ее къ чрезмѣрному труду, но и бѣть ее за малѣйшую неисправность по хозяйству.

Въ обыденной жизни остяки пользуются своими особыми единицами времени и пространства. Такъ, длину они мѣряютъ на ручную сажень, называемую „ешь-лаль“; пространство они опредѣляютъ по оленевому бѣгу, называя словомъ „выли-востапса“ такое разстояніе, которое олени пробѣгаютъ безъ отдыха, т. е. около 15 верстъ; время же остяки опредѣляютъ по варкѣ пищи въ котлѣ: ихъ слово „пуль-сысь“ буквально значитъ — котелъ времени, т. е. такой промежутокъ времени, въ который пища можетъ свариться въ котлѣ. Остальная затѣмъ мѣры объема, вѣса, цѣны — у нихъ такія же, какъ и у русскихъ.

Значительная часть остяковъ крещена русскими священниками. Но вслѣдствіе разбросанности остяцкихъ селеній, а также вслѣдствіе полукочевого образа жизни остяковъ, духовенство не имѣетъ возможности надлежащимъ образомъ наставлять ихъ въ правилахъ христіанской вѣры; оно не имѣетъ даже возможности совершать свое-

временно церковных требы: случается, что дѣти остыаковъ-христіанъ до трехъ—четырехъ лѣтъ остаются некрещеными, а покойники ихъ погребаются безъ отпѣванія. Немудрено, что остыакъ, хотя и носитъ на груди крестъ, однако придерживается и многихъ языческихъ обычаевъ. Очень многіе остыаки имѣютъ, напр., по два имени: одно остыцкое, выражющее что-либо, замѣченное отцомъ при рождении ребенка, а другое—русское.

Остыаки-язычники имѣютъ иѣкоторое понятіе о верховномъ божествѣ, живущемъ на небѣ. Божество это они называютъ „Торымъ“ (добрый богъ, властитель вселенской) и думаютъ, что никто изъ людей не имѣеть права утруждать его просыбами. Кромѣ „Торыма“, остыаки вѣруютъ въ низшихъ боговъ, которые имѣютъ власть дѣлать людямъ или добро, или зло, а потому и раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Остыаки почитаютъ также идоловъ, которымъ приносятъ жертвы. Кромѣ идоловъ, чтимыхъ цѣлымъ родомъ, каждая семья имѣеть своего идола, къ которому остыакъ обращается съ просыбой о помощи, когда собирается на рыбный или звѣриный промыселъ. Возвратившись съ удачнаго промысла, онъ благодарить своего идола за оказанную ему помошь и приносить ему въ жертву кусокъ мяса; если уловъ былъ не вполнѣ удаченъ, ограничивается лишь тѣмъ, что мажетъ саломъ или кровью его губы; когда, наконецъ, уловъ былъ плохой, онъ сѣть своего идола.

При бѣдствіи, постигшемъ цѣлый родъ, напр., при повальной болѣзни, при неуловѣ звѣрей или рыбы, совершается общее жертвоприношеніе. Шаманъ отправляется къ идолу и вопрошаєтъ его о жертвахъ. Возвратившись, онъ объявляетъ народу волю божества. Остыаки сходятся къ идолу и пригоняютъ оленей. Шаманъ, облекшись въ свой костюмъ, выкрикиваетъ передъ идоломъ просыбу собравшагося народа, потомъ начинаетъ бить въ бубенъ, кружиться, въ изступленіи кричать и кататься по землѣ. Затѣмъ онъ встаетъ и ударяетъ обреченного въ жертву оленя по головѣ. Одновременно съ этимъ остальные остыаки пускаютъ въ того же оленя стрѣлы и добиваются его кольями, стараясь сразу уложить животное, такъ какъ скорая смерть жертвы, по ихъ мнѣнію, угодна идолу. Изъ убитаго оленя вынимаютъ сердце, выпускаютъ изъ него кровь и мажутъ ею губы идола. Затѣмъ всѣ присутствующіе пьютъ кровь жертвы и ёдятъ ея сырое мясо. Кожу вмѣстѣ съ головой и ногами вѣшаютъ на дерево, стоящее на мѣстѣ жертвоприношенія.

Иногда остыаки-язычники совершаютъ и празднества въ честь того или другого изъ своихъ идовъ. Въ прежнее время такія празднества происходили у нихъ гораздо чаще, и вотъ какъ совершалось, напр., въ прежніе годы празднество въ честь остыцкаго идола Елены.

Въ хижину, гдѣ помѣщался идолъ, собирались мужчины и женщины; какъ тѣ, такъ и другія, вошедши сюда, перевертывались по три раза передъ идоломъ. Затѣмъ мужчины садились на нарахъ по правую сторону, а женщины—по лѣвую. Когда всѣ были въ сборѣ, шаманъ начинай гремѣть желѣзными саблями и копьями, заранѣе приготовленными и лежавшими на шестахъ передъ кумиромъ; потомъ онъ раздавалъ ставшимъ въ рядъ мужчинамъ по сабль и копью, а самъ, взявъ въ обѣ руки по саблю и оборотившись къ идолу спиной, начинай ударять ими одна о другую. По этому сигналу остыаки принимались качаться изъ стороны въ сторону, то поднимая оружіе, то опуская его, и сопровождая каждое тѣлодвиженіе дикими криками „гай-гай!“ Чѣмъ дольше остыаки ревѣли и качались такимъ образомъ, тѣмъ

болѣе они приходили въ изступленіе. Наконецъ, утомившись, они смолкали, отдавали оружіе шаману и садились на нары. Тогда открывалась занавѣска, скрывавшая женщины, и являлась новая сцена. Начинала гудѣть домбра,—струйный инструментъ, имѣющій видъ лодки,—и подъ ея музыку остыки и остатки пускались въ плясъ. Послѣ пляски шаманъ снова раздавалъ мужчинамъ оружіе и повторялся предшествовавшій обрядъ. Такое празднество продолжалось иногда нѣсколько часовъ, съ вечера до полуночи.

Не ограничиваясь почитаніемъ идоловъ, остыки богочтятъ также нѣкоторыя горы, камни, деревья и другіе предметы, произведшіе на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Мѣста возлѣ этихъ предметовъ священны: на нихъ остыкъ не осмѣлитъся ни напиться воды, ни срубить вѣтку, ни нарвать травы.

Клятвѣ остыки, какъ и самоѣды, придаютъ чрезвычайно большое значеніе: остыкъ никогда не осмѣлитъся прикрыть клятвой свое преступленіе или измѣнить тому, что подтвердилъ присягой. Остыки-язычники даютъ клятву обыкновенно въ одной изъ слѣдующихъ формъ: или обвиняемый беретъ раскаленный уголекъ и держитъ его нѣсколько секундъ въ зубахъ, затѣмъ, вынувъ его, произноситъ: „если я виноватъ и говорю неправду, то да сожжетъ меня огонь“; или онъ беретъ въ ротъ полный глотокъ воды, затѣмъ выплевываетъ ее и произноситъ: „если говорю неправду, то волны рѣки поглотятъ меня“; или, наконецъ, онъ цѣлуетъ голову, лапу или зубъ медведя и произноситъ: „если говорю неправду, то медведь да растерзаетъ меня“. Эта послѣдняя форма клятвы считается самой страшной.

Что касается браковъ, то необходимо принадлежностью каждого брака у остыковъ, какъ и у самоѣдовъ, служить уплата за невѣstu калыма. Обыкновенно остыкъ, желающій женить своего сына, первымъ дѣломъ посыпаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который ведеть переговоры относительно количества калыма. Иногда свать нѣсколько разъ побываетъ то у родителей невѣсты, то у родителей жениха, прежде чѣмъ между ними состоится соглашеніе. Родители невѣсты обыкновенно запрашиваютъ какъ можно больше калыма, такъ какъ величиной послѣдняго опредѣляется достоинство невѣсты; а родители жениха, напротивъ, упрашиваютъ уменьшить калымъ. Уплачивается послѣдній оленями, деньгами, мѣхами и одеждой. Если женихъ не въ состояніи сразу уплатить весь калымъ, ему даютъ отсрочку. Въ свой чередь родители невѣсты даютъ за дочерью приданое, состоящее обыкновенно изъ одежды, юрты, домашней утвари, оленей и т. п.; иногда въ приданое идетъ и часть калыма, полученнаго отъ жениха. Кромѣ уплаты калыма, у нѣкоторыхъ остыковъ существуетъ довольно оригиналный обычай принесенія свадебныхъ подарковъ. Женихъ беретъ котель или туязокъ съ подарками, идетъ къ невѣстѣ, которая ждетъ его, закрытая покрываломъ, кладетъ передъ нею подарки и уходитъ. Невѣста, откинувъ покрывало, пересматриваетъ подарки и, если находитъ, что ихъ недостаточно, выбираетъ все изъ котла или туязка, а сама садится попрежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остатками—свахами. Черезъ нѣсколько времени женихъ снова входитъ и, видя, что его подарки разбросаны, собираетъ и уносить ихъ въ свою хижину, гдѣ перемѣняетъ подарки или добавляетъ новыми и снова приходитъ. Такимъ образомъ невѣста можетъ браковать подарки нѣсколько разъ, причемъ женихъ всякий разъ пополняетъ или замѣняетъ ихъ новыми. Наконецъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она укладываетъ ихъ въ порядокъ въ котель, и это

служить знакомъ для жениха, что она согласна выйти за него замужъ. Тотчасъ же въ хижину родителей невѣсты собираются родные и знакомые молодыхъ; начинается угощеніе ихъ рыбой, олениной, мясомъ дикихъ звѣрей и нерѣдко водкой; иногда подъ звуки „домбры“ или „лебеди“ устраивается пляска.

У крещеныхъ остяковъ бракосочетаніе совершаются священникомъ; родство и свойство считается у нихъ, согласно правиламъ церкви, препятствиемъ къ заключенію брака. У некрещеныхъ же остяковъ браки не допускаются только въ самомъ близкомъ родствѣ. Такъ, родные братья и сестры не могутъ вступить между собою въ бракъ, двоюродные же—могутъ; два остяка могутъ для женитьбы мѣняться родными сестрами и т. п. Вдова умершаго остяка-язычника принадлежитъ, какъ наследственная собственность, ближайшему родственнику покойнаго, родному или двоюродному брату или племяннику; если же онъ откажется отъ нея, то вдова можетъ выйти замужъ по своему желанію,—не ранѣе, впрочемъ, какъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней со дня смерти мужа.

Съ приближеніемъ времени родовъ, остячка переселяется изъ общей въ особую хижину, гдѣ и живеть около четырехъ недѣль послѣ рожденія у нея младенца. Туда ей приносить пищу и все нужное. По истеченіи означенного времени родильница окуривается и возвращается къ мужу, въ общую хижину.

Къ своимъ больнымъ остяки относятся съ большимъ участіемъ. Если въ хижинѣ лежить больнымъ кто-нибудь изъ членовъ семьи, остякъ считаетъ своею обязанностью оставаться при немъ, хотя бы самая настоятельная надобность требовала его отлучки изъ деревни. Для излѣченія больного остяки нерѣдко прибѣгаютъ къ помоши шамановъ. Лучшимъ лѣкарствомъ отъ всякой болѣзни они считаютъ медвѣжью желчь, разбавленную водою, а также порошокъ изъ медвѣжьяго зuba.

Покойника остяки погребаютъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ онъ умеръ. Передъ погребеніемъ они обвертываютъ его въ бересту, а въ могилу его кладутъ тѣ вещи, которыя ему необходимы были при жизни: лукъ, стрѣлы, съѣстное, трубку, табакъ и т. п. На могилѣ нерѣдко убиваютъ его любимыхъ оленя и собаку. Жена и дочери покойника, въ знакъ сожалѣнія и скорби, царапаютъ себѣ до крови лицо, вырываютъ волосы и бросаютъ ихъ на трупъ, вѣруя, что душа его черезъ шесть недѣль придетъ узнать, насколько о немъ сожалѣли оставшіеся въ живыхъ, и будетъ радоваться, если увидитъ, что о немъ сильно сожалѣли. Послѣ погребенія остяка, жена и дѣти его дѣлаютъ, подобно самѣдамъ, чурбанъ, одѣваютъ его въ платье покойнаго и кладутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный любилъ лежать. Съ этимъ чурбаномъ обходятся такъ же, какъ, бывало, обходились съ умершимъ, а по истеченіи года съ плачомъ зарываютъ его въ землю.

Главной пищей остяковъ служить рыба, которую они ёдятъ въ самыхъ различныхъ видахъ: и сырью, и вареную, и вяленую; второе мѣсто въ столѣ ихъ занимаетъ оленье мясо; не брезгаетъ впрочемъ остякъ и мясомъ дикихъ звѣрей: пепецъ, лисицъ, волковъ и др. Хлѣба остяки ёдятъ мало; но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ „салыкъ“—шоклебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лакомствомъ для нихъ служить „варка“—рыбы брюшки и кишкы, уваренные до густа въ рыбьемъ жирѣ, и „поземы“, т. е. хребты моксуновъ (рыбы), провяленные лѣтомъ на солицѣ. Лѣтомъ они лакомятся также дичью, которую ловятъ въ большомъ количествѣ, а зимою—„струганиной“: строгаютъ ножомъ мерзлую

рыбу и эти стружки ёдять съ солью или безъ нея. Во время же переѣздовъ съ одного мѣста на другое главною пищею остыка служить толченая въ порошокъ сухая рыба.

Водку, подобно самойdamъ, остыки любятъ до страсти. Напиться до пьяна для нихъ величайшее наслажденіе. Каждое сколько-нибудь радостное событие сопровождается повальнымъ пьянствомъ, за которымъ, какъ водится, слѣдуютъ ссоры и драки по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Получаютъ водку остыки болѣею частью отъ русскихъ торговцевъ, въ обмѣнъ за рыбу, мякѣ и селезину, а также изъ буфетовъ пассажирскихъ пароходовъ, плавающихъ по рекѣ Оби. Какъ только присталъ къ берегу пароходъ, сейчасъ къ нему подѣзываютъ или подходятъ остыки съ рыбой и спрашиваютъ: „Кабакъ есть?“ т. е. есть ли буфетъ?... Если остыкъ видитъ, что у него недостаточно водки, онъ, для усиленія ея дѣйствія, кладетъ въ чашку нюхательного табаку, наливаетъ водкой, размѣшиваетъ и эту смѣсь пьеть.

Вообще табакъ остыки любятъ не менѣе водки и охотно курятъ, нюхаютъ, даже жуютъ его. ВыкуриТЬ трубку табаку или сжевать щепотку его—составляетъ для каждого остыка большое удовольствіе.

---

## II.

### ВОГУЛЫ.

Сибирские vogулы разбросаны въ Тобольской губерніи, отъ Урала до рѣки Иртыша и Оби. Всѣхъ ихъ насчитывается въ настоящее время до четырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одни ведутъ еще бродячій образъ жизни, другие же перешли уже къ осѣдлости.

Этнографически vogулы принадлежать къ финскому племени,— слѣдовательно, родственны остыкамъ, самоѣдамъ и другимъ инородцамъ того же племени. Оттого и типъ ихъ представляетъ значительное сходство съ типами этихъ инородцевъ: они средняго роста, нѣсколько сутуловаты; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, узкими, косо лежащими глазами и рѣдкой бородой; волосы на головѣ ихъ чернаго цвѣта, встрѣчаются, впрочемъ, и рыжіе.

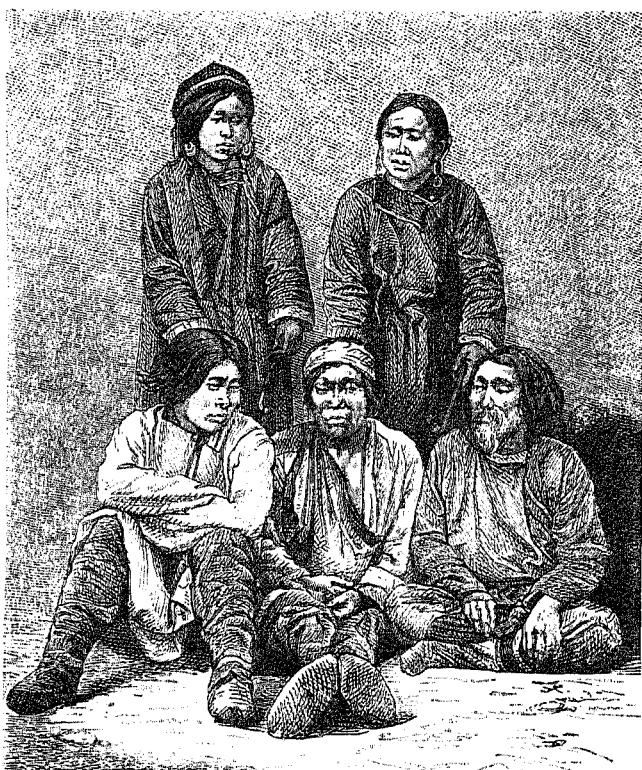
Одежда vogуловъ, ведущихъ бродячій образъ жизни, шьется изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей и покроемъ своимъ похожа на одежду самоѣдовъ; осѣдлые же vogулы носятъ одежду, похожую на одежду русскихъ крестьянъ.

Жилищемъ для осѣдлыхъ vogуловъ служатъ избушки, а для бродячихъ—землянки и чумы, покрытые лѣтомъ берестой, а зимою шкурами звѣрей. Внутри избушки бываетъ большею частью грязно и дымно. Домашняя утварь состоить изъ котла, деревянныхъ мисокъ, берестяныхъ кузовковъ и мѣшковъ изъ оленьей шкуры. Почти передъ каждой избушкой можно видѣть вмазанный въ глиняную каменку котель, въ который бросаются кости животныхъ и рыбъ для варки ихъ собакамъ. Въ этомъ же котлѣ vogулка парить и грязное бѣлье.

По своему характеру vogулы отъ природы флегматичны, малоподвижны и молчаливы. На лицахъ ихъ рѣдко можно замѣтить выраженіе удовольствія. Даже будучи пьяными, они сохраняютъ угрюмое выраженіе лица. Но при всемъ томъ они никогда не жалуются на свою жизнь. Сжатыя губы и глубокій, сумрачный взглядъ ихъ выражаютъ упорство и терпѣніе. Въ прежнее время vogулы были довольно воинственны; въ настоящее же время они отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ. Къ начальствующимъ лицамъ они относятся съ почтеніемъ и считаются даже невозможными ослушаться приказанія кого-нибудь изъ властей. Ясакъ они вносятъ аккуратно и видимо гордятся этимъ. Сдавая чиновнику принесенный ясакъ, vogулъ не преминетъ заявить ему, что и въ будущее время онъ будетъ также аккуратенъ. Къ собственному положенію vogулы относятся довольно равнодушно; слышится, что въ семье нѣтъ куска пищи, а vogулъ преспокойно курить свою трубку или играть въ карты. При продажѣ своего товара русскимъ купцамъ vogулы проявляютъ осторожность и даже хитрость; но если купецъ попотчуешь водкой продавца-vogула, осторожность послѣдняго исчезаетъ; онъ становится мягкимъ и говорчивымъ, выкладываетъ передъ покупателемъ все свое богатство и изъ-за лишняго штофа водки готовъ продать за

безъяновъ свой лучшій пушной товаръ. Гостепріимствомъ вогулы отличаются подобно всѣмъ вообще инородцамъ. Вогулъ охотно приметъ гостя въ своей избушкѣ и угостить его тѣмъ, что имѣеть. Несмотря на свою бѣдность, они никогда также не отказываютъ въ помощи другъ другу.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія значительная часть вогуловъ была крещена. Крещеные вогулы не прекословятъ требованіямъ священникозъ и исполняютъ наружные обряды христіанской церкви; но духомъ христіанского ученія они еще далеко не прониклись и къ христіанскимъ обрядамъ нерѣдко присоединяютъ обряды своей прежней, языческой, религіи. Что касается некрещеныхъ вогуловъ, то они имѣютъ такія же религіозныя вѣрованія, какъ и остяки-язычники. Высшимъ божествомъ они, подобно остякамъ, считаютъ Торымъ, жилищемъ котораго служить небо. Кромѣ главнаго бога, они признаютъ и второстепенныхъ боговъ. Поклоняются они



также идоламъ, которыхъ помѣщаютъ или въ избушкахъ, или въ рощахъ, на деревьяхъ. Наибольшимъ почетомъ пользуются у нихъ идолы: Ортикъ и Золотой идолъ. Святилище послѣдняго находилось (по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ и теперь еще находится) въ одной возвышенной долинѣ Уральскихъ горъ, среди болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Женщины, которымъ случалось проходить мимо этого священнаго мѣста, не имѣли права даже взглянуть на верхушки деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ укрывалось божество. Въ честь Золотого идола вогулы нерѣдко совершиали празднества, на которыхъ въ жертву идолу приносилась лошадь, и присутствующіе

пили жертвенную кровь изъ священной чаши. Поклонение домашнимъ идоламъ совершается вогулами обыкновенно при пылающемъ очагѣ. Высшимъ выражениемъ религиозного чувства служить у нихъ бичеваніе себя передъ идолами прутьями или сухими олеными кишками. Подобно тому, какъ у самоѣдовъ, и у вогуловъ сохранилась еще вѣра въ силу шамановъ; къ послѣднимъ они прибѣгаютъ для заклинаній или для устраненія несчастія. Само собою разумѣется, что тѣ изъ вогуловъ, которые живутъ вдалѣ отъ русскихъ крестьянъ и потому не имѣютъ съ ними никакого общенія, въ большей мѣрѣ придерживаются своихъ старыхъ религиозныхъ вѣрованій и обычаевъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ по сосѣдству съ русскими и находятся съ ними въ постоянномъ общеніи; послѣдніе въ значительной мѣрѣ отстали отъ своихъ прежнихъ вѣрованій и обычаевъ и по своимъ религиознымъ понятіямъ приближаются къ своимъ сосѣдямъ—русскимъ.

Грамотность у вогуловъ не распространена. Трудно найти вогула, который умѣлъ бы читать или писать. Для обозначенія своихъ животныхъ или вещей, они, какъ и другіе сѣверные инородцы, употребляютъ тамги или клейма, изображающія или лукъ, или кольцо, или дерево, или другой какой-нибудь предметъ. Эти же клейма они употребляютъ для засвидѣтельствованія, если представляется надобность, церковнаго или гражданскаго документа. Въ лѣсахъ они вырѣзываютъ свои клейма на стволахъ деревьевъ, для того, чтобы дать знать о своемъ проходѣ тѣмъ, которые пройдутъ послѣ нихъ. Каждый родъ имѣеть свою тамгу, которая переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Случается, что вогуль отпечатываетъ ее на своей рукѣ или ногѣ.

Народная поэзія вогуловъ крайне бѣдна. У нихъ нельзя услышать ни героической, ни бытовой пѣсни, которая переходила бы изъ рода въ родъ. Если иногда вогуль и поетъ своимъ заунывнымъ плаксивымъ тономъ пѣсню, то въ ней онъ выражаетъ лишь свои моментальные ощущенія, имѣющія мало значенія для другихъ. Случается, что онъ сопровождаетъ свою малосодержательную пѣсню бренчаніемъ на струнномъ инструментѣ самаго первобытнаго устройства („санкультенъ“, „нероненъ“).

За жену вогулы уплачиваютъ калымъ, который простирается отъ 15 до 60 руб. Выплативши условленный калымъ, вогуль-христіанинъ обращается къ священнику, чтобы тотъ совершилъ обрядъ бракосочетанія. Положеніе женщины у вогуловъ тяжелое: на нее взвалена большая часть домашней работы. О воспитаніи дѣтей своихъ вогулы мало заботятся; по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подрастетъ, онъ самъ перенимаетъ отъ окружающихъ лицъ тѣ немногосложнѣя знанія, обладаніе которыми необходимо въ вогульскомъ быту. Для помѣщенія своихъ маленькихъ дѣтей вогулы устраиваютъ изъ берестового листа колыбели. Колыбель сгибается подъ угломъ и подвѣшивается къ перекладинѣ въ хижинѣ или чумѣ. На дно колыбели стелются стружки, которая покрываются мѣхомъ. Въ такую колыбель кладутъ ребенка, покрываютъ его оленевой шкурой, а чтобы онъ не вываливался привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ.

Занятія осѣдлыхъ вогуловъ почти ничѣмъ не отличаются отъ занятійсосѣднихъ русскихъ крестьянъ: они также преимущественно занимаются земледѣліемъ, причемъ сѣять рожь и ячмень; но вслѣдствіе суровости климата, хлѣбъ не всегда созреваетъ, и занятіе земледѣліемъ мало обеспечиваетъ ихъ существованіе. Поэтому многие вогулы занимаются и другими промыслами, особенно рыболовствомъ и пчело-

водствомъ; вѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 70 ульевъ. Скотоводствомъ, какъ промысломъ, осѣдлые vogулы не занимаются; земледѣльцы держать лишь столько лошадей, сколько необходимо для ихъ полевыхъ работъ. Рогатаго скота у нихъ немного,— только болѣе зажиточные имѣютъ по двѣ или по три коровы. Что касается бродячихъ vogуловъ, то они занимаются, подобно самойдамъ, оленеводствомъ; но главное ихъ занятіе состоить въ охотѣ. Какъ только земля покроется первымъ снѣгомъ, vogулы небольшими партіями отправляются на промыселъ за пушнымъ звѣремъ. Подъ ноги они подвязываютъ деревянныя, обшитыя оленьей шкурой, лыжи; провизію и охотничью принадлежности складываютъ въ нарты и везутъ съ собой. При охотѣ значительную услугу vogуламъ, какъ и другимъ сѣвернымъ инородцамъ, оказываютъ собаки, которыхъ бѣгутъ передъ хозяиномъ, отыскиваютъ звѣря и своеобразнымъ лаемъ даютъ ему обѣ этомъ знать. Въ концѣ зимы или лѣтомъ звѣроловы продаютъ пріѣзжающимъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ заготовленный пушной товаръ; вѣкоторые же изъ нихъ для сбыта своего товара сами ёздятъ въ различные торговые пункты, особенно въ Обдорскъ.

Пища vogуловъ всецѣло находится въ зависимости отъ ихъ занятій. Такъ, vogулы-земледѣльцы питаются хлѣбомъ, ягодами, кедровыми орѣхами, а иногда рыбой и мясомъ; рыболовы питаются преимущественно рыбой; звѣроловы же—мясомъ убитыхъ ими звѣрей. Самымъ вкуснымъ считается ими мясо лосей. Слѣдуетъ замѣтить, что vogулы вообще неразборчивы въ пищѣ. При голодѣ они ёдятъ что ни попадается. Рыбу они варятъ вмѣстѣ съ внутренностями. Случается, что если у vogула истощился запасъ пищи, а голодъ между тѣмъ даетъ себя чувствовать, то онъ собираетъ давно выброшенныя кости, разбиваетъ ихъ и варить. Посуда, въ которой приготавляется и держится пища, большею частью бываетъ страшно грязна, такъ какъ почти никогда не моется.

Многіе vogулы, подобно осякамъ, курятъ,нюхаютъ и жуютъ табакъ. Нюхательный табакъ они держать въ рожкахъ или костяныхъ табакеркахъ, а курительный—въ кожаныхъ мѣшкахъ или кисетахъ, сдѣланныхъ изъ лапокъ лебедя: лапку очишаютъ отъ косточекъ, надуваютъ, сушатъ,— и кисетъ готовъ. Курять изъ костяныхъ трубочекъ.



## IV.

### БУРЯТЫ.

---

Буряты съ давнихъ поръ поселились вокругъ Байкальского озера, въ Иркутской губерніи и Забайкальской области, на пространствѣ отъ запада къ востоку почти на тысячу верстъ. Мѣстность, занятая ими, представляетъ всѣ удобства въ жизни: поля даютъ хорошие урожаи, степи обильны кормовыми травами, горы, окаймляющія степную полосу, покрыты густыми лѣсами, гдѣ въ изобилии водятся дикие звѣри. Прибавимъ къ этому, что горные вершины питаются множествомъ рѣчекъ и ручьевъ, орошающихъ степи и поля. На означенномъ пространствѣ живеть около 250 тысячъ бурятъ, изъ которыхъ одни перешли уже къ осѣдлому образу жизни, другіе же продолжаютъ кочевать на просторѣ степей.

Буряты—монгольского происхожденія, что видно какъ изъ языка, такъ и изъ виѣшняго вида ихъ. Подобно монголу, буряты имѣтъ коричнево-бронзовыій цвѣтъ кожи, широкое, плоское лицо, небольшой приплюснутый носъ, узкіе, косо расположенные, черные глаза, оттопыренныя уши и большой ротъ. Рѣдкая бородка бываетъ только у стариковъ; молодые же тщательно выщипываютъ ее. Голову буряты брѣютъ, но не вою: они оставляютъ на макушкѣ длинную косу, которая спускается на спину. Замужнія женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, спускаемыя на грудь; дѣвушки же заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ. Если волосы недостаточно густы и длинны, то прибавляютъ къ нимъ фальшивыя косы, часто сдѣянныя изъ конскихъ волосъ. На концахъ кость у женщинъ и дѣвушекъ нерѣдко бываютъ привѣшены различныя металлическія украшенія и серебряныя деньги. Вообще бурятскія женщины—большія щеголихи: въ ушахъ многія изъ нихъ носятъ перегнутыя кожаныя пластинки, обшитыя бусами и металлическими блестками, на шеѣ—ожерелья изъ разныхъ бусъ, перемѣшанныхъ съ монетами, а на пальцахъ—массивныя серебряныя кольца. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на головѣ коническая мѣховая шапка, съ цвѣтною шелковою кистью на верхушкѣ. Лѣтомъ буряты ходятъ въ бумажныхъ, а богатые нерѣдко въ шелковыхъ халатахъ; зимою же обыкновенную одежду ихъ составляютъ бараны тулуны, которые у богатыхъ бываютъ покрыты шелковой матеріей и обшиты на груди и по подолу соболемъ. Верхняя одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только у первыхъ она бываетъ болѣе украшена, чѣмъ у послѣднихъ. Мужчины опоясываются кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и труткомъ, кисетъ для табаку и маленькая металлическая трубка, называемая ганзой.

Живутъ буряты небольшими селеніями или улусами. Жилищемъ осѣдлыхъ бурятъ служатъ небольшія деревянныя избушки, а кочевые обитаютъ въ круглыхъ, покрытыхъ кошмами юртахъ. Полъ въ юртахъ—земляной, у богатыхъ устланъ вой-

локомъ и коврами. По сторонамъ въ юртѣ разставляются сундуки, а на стѣнахъ развѣшиваются сѣдла, конская сбруя, серебряныя украшенія и т. п. вещи. Посрединѣ юрты устраивается очагъ, надъ которымъ стоитъ треногъ. Возлѣ юрты устраиваются загородки для скота.

Каждый бурятскій родъ помѣщается въ нѣсколькихъ юртахъ, огороженныхъ загородкою изъ жердей. Юрты въ загородкѣ обыкновенно размѣщаются такъ: по срединѣ стоять юрта старшаго въ родѣ бурята, по бокамъ ея—юрты женатыхъ сыновей его, въ соседніхъ загородкахъ помѣщаются семейства близкихъ родственниковъ, напр., братьевъ, а въ болѣе отдаленныхъ живутъ дальниe родственники. Каждый родовой кругъ имѣть общія пашни, покосы, скотъ и т. п. Всѣ члены круга работаютъ сообща, а иногда даже и ёдятъ вмѣстѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что въ



быть бурять въ значительной мѣрѣ проявляется родовое, патріархальное начало. Сибирские крестьяне говорятъ про нихъ: „Да, у „братьскихъ“ не по-нашему, все артельно: ломоть хлѣба—и тотъ дѣлать всѣмъ по одинаковымъ кусочкамъ“.

Управляются буряты своими начальниками—тайшами и старшинами—шуленигами. Для нѣсколькихъ родовъ, соединенныхъ между собою, учреждены степные думы изъ старшинъ. Въ этихъ думахъ, подъ предсѣдательствомъ тайши, решаются дѣла по бурятскимъ законамъ и обычаямъ. Впрочемъ, за возмущеніе, буйство, грабежъ и дѣланіе фальшивой монеты буряты судятся въ общихъ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Всѣ буряты считаются равноправными между собою: они не знаютъ сословныхъ различий. Даже бурять-работникъ, вступившій въ услуженіе въ юрту богатаго бурята, не считается работникомъ, а помощникомъ или товарищемъ.

По своему характеру буряты вообще миролюбивы и кротки; но если ихъ оскорбить, они мстительны и даже злы. Взаимная помощь развита у нихъ весьма сильно: нищий бурять всегда можетъ найти себѣ пріютъ и убежище въ любой юртѣ,

бездонный или спрота можетъ самъ, вошедши въ юрту, взять себѣ събствнаго и т. п. Родныя степи свои буряты любятъ страшно и въ городѣ всегда чувствуютъ себя угнетенными. Какъ только начнется весна и степь покроется зеленью и цветами, бурята неудержимо тянутъ въ степь; вслѣдствіе чего они большею частью и живутъ въ услуженіе въ городѣ только по 9-е мая. И лишь только бурята вырвутся изъ душного города на просторъ степей, онъ становится неизнаваемымъ: въ городѣ онъ выглядѣлъ запуганнымъ, боязливымъ, тутъ же, въ степи, становится бодрымъ, смѣлымъ, и горделиво разъезжаетъ верхомъ на лошади.

По религії буряты принадлежать къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: христіанскому, шаманскому и ламайскому. Значительная часть бурята, особенно живущихъ на западѣ отъ Байкальского озера, обращена въ христіанство русскими миссионерами.



Они ходятъ въ православную церковь и обращаются къ священникамъ съ просьбою совершать установленныя церковныя требы. Въ улусахъ, отстоящихъ далеко отъ русскихъ перквой, устроены часовни, въ которыхъ совершается богослуженіе на бурятскомъ языке, на который переведены миссионерами нѣкоторыя священные книги.

Буряты, къ которымъ не проникло еще ни христіанство, ни ламайская религія, исповѣдуютъ старую шамансскую религію. По вѣрованію бурята-шаманистовъ, водами, горами, реками, огнемъ и людьми,—словомъ, всею природою управляютъ особые духи, стоящіе на различныхъ ступеняхъ могущества и силы. Нѣтъ сомнѣнія, что на создание такой религіи имѣло вліяніе созерцаніе окружающей природы со всеми ея явленіями, то страшными, то ласкающими. Особенно природа озера Байкала и окру-

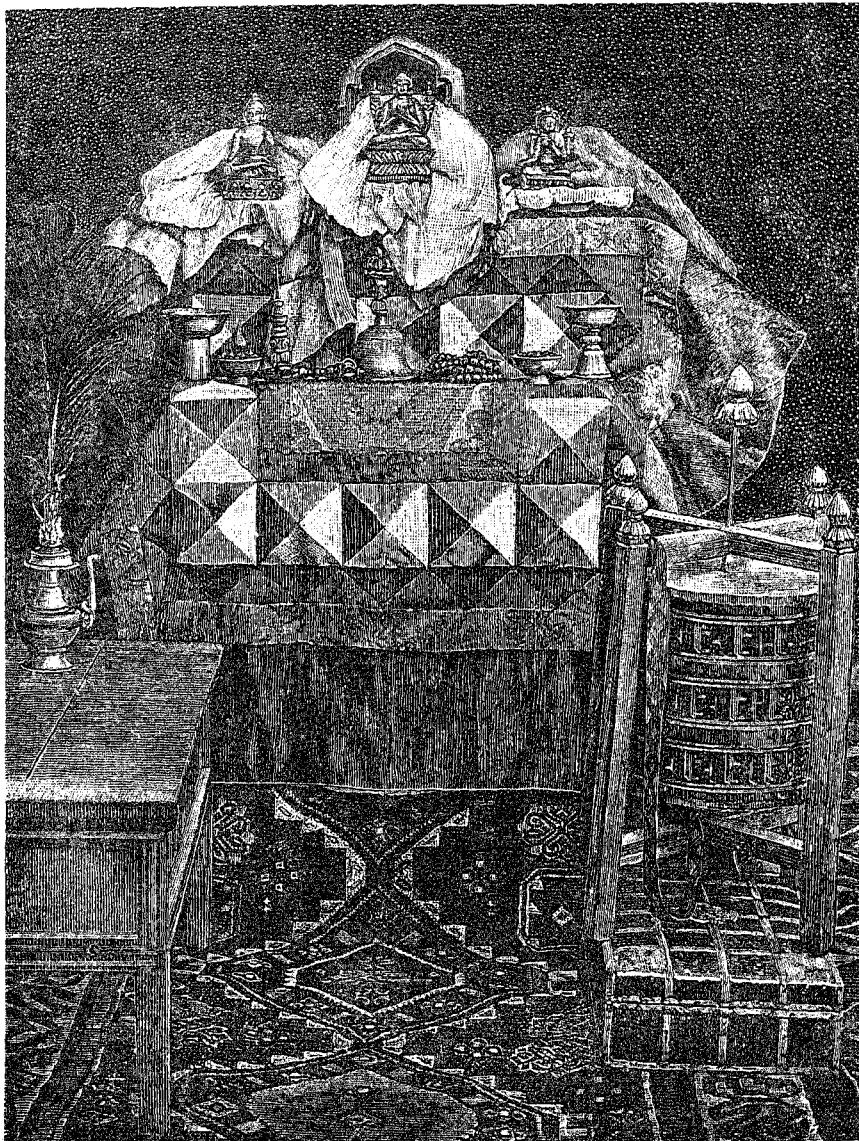
жающей его мѣстности не могла не повліять на бурятъ въ этомъ направлениі. Страшныя бури, часто бывающія здѣсь, дикія скалы, окружающія это озеро,— все это невольно должно было возбуждать фантазію бурятъ, которая и создала цѣлый міръ духовъ. Около Байкальского озера указываютъ много мѣсть, гдѣ пребываютъ эти духи. Однимъ изъ такихъ мѣсть является каменныи островъ, находящійся на рѣкѣ Ангарѣ, въ ста саженяхъ отъ выхода ея изъ Байкала. На этомъ островѣ буряты ветарину давали клятву: пріѣхавши на лодкѣ къ острову, они заставляли обвиняемаго взойти на самый верхъ его и здѣсь присягнуть въ справедливости своихъ показаній; увѣренность въ присутствіи на островѣ духовъ, которые слышать даваемую присягу, побуждала обвиняемаго сказать правду. Кромѣ поклоненія духамъ, которые управляютъ предметами и явленіями окружающаго міра, исповѣдующіе шаманскую религію буряты поклоняются также духамъ умершихъ людей, означеновавшихъ жизнь свою добродѣтелями, мужествомъ или другими заслугами.

Съ духами, по вѣрованію бурята-шаманистовъ, могутъ находиться въ общеніи только шаманы, которые поэтому въ состояніи узнавать волю духовъ и предсказывать судьбу людей. Но для того, чтобы имѣть общеніе съ духами, шаманъ долженъ предварительно притти въ экстазъ. Приготовляясь къ этому, онъ прежде всего облекается въ свой шаманскій костюмъ, отороченный краснымъ сукномъ и увѣшанный множествомъ металлическихъ пластинокъ, бубенчиковъ, хвостами различныхъ звѣрей, яглами дикобразовъ и т. п. Круглый бубенъ также составляетъ необходимую принадлежность каждого шамана. Обращаясь къ духамъ, послѣдній бьеть въ бубень, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и быстрѣе. По временамъ шаманъ прекращаетъ эту музыку и дѣлаетъ видъ, что прислушивается, потомъ снова усиленно бьеть въ бубень и при этомъ выкрикиваетъ обращенія къ духамъ. Наконецъ онъ владаетъ въ экстазѣ, глаза его свѣтятся и горятъ лихорадочнымъ огнемъ, пѣна выступаетъ изо рта,— и въ этомъ состояніи онъ начинаетъ предсказывать. Кромѣ предсказываній, шаманы занимаются также лѣченіемъ больныхъ, причемъ не только обращаются за помощью къ духамъ, но и даютъ больному разныя лѣкарства.

Не всякий изъ бурятъ можетъ быть шаманомъ,—для этого нужна продолжительная подготовка. Обыкновенно шаманъ избираетъ себѣ одного ученика, большую частью изъ своихъ сыновей или родственниковъ, котораго и посвящаетъ въ шаманское искусство. Готовясь слѣдить за шаманомъ, ученикъ этой повсюду слѣдуетъ за своимъ учителемъ, ведеть жизнь замкнутую идержанную и постояннымъ упражненіемъ мало-по-малу вырабатываетъ въ себѣ способность впадать въ экстазъ и шаманить.

Третья религія, исповѣдуемая бурятами,—это ламайская, проникшая къ нимъ въ концѣ XVII столѣтія изъ Китая и составляющая отрасль буддійской религіи. Характерною чертою ламайства является существование многочисленной духовной іерархіи, члены которой, нося общее название ламъ, строго различаются по степенямъ, отъ послѣдняго прислужника при кумирѣ до „хамбо-ламы“ включительно. Ламы обладаютъ нѣкоторымъ образованіемъ: они знакомы съ буддійскими религіозными сочиненіями и нѣкоторыми медицинскими свѣдѣніями. Для совершенія религіозныхъ обрядовъ ламаитамъ служатъ кумирни (дацаны), которые строятся обыкновенно въ центрѣ нѣсколькихъ улусовъ и имѣютъ видъ обыкновенной избы или юрты. У стѣнъ кумирни, противоположной входу, помѣщаются на возвышеніи идолы (бурханы),

жертвенные сосуды, чашки съ зернами и водой и благовония китайскія свѣчи кирпичного цвѣта. Прихожане располагаются у стѣнъ. Женщины стоятъ въ кумирни. Передъ бурханами ламы совершаютъ различные религіозные обряды. Обрядъ, напр., освященія воды совершается ими такъ: лама помѣщаетъ передъ стоящимъ на кумирнѣ



идоломъ круглое мѣдное зеркало, такъ чтобы въ немъ отразилось изображеніе идола; затѣмъ чрезъ это зеркало лить воду въ мѣдную чашку; вода, стекающая съ зеркала, считается священною, такъ какъ привыла въ себя изображеніе божества. При совер-

шениј религіозныхъ обрядовъ ламы перемежаютъ чтеніе молитвъ и отрывковъ изъ священныхъ книгъ звономъ въ колокольчики, а помощники ихъ въ это время бьютъ въ бубны и трубятъ въ рога.

Кромѣ участія въ общественномъ богослуженіи въ кумирнѣ, буряты, исповѣдующіе ламайскую религию, совершаютъ религіозные обряды и у себя дома, для чего почти въ каждой юртѣ помѣщаются на высокомъ сундуке или столикѣ бурханы, чашечки и свѣчи. Мало того, передъ нѣкоторыми юртами устраиваются вертящіеся на шестѣ цилиндры, исписанные молитвами. Движеніе этихъ цилиндръ, по понятіямъ бурятъ, замѣняетъ личныя молитвы. Сколько разъ повернется цилиндръ, столько разъ число молитвъ, написанное на немъ, зачтется въ заслугу буряту. Усталъ бурята или лѣтъ ему прочитать положенные молитвы,—онъ поворачиваетъ нѣсколько разъ цилиндръ,—и готово. Подобные же вертящіеся цилиндры съ наклеенными или написанными на нихъ молитвами находятся и наверху каждой кумирни.

Доходъ ламъ состоитъ изъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ и изъ платы за лѣченіе, совершеніе религіозныхъ обрядовъ и разрѣшительные грамоты, состоящія изъ лоскутовъ бумаги, на которыхъ нарисовано изображеніе Будды. Ламы увѣряютъ своихъ прихожанъ, что безъ этого изображенія, носимаго при себѣ въ мѣшкѣ, неѣть спасенія.

Многіе изъ бурятъ, исповѣдующихъ ламайскую религию, почитаютъ, наравнѣ съ христіанами, св. Николая Чудотворца и св. Иннокентія Иркутскаго. Въ день св. Николая Чудотворца, 9-го мая, молодые и старые буряты ёдуть въ православную церковь поклониться иконѣ Чудотворца. При входѣ въ храмъ они покупаютъ свѣчи и идутъ съ ними къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на лбу ладонями и произносятъ имя угодника („Хутухту Михола“), затѣмъ приближаются къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи, послѣ чего опять читаютъ молитвы, сопровождая ихъ частыми поклонами. Нерѣдко случается также, что богатые буряты бросаютъ къ подиожю иконы мѣдныя и серебряныя монеты. Послѣ праздничного богослуженія начинается пиръ, причемъ водка (арака) играетъ важную роль: буряты и вообще не прочь выпить, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, считаются даже грѣхомъ не выпить. Въ день св. Николая они ходятъ въ гости къ russkимъ и сами прививаютъ ихъ у себя.

Лѣтосчислѣніе буряты ведутъ по цикламъ (кругамъ); каждый кругъ состоитъ изъ 12 лѣтъ, носящихъ имена разныхъ звѣрей. Дни недѣли хотя и считаются бурятами, но не носятъ особыхъ названій.

Народная поэзія бурята довольно богата. Они имѣютъ миѳические разсказы, былины и сказки. Эпическая поэзія у нихъ, повидимому, богаче лирической.

У бурята, какъ и у всѣхъ другихъ инородцевъ Сибири, существуетъ масса оригинальныхъ обрядовъ при различныхъ случаяхъ ихъ жизни. На первомъ планѣ изъ этихъ обрядовъ стоять обряды брачные.

Бракъ у бурята совершается послѣ уплаты женихомъ родителямъ невѣсты калмыка, который бываетъ иногда очень значителенъ, такъ что выплачивается нерѣдко впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Иногда буряты покупаютъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ, по воспитанію, выдаютъ за своихъ сыновей; иногда же родители обмѣниваются своими дѣтьми, такъ что дочь одного бурята выходить за сына другого, а дочь послѣдняго—за сына первого.

Самый бракъ у бурятъ-ламаитовъ совершается такъ: приглашенный лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ день для совершения свадебнаго обряда. Наканунѣ свадьбы какъ у невѣсты, такъ и у жениха убиваютъ барановъ и быковъ для угощенія гостей. Въ день свадьбы женихъ со своими друзьями отправляется къ юртѣ невѣсты; ея подруги, завидѣвъ приближающихся юношей, становятся кругомъ невѣсты и, схватившись руками, составляютъ изъ себя цѣпь. Женихъ и друзья его стараются разорвать цѣпь и вырвать изъ круга невѣсту, но подруги защищаютъ ее, насколько хватаетъ у нихъ силы. Наконецъ, не имѣя болѣе возможности сопротивляться напору нападающихъ, онѣ уступаютъ. Взявъ такимъ образомъ невѣсту съ бою, друзья жениха одѣваютъ и закутываютъ ее въ шубы или ткани, сажаютъ верхомъ на лошадь, и вся процессія уѣзжаетъ въ поле; за нею слѣдуетъ обозъ съ приданымъ. Женихъ сначала уѣзжаетъ впередъ, а потомъ возвращается навстрѣчу поѣзду вмѣстѣ со своими родными. На пути ихъ останавливаютъ ламы и спрашиваютъ: куда и за чѣмъ ониѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ, что ищутъ корову съ серебряными рогами, шелковымъ хвостомъ, золотыми копытами и самоцвѣтными камнями въ глазахъ. Ламы отвѣчаютъ, что такая корова у нихъ въ таборѣ. На просьбу жениха возвратить ее, ламы, послѣ нѣкотораго колебанія, соглашаются, и тогда оба поѣзда, соединившись вмѣстѣ, направляются къ юртѣ жениха. Тутъ читаются молитвы, невѣсту переодѣваютъ въ другое платье, и затѣмъ начинаются игры, продолжающіяся до глубокой ночи.

При рожденіи ребенка родители также приглашаютъ ламу, который читаетъ надъ новорожденнымъ главу изъ священной книги и даетъ ему имя.

Если бурятъ умретъ, тѣло его обвертываютъ кускомъ матеріи, лицо прикрываютъ платкомъ, ноги сгибаютъ, а правую руку прикладываютъ къ уху, стараясь придать покойнику видъ уснувшаго. Затѣмъ трупъ кладутъ въ уголъ юрты и покрываютъ тулуупомъ, а передъ домашними бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ, слѣдуетъ ли покойника зарыть въ землю, или бросить его въ воду или лѣсъ, или же сжечь его. Онъ же назначаетъ и мѣсто для могилы. Могилы знатныхъ и особенно духовныхъ лицъ бывають большою частью на холмахъ. Кругомъ мѣста, назначенаго для могилы, лама обводить привязанной къ шнурку лягушкой, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ „оронго“, а третій углубляетъ черту остріемъ копья или стрѣлы. Отрѣтивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа и проч., и каждымъ изъ нихъ вскапываетъ землю внутри обозначенной черты. Могилу роютъ неглубоко, такъ чтобы ее могли разрыть дикие звѣри или хищныя птицы. Буряты вѣрятъ, что если тѣло покойника не будетъ вырыто и съѣдено звѣрями или птицами, то онъ будетъ ночью выходить изъ могилы и пугать родственниковъ и знакомыхъ. Трупъ покойника кладутъ головой къ западу такъ, чтобы лучи солнца падали прямо на глаза усопшаго. При погребеніи лама читаетъ молитвы. Послѣ погребенія начинаются поминки и жертвоприношенія. У зажиточныхъ онѣ справляются втеченіе 49 дней, поутру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ достаткомъ обязаны исполнять этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза: въ третій, седьмой и сорокъ-девятый день. Первая жертва въ честь умершаго приносится обыкновенно на разстояніи трехъ шаговъ отъ юрты, вторая—въ шести шагахъ, третья—въ девяти и т. д. Жертвеннное

животное дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна часть сожигается, а остальные поступаютъ въ пользу ламъ. Надъ могилой покойника нерѣдко ставить деревянный срубъ, служащій памятникомъ. Памятникъ этотъ окрашиваются и обвѣшиваются ленточками и шелковыми или бумажными лоскутками. Кромѣ того, на немъ иногда вырезываются молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языке.

Буряты, исповѣдующіе шамансскую религию, въ могилу покойного кладутъ съестное, а также табакъ, трубку и нерѣдко монеты. Зарывши покойника, они на его могилѣ оставляютъ тельгу, сломавши предварительно ея колѣса и кузовъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ убиваютъ на могилѣ лошадь, передавая ее такимъ образомъ покойнику, дабы онъ могъ ъздить на ней въ своей загробной жизни. Трупъ шамана они сожигаютъ, съ соблюдениемъ различныхъ обрядовъ, выражавшихъ почтеніе къ покойнику. Кости и пепель сожженного собираются и кладутъ въ дупло толстаго дерева.

Главное занятіе бурятъ, особенно кочевыхъ, составляетъ скотоводство. Такое занятіе находится въ зависимости уже отъ самаго характера страны, населенной бурятами: въ безграницныхъ степяхъ Забайкалья пасутся табуны лошадей въ нѣсколько тысяч головъ, огромная стада рогатаго скота и овецъ. Какъ лошади, такъ и рогатый скотъ впродолженіи всего года довольноствуются подножнымъ кормомъ. Только молодыхъ жеребятъ нѣкоторое время держать въ юртахъ или сараяхъ.

Лошадь для бурята составляетъ самое необходимое домашнее животное. Внѣ юрты трудно встрѣтить бурята иначе, какъ верхомъ,—и не только мужчину, но и женщину. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ богатыхъ и знатныхъ бурятъ стали ъздить въ повозкахъ. Особенно большое количество лошадей разводятъ буряты, живущіе на китайской границѣ, такъ какъ они имѣютъ возможность сбывать ихъ китайцамъ. Нужно замѣтить, что буряты большую частью не знаютъ точнаго количества своихъ лошадей, такъ какъ никогда ихъ не считаютъ, думая, что если сосчитать лошадей, то табуны станутъ гибнуть.

Рогатый скотъ разводится бурятами ради мяса, молока и приготовляемаго изъ него особаго напитка—доросуна. Кромѣ того, быки употребляются для тяжелыхъ работъ. Для этой цѣли уже въ самомъ юномъ возрастѣ у теленка прокалывается хрящъ между ноздрями и въ отверстіе продѣвается палочка или бечевка, къ которой привязывается поводъ.

Земледѣліемъ занимаются только осѣдлые буряты. Обрабатывать землю и сѣять хлѣбъ они научились отъ русскихъ, но, благодаря удобренію почвы и щатальному орошенію ея, они получаютъ большиіе урожаи, чѣмъ наши крестьяне. Орошеніе полей производится бурятами посредствомъ арыковъ (канавъ). Послѣдніе обыкновенно во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ поля буряты, образуя настоящую сѣть. Избытокъ своего хлѣба буряты продаютъ въ Иркутскъ и на казенные заводы.

Звѣроловство въ настоящее время составляетъ второстепенное занятіе буряты, но въ прежнее время оно было главнымъ ихъ занятіемъ. Кромѣ охоты по-одиночкѣ, прежде буряты ежегодно въ концѣ осени устраивали охоту артелями изъ нѣсколькихъ родовъ; такая охота называлась „абой“ (облавой). Еще за нѣсколько недѣль до начала абы буряты приготавливались къ ней и поджидали ее, какъ праздника. Въ определенный день всѣ желавши принять участіе въ абѣ собирались въ заранѣе назначенное мѣсто, одѣвшись въ лучшую свою одежду и взявъ лучшее оружіе. Каждый

пріѣхавшій передавалъ въ общую складчину привезенную провизію: мясо, сыръ и т. п. Выбранный староста принималъ провизію, взвѣшивалъ ее на рукѣ и передавалъ хранителямъ провизії. Затѣмъ всѣ собравшіе разбивались на нѣсколько малыхъ артелей, каждая человѣкъ въ 20, съ особымъ завѣдующимъ („гальчи“) во главѣ. На промыселъ охотники выѣзжали рано утромъ. Каждая артель направлялась туда, куда назначалъ ее главный распорядитель. Такимъ образомъ оцѣпляли значительное пространство въ лѣсу. Убившій звѣря не самъ бралъ его, а отдавалъ другому для вклада въ артельную добычу. Съ наступлениемъ сумерекъ охота прекращалась, всѣ охотники собирались къ своимъ палаткамъ, поровну дѣлили между собою добычу, удѣляя часть ея главному распорядителю абы, и начинали пировать. На другое утро охотники оцѣпляли новую мѣстность, для чего обыкновенно переносили и свои палатки. Возникавшіе между членами абы споры рѣшались старшиной или судья, въ присутствіи всѣхъ участниковъ охоты. Если виновность обвиняемаго подлежала сомнѣнію, судья бралъ его шапку, клалъ ее на землю и произносилъ обвиненіе. Затѣмъ онъ стрѣлялъ изъ лука вверхъ надъ самою шапкою: если стрѣла при обратномъ паденіи попадала въ шапку, то обвиняемый признавался виновнымъ, и наоборотъ. Для разрѣшенія спора бурятскіе суды прибегали также къ слѣдующему средству: они втыкали въ землю берцовую кость звѣря и затѣмъ предлагали спорящимъ стрѣлять въ нее изъ лука: кто попадалъ, тотъ признавался правымъ. Аба продолжалась обыкновенно дней 15 и оканчивалась общимъ празднествомъ. Затѣмъ охотники разѣзжались по улусамъ, увозя съ собою доставшуюся добычу. Въ настоящее время аба вышла изъ обычая бурятъ; однако старики съ оживленіемъ вспоминаютъ обѣ ней, какъ о прекрасномъ обычай старины.

Буряты, живущіе по берегамъ рѣкъ Селенги, Баргузина, Ангары и др., занимаются рыболовствомъ; но этотъ промыселъ, какъ и звѣроловство, не составляетъ главнаго занятія ихъ. Для рыбной ловли они употребляютъ неводъ и остругу.

Продукты своего хозяйства буряты сбываются или китайцамъ, или же русскимъ. Китайцамъ они сбываются преимущественно лошадей и рогатый скотъ и получаютъ отъ нихъ кирпичный чай, табакъ, шелковые матеріи, благовонія свѣчи для бурхановъ и мѣдные изображенія этихъ бурхановъ.

Занятія мужчинъ и женщинъ у бурятъ довольно точно распределены установленніемъ обычаемъ. Мужчины пасутъ скотъ, строятъ жилища, приготовляютъ стрѣлы, луки, сѣдла и т. п.; женщины же исполняютъ всѣ домашнія работы: выѣзываютъ кожи и кошмы, плетутъ веревки, шьютъ одежду какъ себѣ, такъ и другимъ членамъ своего семейства, приготовляютъ пищу и т. п. Вообще на женщинъ возложено много работы и положеніе ихъ нельзя признать легкимъ; этимъ объясняется, отчего немногія изъ замужнихъ бурятокъ отличаются крѣпкимъ здоровьемъ. Зато девушки у бурятъ не обременяются трудной работой и пользуются особенной любовью и уваженіемъ.

Русскимъ правительствомъ буряты обложены податью. Кроме того, они обязаны нести воинскую повинность: изъ нихъ сформировано нѣсколько конныхъ полковъ, на обязанности которыхъ лежитъ охрана границъ, преслѣдованіе контрабандистовъ и поимка бѣглыхъ каторжниковъ. Изъ послѣдняго занятія буряты создали чуть не особый промыселъ. Въ Забайкальѣ про буряты говорятъ, что для нихъ „худенький бѣглый лучше доброй козы“: поймавъ бѣглого, бурята береть его одежду и, кроме того, получаетъ награду отъ начальства.

Главную пищу буряты, какъ народа пастушескаго, составляютъ мясо, особенно баранина, и молоко въ различныхъ видахъ. Любятъ они также тюленій жиръ, который ёдятъ безъ соли и хлѣба; высшимъ же лакомствомъ у нихъ считается саламата—блюдо, приготовляемое изъ сметаны и муки. Любимымъ напиткомъ буряты, кромѣ молока и дюросуна, служить кирпичный чай, который они варятъ съ молокомъ и прибавляютъ въ него соли. Отъ водки буряты, подобно всякому другому инородцу, никогда не откажется. Водку пьютъ они не изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ, похожихъ на наши блюдца, вмѣстимостью около 3 нашихъ рюмокъ. Такую посудину буряты осушаешь въ одинъ или два приема.

Курятъ почти все буряты и бурятки безъ исключенія.

Буряты не лишены склонности къ развлечениямъ: лѣтомъ, въ праздничные дни, они устраиваютъ игры, состоящія въ лошадиномъ бѣгѣ, стрѣльбѣ изъ лука и борьбѣ. Старики и знатные буряты сидятъ при этомъ на войлокахъ, поджавши ноги, а юноши одинъ передъ другимъ стараются отличиться: они то вступаютъ въ борьбу, то пускаются въ перегонку и т. п. Побѣдитель получаетъ въ награду или бумажный платокъ, или монету, или что-нибудь другое. Но для него не такъ дорогъ подарокъ, какъ дорога побѣда, одержанная надъ противникомъ. Иногда на подобные праздники являются мѣстные пѣвцы со своими монотонными, заунывыми пѣснями, въ которыхъ восхваляется сила борцовъ, бѣгъ быстрыхъ коней, мудрость стариковъ и т. п.

Говоря объ играхъ, слѣдуетъ упомянуть также о наклонности бурятъ къ карточной игрѣ. Они съ увлечениемъ играютъ въ „три листика“, „монгольскіе дурачки“ и другія игры. Случается, что буряты проигрываютъ въ карты значительную часть своего состоянія. Если карть неѣтъ, они играютъ въ „шайгаки“ (бараны лодыжки).



## V.

## СИБИРСКИЕ КАЛМЫКИ.

Сибирские калмыки, въ числѣ около 80 тысячъ человѣкъ, живутъ по сѣвернымъ склонамъ Алтайскихъ горъ, на югѣ Семипалатинской области и Томской губерніи, въ бассейнѣ рѣкъ Бій и Катуны. Подобно своимъ собратьямъ, калмыкамъ Прикаспийскихъ степей, они принадлежать къ монгольскому племени, типичные черты котораго ясно выражены въ наружности калмыка: широкое скучающее лицо его обрамлено жиденькой бородкой, носъ приплюснутъ, глаза узкие, косо прорѣзанные, ротъ большой, голова покрыта жесткими, черными волосами, которые калмыки обыкновенно сбираютъ, оставляя лишь на затылкѣ косичку.

Одеждой сибирскихъ калмыковъ служить лѣтомъ бумажный бешметъ, а зимой— шуба изъ лошадиныхъ шкуръ или овчинный тулупъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, за которымъ висятъ: ножикъ въ кожаномъ чехлѣ, трубка, кисть и нагайка; голову они покрываютъ мерлушачьей или войлочной шапкой, края которой заворачиваются кверху; ноги обуваютъ въ кожаные, съ острыми носками, сапоги. Таковъ нарядъ взрослыхъ. Что касается дѣтей, то большою частью они ходятъ нагишемъ, и только въ холодное время на нихъ надѣваютъ овчinnые тулуны и войлочные чулки. Какъ и большинство полутихихъ инородцевъ Сибири, калмыки крайне нечистоплотны: умываться или купаться они считаютъ для себя совершенно лишнимъ, бань не знаютъ вовсе, платье носятъ до тѣхъ поръ, пока оно не сгниетъ отъ пота и не обратится въ лохмотья.

Жилищемъ калмыковъ служить войлочная юрта. Посрединѣ ея устраивается очагъ, согревающій ее въ холодное время. Налѣво отъ входа обыкновенно устраивается изъ войлоковъ постель, у богатыхъ покрытая шелковыми одѣялами и завѣшенная пологомъ, а направо складываются мѣшки и сундуки съ движимымъ имуществомъ и вся вообще хозяйственная утварь калмыка: котлы, миски, корыта и т. п. Турсукъ или кожаный мѣшокъ для кумыса занимаетъ здѣсь самое видное мѣсто. По стѣнамъ юрты развѣшивается упряжь и оружіе. У передней стѣны, па сундуки или другомъ возвышеніи, помѣщаются металлические или деревянные идолы (бурханы), съ большими головами и пуговками вместо глазъ; передъ ними нерѣдко можно видѣть въ чашечкахъ жертвы: воду, пшеницу, крупу и пр. Описанная обстановка юрты почти одинакова какъ у зажиточныхъ, такъ и у бѣдныхъ калмыковъ, у богатыхъ только больше сундуковъ и хозяйственной принадлежности, чѣмъ у бѣдныхъ. Но грязь въ юртѣ и у бѣдного, и у богатого калмыка царить одинаковая, что зависитъ отчасти отъ нечистоплотности калмыковъ, а отчасти отъ обычая держать въ юртѣ молодыхъ телятъ, жеребятъ и овецъ.

Большинство калмыковъ ведутъ кочевой образъ жизни, причемъ придерживаются определенныхъ мѣстъ для перекочевокъ, сообразно временамъ года: зимой и

въ дождливое время они посѣщають сухія мѣстности, въ сухое же время выбираютъ пункты болѣе богатые водой. Перекочевкой распоряжается глава рода или семьи, юрта котораго обыкновенно стоитъ посреди другихъ. Когда онъ назначаетъ перекочевку, сейчасъ же члены семьи собираютъ свои юрты и имущество и укладываютъ все на верблюдовъ и лошадей. Затѣмъ таборъ, со старшимъ во главѣ, трогается съ мѣста. Когда онъ достигнетъ мѣста, гдѣ травы вдоволь, животныя развязываются, мужчины принимаются за установку оставовъ юртъ, а женщины покрываютъ ихъ кошмами... Такъ живеть большинство калмыковъ, и лишь немногіе изъ нихъ перешли къ осѣдлому образу жизни, образовали свои селенія или же поселились въ русскихъ деревняхъ и городахъ.

Главное занятіе кочующихъ калмыковъ состоять въ скотоводствѣ. Они разводятъ лошадей, верблюдовъ, рогатый скотъ и овецъ. За скотомъ они ухаживаютъ отлично и, въ случаѣ нужды, очень удачно лѣчать заболевшую скотину. Обыкновенно скотъ весь годъ остается на подножномъ кормѣ; для защиты же его отъ холода и бурановъ устраиваются загородки и хлѣвы. Помимо скотоводства, нѣкоторые изъ кочующихъ калмыковъ занимаются охотой. Но этотъ промыселъ имѣть у нихъ лишь второстепенное значеніе, и калмыкъ прибѣгаеть къ нему лишь въ случаѣ нужды. Необходимо, напр., осенью уплатить ясакъ, а денегъ или шкурокъ нѣтъ,—и вотъ береть онъ ружье и идетъ на нѣсколько дней въ горы промышлять звѣря. Незначительная часть калмыковъ занимается также рыболовствомъ. Но и этотъ промыселъ не составляетъ важнаго подспорья для ихъ существованія. Что касается осѣдлыхъ калмыковъ, то, подобно своимъ сосѣдямъ, русскимъ крестьянамъ, они занимаются хлѣбопашествомъ; но это занятіе стоитъ у нихъ еще на очень низкой ступени и потому малоприбыльно, хотя плодородная почва калмыцкихъ степей, при правильномъ веденіи земледѣлія, могла бы давать обильные урожаи.

Пищей калмыковъ служить мясо почти всѣхъ животныхъ и молочные продукты, среди которыхъ заслуживаетъ вниманія сладковатый овечій сырь; его сушать мелкими кусками и употребляютъ вместо хлѣба. Мясо калмыки варять безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли, и только во время ёды обмакиваютъ его въ соленую воду. Изъ различныхъ видовъ мяса наиболѣе лакомымъ считается баранье. Главнымъ напиткомъ калмыковъ служить кумысъ и кирпичный чай, заправленный мукой, солью, масломъ и молокомъ. Въ ёдѣ калмыки такъ же нечистоплотны, какъ и во всемъ прочемъ. Котелки и миски, въ которыхъ они держать кушанье, не моются никогда; лишь изрѣдка калмычка, собираясь положить въ миску свѣжаго варева, слизеть или счистить пальцами остатки прежней пищи. Пищу они берутъ изъ общаго блюда прямо руками, обыкновенно грязными, и большими кусками отправляютъ въ ротъ...

Переходя теперь къ описанію характера калмыковъ, мы должны замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ это—люди угрюмые, упрямые, малоподвижные и лѣнивые. Сидѣть, поджавши ноги, по цѣлымъ часамъ у очага, пить любимый кумысъ или аракъ, єсть жареную баранину да слушать разсказы—вотъ любимое времяпровожденіе калмыка. Нравится ему также, если въ его юрту зайдетъ гость, особенно такой, котораго не приходится стѣсняться и который можетъ кое-что разсказать. При входѣ въ юрту такого гостя, хозяинъ тотчасъ закуриваетъ трубку, затягивается раза два-самъ, потомъ предлагается трубку гостю съ вопросомъ: „Что худого?“... Вообще

нужно замѣтить, что калмыки до того любятъ курить, что нерѣдко даже и засыпаютъ съ трубкой во рту. Курять у нихъ не только мужчины, но и женщины, даже дѣти.

Всѣ домашнія работы у калмыковъ исполняются женщинами: онѣ и одежду шьютъ, и кушанье готовятъ, и арканы вьютъ изъ конскихъ волосъ и кошмы дѣлаютъ. Мужчины же только охраняютъ стада, да иногда ходятъ на охоту. При такомъ кругѣ занятій у нихъ остается много досугаго времени, а потому и неудивительно, что они сильно облагиваются...

Въ общественномъ отношеніи калмыки дѣлятся на роды (хотоны), управляемые старшинами. Нѣсколько родовъ составляютъ улусъ (волость), управляемый зайсангомъ. Къ своимъ старшинамъ и зайсангамъ, да и вообще къ старшимъ калмыки относятся съ большими уваженіемъ. Совѣты и приказанія ихъ безпрекословно исполняются младшимъ. Изъ уваженія къ старшимъ, молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ въ присутствіи ихъ сѣсть, поджавъ ноги, а только присядеть на колѣни. Равнымъ образомъ онъ никогда не осмѣлитъся явиться къ старшимъ безъ пояса (быть безъ пояса у калмыковъ значить то же, что у европейцевъ — быть безъ сюртука). Въ прежнее время за неуваженіе къ старшимъ виновнаго наказывали ударами нагайки и, кромѣ того, вымазавъ ему лицо углемъ или сажей, водили его, съ таганомъ на шеѣ, по хотону, между юртъ.

Какъ проявленіе общественной жизни, у калмыковъ устраиваются иногда общественные игры: конскія скачки, кулачные бои и т. п. На этихъ играхъ иногда можно услышать протяжное пѣніе калмыковъ и игру на ихъ національномъ двухструнномъ инструментѣ. Нужно вообще замѣтить, что у калмыковъ существуетъ довольно обширная народная литература: пѣсни, сказки и т. п.

Небольшая часть калмыковъ обращена миссионерами въ христіанство, большинство же до сихъ поръ держится ламайства, которое у нихъ, впрочемъ, перепутано со множествомъ сусвѣрій и предразсудковъ. Кому же они вѣрятъ въ силу шамановъ и, подобно послѣдователямъ шаманизма, поклоняются горамъ, рѣкамъ и душамъ усопшихъ. Несмотря на то, буддійские гелюнги (жрецы) имѣютъ у калмыковъ большое значеніе и пользуются огромнымъ вліяніемъ. При каждомъ сколько-нибудь важномъ событии въ семье, напр., при рождении ребенка, при свадьбѣ, похоронахъ и т. п., калмыкъ обязательно обращается къ гелунгу, который совершаєтъ соответственные обряды.

Дѣтей своихъ калмыки воспитываютъ сообразно условіямъ кочевой жизни. Новорожденному, тотчасъ по появлѣніи его на свѣтѣ, даютъ кусокъ сала для сосанія; затѣмъ завертываютъ его въ войлокъ и кладутъ въ лульку; похожую на ящикъ. Если родились близнецы, то старшимъ ребенкомъ считается тотъ, который позже появился на свѣтѣ. Это воззрѣніе калмыки объясняютъ довольно оригинально. Дѣло въ томъ, что если двумъ братьямъ нужно выйти изъ юрты, то по обычаю долженъ выйти изъ нея сперва младшій, отворить дверь и ждать старшаго брата. Такъ и при рождении: кто появился первымъ на свѣтѣ, тотъ и младшій.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка, ему даютъ имя, причемъ родители задаютъ обильное пиршество, и приносится жертвоприношеніе. Изъ пред назначенаго для жертвы барана вынимаютъ сердце и часть его кладутъ на жертвеникъ, а кусочекъ — въ ротъ младенца для сосанія...

Какъ только ребенокъ вырастетъ настолько, что бываетъ въ состояніи бѣгать, ему предоставляютъ возможность почти все время быть подъ открытымъ небомъ, и только холода иногда загоняютъ калмыченка погрѣться въ юрту. На девятомъ году сыновья болѣе зажиточныхъ калмыковъ приступаютъ къ изученію грамоты. Когда, наконецъ, калмыкъ становится совершеннолѣтнимъ, отецъ прискиваетъ ему невѣstu. Съ этою цѣлью онъ подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъ єдетъ въ чужой улусъ и собираетъ свѣдѣнія о тамошнихъ невѣстахъ. Выбравъ изъ числа послѣднихъ понравившуюся ему дѣвушку, онъ снова приѣзжаетъ въ улусъ, но уже вмѣстѣ съ сыномъ, и является къ родителямъ невѣсты. Если послѣднимъ женихъ не нравится, они намеками даютъ обѣ этомъ ему знать, и гости уѣзжаютъ обратно; если же они согласны выдать за него свою dochь, то различными обрядами настолько прочно закрѣпляютъ будущій бракъ, что послѣ этого жениху почти не представляется возможности отказаться отъ него. Если же онъ вздума1ъ бы уклониться отъ брака, то нажилъ бы себѣ и своимъ роднымъ непримирамыхъ враговъ въ лицѣ родныхъ невѣсты. Послѣ этихъ предварительныхъ обрядовъ женихъ иногда ждетъ свадьбы годъ или два. Самый обрядъ бракосочетанія состоить въ томъ, что гелюнгъ, выслушавши согласие брачующихся вступить въ бракъ, читаетъ нѣсколько молитвъ, и, взявъ баранью лопатку, срѣзывааетъ съ нея мясо, которое и дѣлить между женихомъ, невѣстой и родителями ихъ. Мясо медленно съѣдается, а кость хранится въ юртѣ новобрачныхъ, какъ святыня и залогъ семейнаго счастья.

Разводъ у калмыковъ случается довольно рѣдко. Относительно его можно сказать, что только мужъ имѣть право требовать развода. Разведенная жена возвращается къ своимъ родителямъ, причемъ беретъ съ собою свое приданое. Дѣти, смотря по уговору, или остаются всѣ у отца, или часть переходитъ къ матери.

По смерти калмыка, семья его перебирается въ другую юрту. Духовныхъ или знатныхъ покойниковъ сожигаютъ, всѣхъ же другихъ зарываютъ въ землю. Трупъ покойника помѣщаются въ сидячемъ положеніи, съ поджатыми ногами, на коврѣ, выносятъ изъ юрты и несутъ на мѣсто погребенія или сожженія. Поминки по покойникѣ совершаются разъ въ недѣлю въ продолженіе всего траура, длящаагося семь недѣль, а затѣмъ одинъ разъ въ годъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ.

---

## VI.

### ТУНГУСЫ.

---

Тунгусы разбросаны на огромномъ пространствѣ оть рѣки Енисея до Великаго океана и оть рѣки Амура до  $60^{\circ}$  сѣверной широты. На западной сторонѣ этого пространства они соприкасаются съ остяками и самоѣдами, на сѣверной—съ якутами и юкагирами, на сѣверо-восточной и восточной—съ коряками и чукчами, на южной—съ бурятами, калмыками, китайцами, гольдами и гиляками; по главнымъ же, судоходнымъ рѣкамъ они соприкасаются съ русскими, поселившимися на этихъ рѣкахъ.

Всѣхъ тунгусовъ насчитывается до 60 тысячъ человѣкъ. Они относятся къ монголо-манчжурскому племени. Въ давнія времена часть манчжуровъ двинулась на сѣверо-востокъ и заняла значительную часть Восточной Сибири. Отъ нихъ произошли тунгусы. Въ половинѣ XVII столѣтія они были покорены русскими и вошли въ составъ Российской Имперіи.

Название тунгусовъ одни производятъ отъ слова *кунгу*, что означаетъ короткий полукафтанъ, составляющій обыкновенную одежду тунгусовъ, другіе производятъ отъ китайского слова *тунгу* или *тунху*, означающаго „восточные варвары“, треты же производятъ отъ татарского слова, означающаго „озерные жители“. Сами себя тунгусы называютъ—*овенъ*.

По своему виѣшнему виду тунгусы напоминаютъ то племя, отъ котораго они произошли: они похожи на китайцевъ. Маленькие зоркіе глаза ихъ лежать наискосъ къ основанию носа, скѣлы выдавшіяся, лобъ высокій, подбородокъ острый, бороды не бываетъ, а если и бываетъ, то очень жидкая, цвѣть лица желтобурый. Нѣкоторые тунгусы татуируютъ свое лицо. Волосы на головѣ тунгусы заплетаютъ въ толстую косу, которую обвязываютъ ремнемъ, изукрашеннымъ бляхами и бусами; самый конецъ не заплется, а потому торчить пучкомъ. Многіе подстригаютъ свои волосы. Ростъ тунгусовъ средній; между ними почти не встрѣчается очень высокихъ или очень низкихъ. Тѣлосложеніе ихъ стройное, они мускулисты, крѣпки и полвижны; толстыхъ между ними почти не бываетъ. Мужчины обыкновенно до глубокой старости сохраняютъ бодрый видъ; женщины же сравнительно рано старѣютъ; подъ старость лицо ихъ покрывается глубокими морщинами и глаза отъ постояннаго дыма въ чумѣ краснѣютъ.

Характеръ тунгусовъ значительно отличается отъ характера другихъ сибирскихъ инородцевъ, особенно инородцевъ финскаго племени. Тунгусы обыкновенно веселы, разговорчивы. Даже голодъ не выводить ихъ изъ постоянно веселаго настроенія духа. Особенно молодыя женщины отличаются этимъ качествомъ. Тунгусы вообще кротки, добродушны; но ихъ кротость и добродушіе исчезаютъ, какъ только они выпьютъ стаканъ или два вина. Пьяный тунгусъ неистовствуетъ, всѣхъ бьетъ,

все ломаеть, валяется по земль и, наконецъ, выбившись изъ силъ, засыпаетъ. Тунгусы обладаютъ нѣкоторой долей эстетического вкуса. Въ чумѣ у нихъ соблюдаются нѣкоторый порядокъ, и они любятъ щеголеватость въ одѣждѣ. Они по природѣ бойки и дѣятельны. Нѣкоторыя тунгусы поступаютъ на зиму въ услуженіе къ русскимъ и работаютъ усердно, не тяготясь тою работой, которую приходится выполнять. Воровство, ложь и обманъ тунгусы признаютъ позорнымъ. Если кто-нибудь обзоветъ тунгуса лжецомъ, то тѣмъ сильно обидить его и вызоветъ въ немъ желаніе отомстить за обиду. Случается, что обиженный вызываетъ обидчика на поединокъ. Такъ какъ поединки запрещены закономъ, то они совершаются тайно, гдѣ-нибудь въ лѣсу. Въ прежнее время поединки совершались въ присутствіи старшинъ, которые назначали мѣсто боя и опредѣляли оружіе, посредствомъ котораго онъ долженъ совершиться.

Тунгусы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Они охотно раздѣляютъ съ гостемъ послѣдній кусокъ мяса. Къ обѣдѣвшимъ сородичамъ они относятся съ состраданіемъ. Состоятельный тунгусъ пропитываетъ семью обѣдѣвшаго тунгуса и не ставить ему этого въ счетъ. Они смѣлы; нѣкоторые изъ нихъ, съ рогатиной или ружьемъ въ рукѣ, не боятся встрѣтиться съ медвѣдемъ.

Тунгусы обладаютъ отъ природы значительной долей умственныхъ способностей; но эти способности не развиты у нихъ образованіемъ. Тунгусы не считаютъ нужнымъ обогащать себя какими-нибудь знаніями или умѣньями, кроме тѣхъ, которыхъ необходимы для добыванія пищи. И слѣдуетъ замѣтить, что въ этой послѣдней области знаній и умѣній они достигаютъ большого совершенства. Гоняясь въ лѣсу за звѣремъ, тунгусъ никогда не заблудится. Каждый камень, каждый пень служитъ указателемъ для его пути. По едва замѣтному слѣду, оставленному звѣремъ на травѣ или мхѣ, тунгусъ вѣрно опредѣляетъ, какой звѣрь пробѣжалъ и давно ли онъ пробѣжалъ. Онъ всегда вѣрно знаетъ путь, по которому нужноѣхать, чтобы прибыть къ назначенному мѣсту.

Счислениѣ времени у тунгусовъ свое. Астрономическій годъ они раздѣляютъ на два года: лѣтній и зимній. Въ двойномъ году считается 13 мѣсяцевъ или лунныхъ теченій. Новолуніе—начало каждого мѣсяца, полнолуніе—половина его; первая и послѣдняя четверть дѣлить мѣсяцъ еще на четверти. Каждый мѣсяцъ имѣть свое название по характерному явленію, совершающемуся въ природѣ въ этотъ мѣсяцъ. Такъ, одинъ мѣсяцъ называется „Илкунъ“ (двѣточный), другой—„Иринъ“ (плодоносный) и т. д. Лѣта тунгусъ считаетъ по тому, сколько разъ онъ платилъ ясакъ. Такъ, кто платилъ ясакъ 20 разъ, тотъ, значитъ, прожилъ 40 лѣтъ: 20 зимнихъ и 20 лѣтнихъ. Нерѣдко тунгусы опредѣляютъ лѣта по ходу въ рѣкѣ красной рыбы (кеты). Такъ, если тунгусъ хочетъ определить время какого либо происшествія, онъ говорить: „съ тѣхъ поръ кета проходила пять разъ“ (т.-е. это было пять лѣтъ тому назадъ).

Значительная часть тунгусовъ крещена русскими миссионерами; но они далеко не прониклись еще христіанскими идеалами и понятіями. Называясь христіанами, они не отрѣшились еще отъ языческихъ вѣрованій. Случается тунгусу быть въ городѣ, гдѣ есть русская церковь, онъ идетъ въ нее и, стоя въ ней, часто крестится; но чуть только возвратится въ лѣсъ, онъ при всякой надобности обращается за помощью къ шаману. Каждый тунгусъ, кроме христіанского имени, данного ему

при крещеніи, имѣть еще одно или два имени, изъ которыхъ одно дано ему шаманомъ или родителями и обозначаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ родился, а другое обозначаетъ какое-нибудь качество его характера; это послѣднее имя дается тунгусу въ томъ возрастѣ, въ которомъ выясняются отличительныя черты характера лица. Въ восприемники при крещеніи дѣтей тунгусы охотно приглашаютъ русскихъ; они считаютъ своею обязанностью дарить что-нибудь крестному отцу или крестной матери; но и сами они охотно принимаютъ отъ нихъ подарки.

Тунгусы-язычники имѣютъ самыя смутныя и сбивчивыя религиозныя понятія. Доброе божество они называютъ „Боа“, дьявола или злое божество — „Буги“, а идолослужителей и кудесниковъ — шаманами. Въ жертву богамъ они приносятъ мясо, шкуры или какія-нибудь тряпицы.

Незначительная часть тунгусовъ исповѣдуетъ ламайскую религию; они имѣютъ свои кумири, гдѣ ламы совершаютъ богослуженіе. Религія эта заимствована тунгусами отъ бурятъ и китайцевъ.

Тунгусы раздѣляются на роды. Каждый родъ производить свое происхожденіе отъ какого-нибудь родоначальника, прославившагося храбростью, или силою, или многочисленностью своихъ оленей, или же многочисленностью своихъ дѣтей. Весь родъ называется по имени своего родоначальника. Всѣ члены одного рода считаются между собою въ родствѣ.

Для каждого рода указано мѣсто, куда члены его должны вносить подать (ясакъ). Ясакъ вносится или шкурками дикихъ звѣрей, или деньгами, если это послѣднее тунгусъ находить для себя болѣе удобнымъ.

Каждый родъ выбираетъ своихъ старшинъ (зайсановъ, шуленговъ), которые рѣшаютъ менѣе важныя дѣла. Въ спорныхъ дѣлахъ тунгусы прибегаютъ къ присягѣ по языческому обряду. Присягающій береть ножъ и, размахивая имъ противъ солнца, произноситъ: „Если я виноватъ, то пусть солнце велить всѣмъ болѣзнямъ разметать мои внутренности, какъ я размахиваю этимъ ножомъ“. Присяга дается также и въ такой формѣ: обвиняемый восходитъ на гору, почитаемую тунгусами священною, и произноситъ: „Если я виноватъ, то да постигнетъ меня или всѣхъ моихъ дѣтей смерть, и да лишусь я скота и не буду никогда счастливъ ни на звѣриномъ, ни на рыбномъ промыслѣ“. Самая сильная присяга дается такъ: убиваютъ собаку; обвиняемый беретъ изъ нея каплю крови и произноситъ: „Если я говорю неправду, то да погибну, сгорю или изсохну, какъ эта собака“.

Нѣкоторые изъ тунгусовъ, живущихъ въ мѣстахъ, изобильныхъ лѣсомъ, имѣютъ для своего жилища бревенчатыя избушки; но въ этихъ избушкахъ они живутъ только зимою; съ наступленіемъ же лѣта они покидаютъ ихъ и переселяются въ чумы, представляющіе значительные удобства при кочевомъ образѣ жизни. Въ чумахъ же живутъ весь годъ тѣ тунгусы, которые не имѣютъ возможности обзавестись зимней избушкой. Тунгусскіе чумы большею частью похожи на чумы самойдовъ; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ видъ трехгранной призмы, поставленной на землю четырехугольною стороною. Покрываются они полосами бересты, спитыми олеными жилами или конскими волосами. Береста, предназначенная для покрышки чума, предварительно вываривается, отчего дѣлается гибкой, такъ что ее можно свернуть въ трубку. Дверью въ чумѣ служить отверстіе между двумя жердями; оно завѣшивается берестовымъ наметомъ, который можно то поднимать, то опускать.

Домашний скарбъ тунгусовъ—не великъ. Да имъ и неудобно, при кочевомъ образѣ жизни, обзаводиться лишними вещами. Мѣдный или чугунный котелъ, двѣ три деревянныя или берестовыя миски, лыжи, топоръ, оружіе, снасти для звѣриного или рыбаго промысла—вотъ и все, что можно видѣть въ каждомъ чумѣ. Одежда и болѣе цѣнныя тунгусскія вещи хранятся въ берестяныхъ, обшитыхъ оленьей шкурой и изукрашенныхъ узорами ящикахъ.

Одежда тунгусовъ отличается вычурностью; они носятъ короткій, выше колѣнъ, изъ оленяго мѣха кафтанъ; онъ надѣвается шерстью наружу и плотно обхватываетъ станъ. Спереди кафтанъ застегивается стеклянными пуговицами, только грудь остается открытой. На груди тунгусы носятъ ожерелье изъ бусъ и металлическихъ пластинокъ. Зимой они закрываютъ грудь передникомъ изъ оленьей шкуры; передникъ



этотъ часто бываетъ украшенъ бисеромъ, бѣльчикими хвостиками и отороченъ козьимъ мѣхомъ. На головѣ лѣтомъ носятъ повязку или чепецъ, а зимою мѣховую шапку съ различными украшениями. На руки надѣваютъ замшевые, собственного издѣлія, перчатки. Ноги зимою обуваютъ въ высокіе охотничіе сапоги, а лѣтомъ ходятъ босикомъ или въ кожаныхъ лаптяхъ. Каждый тунгусъ носить за плечами винтовку въ чехлѣ; за поясомъ у него висить конскій хвостъ, прикрепленный къ тоненькой, коротенькой ручкѣ; онъ служить для отмахиванія отъ комаровъ и мухъ. Для той же цѣли тунгусы имѣютъ иногда привязанный къ шеѣ горшочекъ съ тѣлѣющимъ гнилымъ деревомъ; горшочекъ этотъ висить то спереди, то сзади, смотря по направленію вѣтра. На спинѣ тунгуса нерѣлко висить небольшая дощечка, къ которой привязываются сѣбѣтные припасы, одежда и вещи, необходилмыя при охотѣ.

Одежда тунгусокъ отличается отъ одежды тунгусовъ изобилиемъ украшений. Нужно замѣтить, что какъ тунгусы, такъ и преимущественно тунгуски любять щеголять своею одеждой.

Тунгусы, живущіе вблизи русскихъ, сдѣлались осѣдлыми и занимаются такими

же промыслами, какъ и крестьяне. Всѣ же остальные тунгусы ведутъ кочевой образъ жизни и, находя его самыи пріятнымъ, не соглашаются перемѣнить его на осѣдлый образъ жизни. Иногда нужда заставляетъ ихъ поступать въ услуженіе къ русскимъ; но они служатъ только до начала весны. Какъ только начинается весна, ихъ неудержимо влечетъ изъ деревни или города въ родные лѣса и степи.

Кочевые тунгусы занимаются оленеводствомъ или звѣроловствомъ.

Оленеводы, получая отъ оленей все имъ необходимое — и пищу, и одежду, и постель, — заботливо относятся къ сохраненію своихъ стадъ. Нѣкоторые тунгусы до такой степени дорожатъ своими оленями, что только крайняя нужда можетъ побудить ихъ заколоть оленя. Во время перекочевокъ тунгусы перевозятъ своихъ женъ и дѣтей, а равно и свое имущество на спинѣ оленей. Сѣдло, безъ стремянъ, помѣщается близко къ переднимъ лопаткамъ оленя. Вместо узды, обвязываютъ морду оленя, выше рта, ремнемъ, конецъ котораго ёздокъ держитъ въ одной руцѣ, а въ другой онъ держитъ палку, которую употребляютъ для поддержанія равновѣсія.

Тунгусы-звѣроловы неутомимо и съ любовью охотятся на звѣрей. Несется зимой тунгусъ на своихъ длинныхъ лыжахъ по снѣгу, замѣчаетъ крупного звѣря и преслѣдуетъ его. Звѣрь проваливается и завязаетъ въ глубокомъ снѣгу, а охотникъ настигаетъ его и бьетъ изъ винтовки или копьемъ, а иногда и просто палкой. Убивши звѣря, онъ отрѣзаетъ кусокъ мяса, а остальное зарываетъ поглубже въ снѣгу. Отрѣзанное мясо несетъ онъ къ себѣ въ чумъ, гдѣ давно уже ждетъ его голодная семья. Утоливши голодъ, семья снимаетъ чумъ и перекочевываетъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ зарыто сѣйствное. Здѣсь остаются до тѣхъ поръ, пока не съѣдять весь запасъ, послѣ чего перекочевываютъ на новое мѣсто.

Лѣтомъ тунгусы на горахъ охотятся за изюбрами. Изюбы относятся къ породѣ оленей и мѣняютъ ежегодно рога. Завидѣвшіи на горѣ изюбра, тунгусъ съ величайшимъ терпѣніемъ выслѣживаетъ его: онъ незамѣтно подползаетъ къ нему изъ подвѣтренной стороны на ружейный выстрѣль и убиваетъ его. Мясо изюбра идетъ въ пищу тунгусамъ, а рога его идутъ въ продажу китайцамъ, которые пользуются ими какъ лѣкарствомъ.

Кромѣ сказаннаго, у каждого тунгуса-охотника поставлено бывать нѣсколько самолововъ, западней, которые онъ отъ времени до времени обходитъ и выбираетъ попавшихся звѣрей. Относительно охоты установились у тунгусовъ извѣстные обычаи, которые строго соблюдаются. Такъ, если охотникъ преслѣдуетъ звѣря и ранить его, а другой его добьетъ, то шкура и мясо его принадлежать тому, кто первый ранилъ его. Если же охотникъ, не ранивши звѣря, преслѣдуетъ его, а другой между тѣмъ его убьетъ, то шкура и мясо его дѣлятся между ними пополамъ. Каждый родъ охотится въ своемъ округѣ. Если звѣрь, выслѣженный охотникомъ въ своемъ округѣ, перебѣжитъ въ чужой округъ, то охотникъ можетъ преслѣдовать его и здѣсь. Но ему въ этомъ случаѣ принадлежить только мясо убитаго имъ звѣря, а шкуру онъ долженъ отдать владѣльцамъ округа. Исключеніе допускается при томъ условіи, если охотникъ въ своемъ округѣ напалъ на слѣдъ хищнаго звѣря — медведя или волка; тогда онъ можетъ преслѣдовать его чрезъ два даже три округа и оставить у себя шкуру.

Тунгусы имѣютъ условные охотничыи знаки, которые строго соблюдаются всѣми. Срубленное деревцо, въ которое воткнута стрѣла остріемъ внизъ, означасть, что

поставленъ самострѣль. Если стрѣла воткнута наискось, остріемъ кверху, это служить знакомъ, что охотникъ отошелъ на далекое разстояніе. Ущемленный сучокъ означаетъ близость охотника; вѣтвь, положенная поперекъ дороги, — запрещеніе следовать далѣе въ этомъ направлениі.

Охотятся тунгусы также и за птицами. Бродить тунгусъ по болотамъ или разѣзжаетъ по озерамъ и убиваетъ ружьемъ или копьемъ и ловить сѣтями безчисленное множество птицъ, отъ которыхъ пользуется и мясомъ, и перомъ, и пухомъ.

Со вскрытиемъ рѣкъ значительная часть тунгусовъ принимается за рыболовство. Разѣзжаетъ тунгусъ по рѣкамъ въ своей легкой берестяной лодкѣ и, увидѣвши крупную рыбу, бьетъ ее острогой. Ловятъ тунгусы рыбу также самоловами, которые устраиваются такъ: на длинный канатъ привязываютъ тоненькия веревочки съ острыми крючками. Канатъ этотъ перетягиваютъ поперекъ рѣки; по концамъ его прицепляютъ тяжести, а посрединѣ — берестяные поплавки и длинныя палки изъ легкаго дерева. Теченіе воды уносить маленькия веревочки съ крючками, и онѣ, находясь на аршинѣ отъ ея поверхности, шевелятся и зацепляются за проходящую мимо рыбу. Время отъ времени подѣзжаетъ тунгусъ и снимаетъ съ крючковъ рыбу. Во время перехода омулей (рыбы) изъ Байкальского озера въ некоторыя рѣки, тунгусы ставятъ въ этихъ рѣкахъ загородки, оставляя въ нихъ небольшое отверстіе. Чрезъ это отверстіе проходить такое множество рыбы, что тунгусы корзинами берутъ ее и бросаютъ на берегъ, гдѣ ее и подбираютъ.

Ловятъ рыбу также удочками и сѣтями, сдѣланными изъ оленыхъ жиль и ремешковъ.

Между тунгусами-кочевниками встречаются хорошие кузнецы. Кочуетъ тунгусъ-кузнецъ и возить съ собою кузнечные инструменты: наковалню, мѣхъ, клещи и т. п. Если понадобилось поработать, тунгусъ складываетъ вѣсколько камней для огня, пристраиваетъ мѣхъ, ставить наковалню и куеть, сидя на землѣ. Стрѣлы, копья, остроги и т. п. вещи, выходящія изъ его импровизированной мастерской, бываютъ не хуже тѣхъ, которыхъ выходятъ изъ настоящей кузнечной мастерской.

Принявши на себя такія занятія, которыхъ требуютъ силы и ловкости, какъ, напр., звѣроловство и рыболовство, мужчины всецѣло возложили на женщины занятія по домашнему хозяйству. Женщины ставятъ чумъ, выдѣлываютъ кожи, шьютъ одежду, приготовляютъ бересту для чума и членока, запрягаютъ оленей, готовить пищу и водятся съ дѣтьми. Маленькихъ дѣтей своихъ тунгуски держать въ берестовыхъ, обшитыхъ кожею колыбеляхъ. Колыбели эти имѣютъ форму кибитокъ. На дно такой колыбели насыпаютъ труху отъ гнилого дерева, кладутъ кожу и помѣщаютъ въ полусидячемъ положеніи ребенка. Для того, чтобы головка его не билась объ изголовье колыбели, въ немъ дѣлаютъ отверстіе. При перекочевкахъ колыбель съ младенцемъ помѣщается на спину оленя. Женщины, водясь съ своими дѣтьми, оказываются больше вниманія дѣвочкамъ, чѣмъ мальчикамъ. Тунгуски говорять, что дѣвочкамъ только и жить, пока онѣ малы; вырастутъ, тогда должны будутъ безустанно работать на мужчинъ.

Выдавая свою dochь замужъ, родители получаютъ за нее калымъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 60 и болѣе оленей или известное количество рыбы, мѣховъ и другихъ вещей, нужныхъ въ хозяйствѣ. Родители невѣсты даютъ за нею приданое, которое

обыкновенно бываетъ меныше калыма. Невѣста дарить жениху платье, которое свидѣтельствуетъ объ умѣнии ея выдѣлывать кожи и шить платье. Если послѣ сговора и уплаты калыма женихъ почему-нибудь откажется жениться на своей невѣстѣ, то, по обычаю, уплаченный имъ калымъ не возвращается ему, а остается у невѣсты или у ея родителей. Если же невѣста откажется выйти за жениха или родителя ея не пожелають ее выдать за него, то уплаченный калымъ возвращается жениху. Если послѣ уплаты калыма женихъ умретъ, то на его невѣстѣ можетъ жениться одинъ изъ его братьевъ или родственниковъ, не уплачивая калыма; при этомъ требуется, чтобы женихъ былъ не старѣе двадцати и не моложе десятию годами невѣсты. Если же до брака умретъ невѣста, то двѣ трети уплаченного за нее калыма возвращается жениху, а треть остается у родителей покойной невѣсты.

Случается, что вмѣсто уплаты калыма тунгусы обмѣниваются дочерьми, такъ что дочь одного тунгуса выходитъ за сына другого, а дочь этого послѣдняго выходитъ за сына первого.

На свадьбѣ тунгусы угощаютъ родныхъ и знакомыхъ. Увеселенія во время свадебъ и празднествъ состоятъ въ разсказахъ о вымышленныхъ происшествіяхъ, въ пѣсняхъ и пляскѣ подъ трехструнную скрипку (курѣ); кромѣ того, мужчины бѣгаютъ взапуски, скачутъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ луковъ и т. п.

Покойниковъ тунгусы погребаютъ на мѣстѣ ихъ кончины. Случается, что они не погребаютъ покойника, а вѣшаютъ его въ берестовомъ или деревянномъ ящикѣ на деревѣ. Послѣ похоронъ родственники покойного приносятъ и ставятъ на его могилу пищу и питье.

Пищей для тунгусовъ служитъ все, что ни случится добыть. Они питаются не только олениной, рыбой или кониной, но также ёдятъ мясо дикихъ звѣрей, бѣлокъ, мышей и т. п.; не брезгаютъ даже и падалью. Сырого мяса они не ёдятъ, но варятъ его или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянномъ рожкѣ. Сало ёдятъ горстями безъ хлѣба. Соли не употребляютъ, а если и употребляютъ, то очень мало. Пищей служатъ также ягоды, растущія по тундрѣ, и кореня, вырываемые въ изобильномъ количествѣ изъ норъ особаго рода мышей. Изъ бруски и рыбьей икры они дѣлаютъ тѣсто, идущее въ пищу. Ягоды черемухи они толкнутъ, мѣшаютъ съ масломъ и дѣлаютъ лепешки, которая сушатъ на огнѣ и ёдятъ. Хотя земледѣліемъ они не занимаются, однако любятъ русскій хлѣбъ и нерѣдко отдаютъ пудъ рыбы за пудъ ржаной муки. Кромѣ хлѣба, изъ муки они дѣлаютъ особаго рода похлебку съ саломъ. Главнымъ напиткомъ ихъ служитъ кирпичный чай. На зимніе мѣсяцы они заготавливаютъ мясо, рыбу, ягоды, ягодную лепешки и кореня. Запасъ хранять отчасти въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, отчасти въ небольшихъ чуланахъ, которые, для защиты отъ звѣрей, строятся на высокихъ подставкахъ.

Во время ёды тунгусы сидѣть на землѣ, подобравши подъ себя ноги.

Какъ всѣ дикари, тунгусы любятъ пить водку и курить табакъ и за небольшое количество того или другого готовы отдать часть своего зимняго запаса рыбы или мяса. Табакъ тунгусы смѣшиваютъ съ мхомъ или толченую сосновою корою и курятъ эту смѣсь изъ небольшихъ китайскихъ трубочекъ. Курятъ какъ мужчины, такъ и женщины.

Къ тунгусамъ относится нѣсколько однородныхъ съ ними племенъ, носящихъ особыя названія и представляющихъ нѣкоторыя особенности въ своемъ бытѣ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Къ такимъ племенамъ относятся *орочоны*, встрѣчающіеся по бассейну верхней части Амура. Лѣтомъ они занимаются рыболовствомъ, а зимою—охотой. Орудіемъ для охоты служить у нихъ ружье. Бѣдять они болѣею частью на оленяхъ, которыхъ разводятъ въ значительномъ количествѣ. (Название „орочоны“ производить отъ слова „оронъ“—олень). Большая часть орочонъ крещены.

На востокѣ отъ орочонъ живетъ тунгусское племя—*манеуры*. Они мало чѣмъ отличаются отъ орочонъ. Еще восточнѣе, по близости къ Охотскому морю, живутъ *ламуты*, получившіе свое название отъ слова *ламъ*—море.

Между названными племенами встрѣчаются по бассейну Амура *чуванцы*, *карагасы*, *дауры*, *мангуны* и другія племена, родственные тунгусамъ. Всѣ эти племена очень малочисленны и близки къ полному исчезновенію.

## VII.

### ГИЛЯКИ, ГОЛЬДЫ, АЙНОСЫ И КОРЕЙЦЫ.

На пространствѣ, прилегающемъ къ низовью Амура и Уссури, Татарскому проливу и на островѣ Сахалинѣ живутъ инородцы: гиляки, гольды, айносы и корейцы.

Гиляки, въ числѣ 2500 человѣкъ, населяютъ преимущественно низовье Амура, побережье Татарского пролива и сѣверную часть Сахалина. Они обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими глазами и толстыми губами; голова ихъ покрыта густыми, черными волосами, борода ихъ гуще, чѣмъ у тунгусовъ.



Главное ихъ занятіе—рыболовство и охота; рыболовствомъ они занимаются лѣтомъ, а охотой—зимою; сообразно съ этимъ, лѣто они проводятъ въ легкихъ юртахъ, на берегу рѣки или моря, а зиму—въ землянкахъ или хижинахъ, устраиваемыхъ въ лѣсу. Отъ рыбной ловли они имѣютъ и пищу, и одежду; шкурки убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ.

Вслѣдствіе влиянія русскихъ, поселившихся по Амуру, гиляки замѣтно теряютъ свои национальныя особенности и перенимаютъ обычай и образъ жизни поселенцевъ. Многіе изъ нихъ, въ подражаніе русскимъ, стали заниматься земледѣліемъ, а неко-торые даже приняли крещеніе; но это послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ имъ принимать участіе въ языческомъ празднике въ честь медведя. Пойманнаго медведя

откармливают и затѣмъ въ назначенный день набрасываютъ на его шею желѣзное кольцо съ двумя цѣпями и уводятъ въ лѣсъ, гдѣ привязываютъ къ двумъ вблизи одно отъ другого стоящимъ деревамъ. Выходятъ стрѣлки и пускаютъ въ него стрѣлы. Убивши его, снимаютъ шкуру, а тушу жарятъ и начинаютъ пировать.

Подобно другимъ инородцамъ, гиляки покупаютъ себѣ женъ. Случается, что отецъ покупаетъ своему малолѣтнему сыну дѣвочку лѣтъ трехъ-четырехъ и до совершеннолѣтія воспитываетъ ее вмѣстѣ со своимъ сыномъ.

Покойниковъ своихъ гиляки или сжигаютъ, или вѣщаютъ на деревьяхъ, или же помѣщаютъ на особо устроенномъ помостѣ, невдалекѣ отъ избушекъ или землянокъ.

**Гольды**, въ числѣ около 3 тысячъ человѣкъ, живутъ по Амуру и Уссури, западнѣе гиляковъ. Жилищемъ ихъ служатъ фанзы. Нѣсколько фанзъ составляютъ селеніе. Лѣтнія фанзы обыкновенно строятся изъ тальника и обтягиваются холстомъ или кошмой; ставятся они вблизи рѣки или озера. На зиму гольды переселяются въ зимнія фанзы или землянки, устраиваемыя въ лѣсу.

Одежду гольдовъ составляетъ длинная рубаха изъ цвѣтной матеріи, штаны китайского покрова, куртка изъ звѣриной или рыбьей кожи, а зимой—изъ козульяго мѣха и туфли. Лѣтомъ, для предохраненія себя отъ мошекъ и комаровъ, гольды надѣваютъ на голову капюшонъ, покрывающій все лицо, кромѣ глазъ, носа и рта.

Подобно гилякамъ, гольды лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, а зимой—охотой. Рыбу и шкурки пушныхъ звѣрей они привозятъ,—лѣтомъ на лодкахъ, а зимой на собакахъ,—въ русскія селенія для продажи.

Гольды любятъ животныхъ, и фанзы или избушки ихъ почти всегда бываютъ окружены собаками и свиньями, которыя кормятся, какъ и хозяева, рыбой, свѣжей или вяленой; тутъ же нерѣдко можно видѣть на привязи или взаперти дикихъ звѣрей или птицъ, которыхъ они вскармливаютъ и даже приручаютъ.

Гольды миролюбивы и кротки. Бракъ у нихъ заключается по договору родителей брачующихся. Обычай дозволяетъ имъ имѣть болѣе одной жены; первая жена всегда считается старшей. Умершихъ они хоронятъ въ кедровыхъ гробахъ, зарывая ихъ въ землю аршина полтора глубины. По умершемъ совершаютъ поминки. Отецъ пользуется въ своей семье неограниченной властью; послѣ его смерти главою семьи становится старшій сынъ, и остальные члены семьи обязаны повиноваться ему.

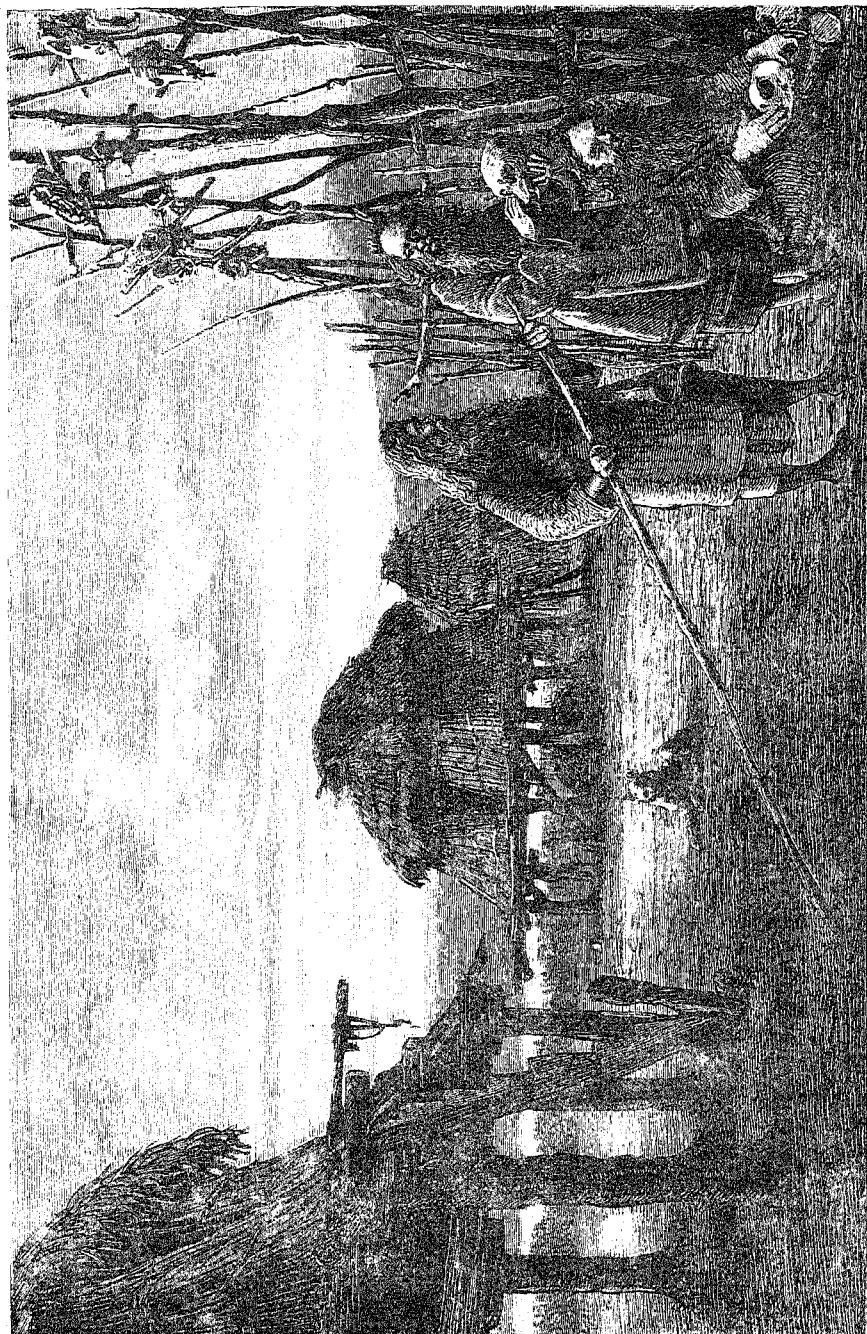
Гольды, подобно гилякамъ, замѣтно измѣняются подъ вліяніемъ русскихъ перенимая черты ихъ быта и жизни.

**Айносы**, или *курильцы*, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, живутъ въ южной части острова Сахалина. Они имѣютъ продолговатое плоское лицо, обрамленное пустыми, длинными, черными волосами. Бородой своей они особенно дорожатъ. Мужчины имѣютъ болѣе благообразный видъ, чѣмъ женщины; тѣ и другіе иногда татуируютъ себя.

Жилищемъ айносовъ служить зимою—землянка, а лѣтомъ—камышевая или тростниковая хижина.

Айносы, живущіе на берегу моря, занимаются ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Занимаясь своимъ промысломъ, они на легкихъ байдарахъ переѣзжаютъ съ острова на островъ. Живущіе вдали отъ морского берега занимаются охотой на

медвѣдей, оленей, лисицъ и другихъ звѣрей. Если имъ удастся вынуть изъ медвѣжьей берлоги медвѣжатъ, они ихъ вскармливаютъ и на шестомъ мѣсяцѣ ихъ



жизни убиваютъ, подобно гилякамъ, съ соблюдениемъ религіозныхъ церемоній. Мясо съѣдаютъ, а голову втыкаютъ на коль предъ землянкой или хижиной, дабы она

служила стражемъ ея. Вздѣваютъ на шесть также и головы убитыхъ оленей и другихъ крупныхъ звѣрей.

Пищей айносовъ служить рыба, мясо морскихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Одежда ихъ шьется изъ шкуръ пушныхъ и морскихъ звѣрей.

Религія некрещеныхъ айносовъ состоитъ въ поклоненіи предметамъ видимаго міра: солнцу, огню, водѣ и т. п. Лѣса и вѣды населены, по ихъ вѣрованію, особыми духами.



Многоженство хотя и допускается, однако рѣдко случается. Близкіе родственники не вступаютъ между собою въ бракъ. Женщина пользуется въ домѣ болѣшимъ значеніемъ, чѣмъ у другихъ инородцевъ; на нее, впрочемъ, взвалена большая часть домашней работы.

Корейцы, въ числѣ около 7 тысячъ человѣкъ, живутъ селеніями по берегамъ низовья Амура и Уссури. Они переселились съ полуострова Кореи. Корейскія селенія состоятъ изъ фанзъ, расположенныхъ одна отъ другой въ разстояніи отъ 100 до 300 шаговъ. Фанзы ихъ какъ по наружному, такъ и по внутреннему устройству похожи на китайскія фанзы. Около фанзъ находятся огороды и поля, на которыхъ корейцы сѣютъ преимущественно просо, ячмень, фасоль, а также, хотя и въ маломъ количествѣ, картофель, табакъ, кукурузу, конопель. Изъ огородныхъ овощей они разводятъ огурцы, тыквы, рѣдьку, рѣпку и т. п. Полевые работы они исполняютъ преимущественно на быкахъ и коровахъ; земледѣльческія орудія ихъ первобытнаго устройства.

Незначительная часть корейцевъ занимается охотой. Мѣхѣ убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ или китайцамъ и на вырученныя деньги приобрѣтаютъ порохъ, соль, табакъ и вообще все, необходимое для нихъ.

Многіе корейцы занимаются также рыболовствомъ. На длинныхъ байдарахъ, бока которыхъ обложены соломой, корейцы-рыболовы привозятъ въ городъ рыбу, для продажи русскимъ.

Внѣшнимъ видомъ корейцы похожи на китайцевъ. Подобно послѣднимъ, они носятъ длинныя косы. Красота волосъ составляетъ предметъ щегольства корейцевъ. Женщины, имѣющія короткіе волосы, приѣпляютъ фальшивыя косы. Одежда корейцевъ состоять изъ полотняныхъ или кожаныхъ шароваръ и халата съ широкими рукавами. На головѣ носятъ черную шляпу съ широкими полями. Женщины носятъ кофты и юбки.

Корейцы добродушны, трудолюбивы, гостепріимны и скоры на дружбу. Серьозные и сдержаные въ присутствіи чужихъ, они охотно сбрасываютъ съ себя обычный важный видъ въ обществѣ друзей. Многіе изъ нихъ приняли крещеніе; некрещеные исповѣдуютъ ламайскую религию.



## VIII.

### ЮКАГИРЫ.

---

Юкагиры—монгольского происхождения; они живутъ въ сѣверо-восточной Сибири, по берегу Ледовитаго океана, между рѣками Яною и Колымою.

Въ прежнія времена юкагировъ было довольно много, „какъ звѣзды на небѣ“, какъ они выражаются; но оспа и другія заразныя болѣзни значительно уменьшили число ихъ; въ настоящее время ихъ насчитывается только до 1400 человѣкъ.

Юкагиры—средняго роста, стройны; они имѣютъ продолговатое, довольно правильное смуглое лицо; волосы и глаза ихъ большею частью черны. Волосы на головѣ они или распускаютъ отъ средины темени въ стороны, или собираютъ назадъ въ пучекъ и связываютъ ремнемъ. Дѣвушки обвязываютъ свои волосы мѣдными пуговицами, серебряными монетами и узенькими суконными полосками. Замужнія женщины не носятъ этихъ украшеній на волосахъ.

Одежда юкагировъ дѣлается изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей. Верхняя ихъ одежда (малица) бываетъ украшена мѣдными пуговицами. Женщины имѣютъ на верхней одеждѣ откидной воротникъ изъ соболя или россомахи, а мужчины имѣютъ стоячій воротникъ изъ какого-нибудь болѣе дешеваго мѣха. На голову мужчины надѣваютъ мѣховую шапку, а женщины повязываютъ голову платкомъ.

Большинство юкагировъ крещены, но у нихъ сохранились еще многие языческие обряды и вѣра въ шамановъ.

По образу жизни юкагиры раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Осѣдлые живутъ въ бревенчатыхъ избушкахъ. Налѣво отъ входа въ избѣ помѣщаются чуваль, или очагъ, на которомъ почти безпрерывно горить огонь; въ одномъ изъ угловъ ея помѣщаются образа; по стѣнамъ развѣшивается оружіе; посрединѣ стоять большой столъ, а по стѣнамъ идутъ широкія лавки; на полкахъ разставляется домашняя посуда. Кочевые юкагиры живутъ въ чумахъ, похожихъ на чумы самойдовъ и тунгусовъ, или въ землянкахъ, покрытыхъ дерномъ, землей и снѣгомъ. Избушки и землянки отапливаются и освѣщаются моржовымъ жиромъ.

Юкагиры привѣтливы и гостепріимны. Характеръ ихъ большею частью веселый, беззаботный; они любятъ музыку и пѣніе. Почти въ каждой избѣ или въ каждомъ чумѣ можно видѣть балалайку, на которой кто-нибудь изъ членовъ семьи играетъ. Они часто поютъ; голоса ихъ нерѣдко чисты и пріятны, но въ напѣвахъ ихъ есть „что-то особяяное, неправильное и дикое, даже непріятное для непривычаго слуха“. Они большею частью импровизируютъ какъ напѣви, такъ и слова пѣсенъ, при чёмъ женщины поютъ большею частью обѣ отсутствующемъ другѣ, а мужчины—обѣ охотѣ, о своей отвагѣ, силѣ и т. п.

Кромъ пѣнія, юкагиры любять также рассказывать о событіяхъ въ своей жизни, о похожденіяхъ и подвигахъ своихъ предковъ и т. п.

Въ пѣніи и рассказахъ они проводятъ свое досужее время.

Изъ бытовыхъ обрядовъ юкагировъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при свадьбѣ. Условившись о размѣрѣ калыма за невѣсту, родственники и сваты убиваютъ оленя и пируютъ. На слѣдующій день невѣста одѣвается въ свой лучшій нарядъ и покрываетъ кускомъ матеріи свое лицо. Мать или другая женщина отвозитъ ее въ чумъ жениха. Тамъ встрѣчаетъ ее мать или родственница жениха, снимаетъ съ нея покрывало и усаживаетъ подлѣ жениха. На другой день послѣ свадьбы молодая сбрасываетъ съ своихъ косъ дѣвичьи украшенія и уже болѣе не надѣваетъ ихъ.

Иногда за невѣстой пріѣзжаетъ сватъ. Онъ садится у очага, закуриваетъ трубку и, не говоря ни слова, подаетъ невѣстѣ колчанъ съ стрѣлами; она передаетъ его своему отцу, а сама бросается изъ чума; ее ловить, будто насильно садять въ нарту и везутъ въ чумъ жениха.

Главное занятіе юкагировъ состоять въ оленеводствѣ, охотѣ и отчасти рыболовствѣ.

Охота за дикими оленями по преимуществу обезпечиваетъ продовольствіе юкагировъ. Отъ оленей они имѣютъ и пищу, и одежду. Кромѣ того, они искусно выдѣлываютъ шкуры оленей и промѣниваютъ ихъ русскимъ на посуду, оружіе и т. п. предметы.

Охота на оленей производится главнымъ образомъ при переходѣ ихъ съ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ и обратно. Врангель въ описаніи своего путешествія подробно изображаетъ охоту юкагировъ на оленей. Когда онъ прибылъ въ Плотбище, все собранное тамъ народонаселеніе находилось, говорить онъ, въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ, разнесся слухъ, что первыя многочисленныя стада оленей показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ рѣки Аюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50 до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми стадами, по 200 и по 300 головъ каждое, но такія отѣлѣнія слѣдуютъ столь близко одно отъ другого, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы олени обыкновенно спускаются къ рѣкѣ по руслу высохшаго или маловодного притока, выбирая мѣсто, гдѣ противолежащий берегъ отлогъ. Сначала все стадо стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнейшими товарищами, выходитъ насколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скакутъ въ воду; за ними кидается все стадо, и въ насколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ насколько опытныхъ промышленниковъ, вооруженныхъ копьями и длинными ножами, врываются въ

стадо и съ невѣроятной скоростью убиваютъ плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположного берега.

Охота на оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ єжеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, беспорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку — гибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись, только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣсть на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управлѣніи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилия животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда стадо весьма многочисленно и придетъ въ безпорядокъ, забойка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣеть завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью для жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый обычай, по которому только совершиенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другого берега и тамъ падающіе, принадлежать промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическая и душевная силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а болѣшимъ наносить только раны, такъ что они достигаютъ берега и тутъ уже издыхаютъ.

Оленья охота на водѣ представляетъ нѣчто поразительное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзньное хрипѣніе раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать стадо, обагренная кровью поверхность рѣки — все это вмѣстѣ представлять картину, которую трудно описать.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ скоро портятся, а въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ впрокъ. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или, при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда тоже солятъ лучшія части оленей. Особымъ лакомствомъ считаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Кромѣ охоты на оленей, юкагиры охотятся также и на другихъ звѣрей. Каждый юкагиръ ежегодно ставить по нѣскольку сотенъ ловушекъ, западней и силковъ въ тѣхъ мѣстахъ, где обыкновенно бѣгаютъ соболи, росомахи, лисицы и другіе звѣри. Нѣсколько разъ въ годъ онъ осматриваетъ свои звѣроловныя снасти и вынимаетъ попавшихся въ нихъ звѣрей.

Рыболовство составляетъ второстепенное занятіе юкагировъ, но все-таки и оно служить значительнымъ подспорьемъ въ ихъ жизни.

Пищей юкагировъ служить главнымъ образомъ оленина въ различныхъ видахъ, т.-е. вареная, вяленая, сырая и т. п. Затѣмъ, въ столѣ ихъ играютъ немаловажную роль мясо птицъ, рыба, ягоды и кореняя нѣкоторыхъ растеній.

Какъ и всѣ другіе инородцы, юкагиры любятъ курить табакъ и употреблять хмельные напитки. Не имѣя вина, они пьютъ настой мухоморовъ, что, конечно, не можетъ не отражаться вредно на ихъ здоровье.



## IX.

### ЧУКЧИ.

Чукчи—монгольского происхождения; живут они на северо-востоке Сибири, от рѣки Колымы до Берингова пролива и от Камчатки до Сѣверного Ледовитого океана, на полуостровѣ, называемомъ Чукотскимъ. На югѣ от нихъ живутъ коряки, а на западѣ—юкагиры и якуты.

Страна, занятая чукчами, состоитъ: то изъ каменныхъ, безлѣсныхъ горъ, то изъ обширныхъ долинъ, покрытыхъ тощимъ мохомъ и кое-гдѣ полусухимъ тальни-



комъ или малорослыми хвойными деревцами; она носить всѣ характерные признаки непривѣтливой тундры. Климатъ въ ней суровъ до крайности; теплое время продолжается не болѣе одного мѣсяца. Во многихъ мѣстахъ, не только на горахъ, но и въ оврагахъ никогда не растаиваетъ снѣгъ; отъ морозовъ трескаются скалы, обломками которыхъ усыпана почва. Но чукчи свыклись съ своей угрюмой страной, съ ея стужами и буранами и безвредно для себя переносятъ ихъ. Вотъ, напр., во время зимняго бурана чукчъ стережетъ въ тундрѣ своихъ оленей. Буря сорвала его

шалашъ и заметаетъ его кругомъ, а онъ лежить-себѣ на снѣгу подъ оленьей шкурою и прислушивается къ вою своихъ враговъ—волковъ. И ни почемъ ему ни сорокаградусный морозъ, ни страшный буранъ.

Одни изъ чукчей кочуютъ по тундрѣ и занимаются оленеводствомъ, другие же, лишившись своихъ оленей, перешли къ побережью океана, осѣли здѣсь и стали заниматься ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Первые сами себя называютъ „чаукчу“, а вторые называютъ себя „намолло“ или „нашкули“. Чукчи-оленеводы обыкновенно бываютъ выше ростомъ и бодрѣе видомъ, чѣмъ побережные чукчи. Всѣхъ чукчей насчитывается около 10 тысячъ человѣкъ.

Чукчи живутъ небольшими селеніями. Жилищемъ ихъ служить палатка, которая строится изъ китовыхъ реберь и шестовъ и обтягивается олеными и тюлеными шкурами. Сторона палатки, обращенная къ югу, бываетъ почти вертикальна; на этой сторонѣ дѣлается маленькая дверь, завѣшиваемая шкурой. Противоположная, т.-е. съверная сторона, дѣлается наклонной. Подъ этой стѣнкой, внутри палатки, ставится другая четырехугольная палатка изъ оленыхъ шкуръ, служащая спальней въ сильные холода. Въ ней раскладываютъ огонь, при чемъ вместо дровъ жгутъ мохъ или кости, облитыя, для лучшаго горѣнія, китовымъ жиромъ. Дымъ выходитъ въ отверстіе, находящееся вверху внутренней и вѣшней палатокъ.

Чукчи—средняго роста, крѣпко и стройно сложены; они до старости пользуются хорошимъ здоровьемъ.

Цѣѣ лица ихъ смуглый, скулы выдавшіяся, носъ приплюснутый, глаза черные, бойкіе, волосы черны, какъ уголь, и коротко острижены; бороды не бываетъ; вырастающіе на бородѣ волосы они выщипываютъ. Выраженіе лица ихъ мужественное. Въ прежнія времена многіе изъ нихъ прокалывали себѣ губы и вѣзвали въ нихъ моржовые зубы или костяные кольца; но въ настоящее время обычай этотъ искоренился. Татуировка у нихъ еще сохранилась, при чемъ мужчины татуируютъ себѣ руки и грудь, а женщины, кромѣ того, и лицо.

Одежда чукчей дѣлается изъ оленыхъ шкуръ; они носятъ „куклянку“, т.-е. оленю куртку, шерстью вверхъ; по куклянкѣ подпоясываются толстымъ ремнемъ. Внизу куклянка оторочена длиннымъ чернымъ мѣхомъ и мѣстами украшена кусочками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками. На ноги надѣваются мѣховые штаны и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры. На голову надѣваютъ большую шапку съ наушниками.

Дѣтей своихъ чукчи до такой степени толсто укутываютъ въ оленьи шкуры, что если ребенокъ и свалится на полъ, то не ушибется: толстый слой шкуръ защищаетъ отъ ушиба.

Чукчи народъ смѣлый, отчаянный, воинственный; до подчиненія ихъ русскими они смѣло выходили на бой съ враждебными имъ инородцами; но при всемъ томъ они добродушны и хотя расчетливы, но не алчны. У нихъ въ обычай месть. За нанесенную обиду чукчъ считаетъ своею обязанностью отомстить. Иногда месть переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока, наконецъ, представится случай покончить вражду смертоубийствомъ и исполнить, такимъ образомъ, существующія требованія относительно кровавой мести.

Гостепріимство составляетъ тоже одну изъ отличительныхъ чертъ чукчей. Гости они не только угощаютъ, но и надѣляютъ его при уходѣ подарками. Если

прибудеть почетный гость, то хозяин чума созывает своихъ друзей на пиръ, и идетъ угощеніе до тѣхъ поръ, пока гость не убѣдетъ. Для угощенія закалываются оленей. При пирахъ шаманы производить заклинанія и приносятъ жертвы, при чмъ не забываютъ посредствомъ сожженія послать подарки умершимъ родственникамъ хозяина.

Пріѣзжающіе на Чукотскій полуостровъ китоловы и торговцы познакомили чукчей съ водкою и нѣкоторыми пороками и тѣмъ оказали на ихъ характеръ вредное вліяніе.

До проникновенія къ чукчамъ христіанства у нихъ господствовали такие обычай, которые не могутъ быть терпимы съ христіанской точки зрѣнія; они, напр., убивали хилыхъ стариковъ и вообще лицъ, неспособныхъ къ работѣ, имѣли по двѣ и болѣе жены и т. п. По мѣрѣ распространенія христіанства, обычай эти мало-по-малу искореняются, но все-таки и до настоящаго времени многіе языческіе обычай и вѣрованія у нихъ въ полной силѣ. Изъ такихъ обычаевъ и вѣрованій упомянемъ объ обычаяхъ приносить въ жертву животныхъ и о вѣрованіи въ силу шамановъ, талисмановъ и амулетовъ.

Покойниковъ чукчи сожигаютъ, обрядивъ ихъ предварительно въ олеину одежды. На кострѣ вмѣстѣ съ покойникомъ сожигаютъ убитыхъ оленей, нарту, оружіе и другія вещи, принадлежавшія покойному. Если пламя костра поднимается столбомъ вверхъ, то чукчи думаютъ, что душа покойника вмѣстѣ съ пламенемъ возносится прямо на небо.

Нерѣдко трупъ покойника не сожигаютъ, а кладутъ въ вырытую яму, гдѣ покрываютъ его шкурой, но не зарываютъ землей, такъ что онъ становится жертвой звѣрей.

При каждомъ событии, радостномъ или печальному, чукчи-язычники приносить богамъ въ жертву оленей, а иногда даже и собакъ. Прежде чѣмъ принести жертву, они обыкновенно обращаются къ шаману съ вопросомъ, какую жертву слѣдуетъ принести богамъ. Тотъ назначаетъ — и жертва приносится. Случается, что если при постигшемъ бѣствіи, напр., падежъ оленей, не помогаютъ жертвы, приносимыя по указанію шамана, то чукчи наказываютъ самого шамана.

Чукчи обложены незначительной податью, которую они платятъ преимущественно шкурками; но они освобождены отъ всякой земской повинности. Судь они совершаютъ по своимъ обычаямъ; русскій судъ касается до нихъ только тогда, когда они совершили убийство или грабежъ внѣ границъ признанныхъ за ними земель.

У нихъ есть избранные тіуны или предводители, которые, впрочемъ, мало имѣютъ власти и ничего не могутъ дѣлать безъ общаго согласія.

Между богатыми чукчами встрѣчаются такие, которые имѣютъ слугъ, состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ. Слуги эти не считаются себя въ правѣ оставить своего господина и перейти къ другому владѣльцу. За работу своихъ слугъ владѣлецъ кормить и одѣвать ихъ. Такимъ образомъ у чукчей сохранилось нечто въ родѣ крѣпостничества. Можно думать, что крѣпостные слуги у чукчей произошли изъ лицъ, побѣжденныхъ или взятыхъ въ пленъ.

Женщины у чукчей пользуются въ значительной мѣрѣ почетомъ и уважениемъ. Мужъ всегда совѣтуется съ женой, когда производится какая-нибудь важная

мѣна. Вещи, которыхъ мужъ вымѣниваетъ, отдаются немедленно женѣ на храненіе. Всѣ домашнія работы возложены на женщинъ: мужчины считаютъ для себя унизительнымъ исполнять какую-нибудь домашнюю работу.

Съ своими дѣтьми чукчи обращаются чрезвычайно ласково и при разговорѣ съ ними избѣгаютъ бранныхъ словъ. Норденшильдъ говорить, что достаточно приласкать дѣтей, чтобы быть чукчами любезно принятыми въ ихъ палаткѣ. Маленькихъ дѣтей чукчи обыкновенно посягъ на спинѣ.

Главное занятіе кочевыхъ чукчей состоитъ въ оленеводствѣ. Между чукчами-оленеводами есть такие, которые владѣютъ по нѣсколько тысячу оленей. Вообще можно сказать, что чукчи-оленеводы считаются болѣе зажиточными, чѣмъ береговые чукчи, главное занятіе которыхъ состоитъ въ ловлѣ тюленей и моржей. Чукчи ловятъ ихъ толстыми ременными сѣтями, которыхъ пропускаютъ подъ ледь въ прорубь и въ которыхъ они запутываются головой или лапами. Бывать имъ также и на сушѣ. Чукчъ надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и приближается незамѣтно къ тюленямъ или моржамъ, грыющимся на солицѣ. У него въ рукахъ копье и палка съ набитыми на концѣ медвѣжьими зубами. Этой палкой онъ скребеть по льду и снѣгу, чтобы усыпить звѣря и заглушить шорохъ снѣга при своемъ приближеніи. Приблизившись къ нему, онъ поражаетъ его копьемъ. Иногда чукчи, замѣтивши, что тюлени выѣзли изъ воды на сушу погрѣться на солицѣ, бросаются на нихъ, отрѣзываютъ путь къ водѣ и гонять дальше вглубь сушки, гдѣ и убиваютъ копьеми и палками.

Отъ тюленей и моржей береговые чукчи получаютъ все имъ необходимое. Мясо и нѣкоторая части кожи этихъ звѣрей идутъ въ пищу чукчамъ, жиръ служить имъ для топлива и пищи, изъ кожи они дѣлаютъ ремни для упражнѣй и прочныя подошвы, клыки продаются или дѣлаются изъ нихъ оружіе для ломки льда и рытья замерзшей земли и, наконецъ, изъ внутренностей и кишокъ они дѣлаютъ непромокаемое лѣтнее платье.

Кромѣ тюленей и моржей, чукчи охотятся также на медвѣдей, ради ихъ мяса и сала, которое они считаютъ лакомствомъ. Для охоты за медвѣдями, они про-бираются на льдины Ледовитаго океана, на которыхъ тѣ живутъ.

Охотятся они также и на волковъ. Своеобразна ихъ охота на нихъ. Берутъ китовый усъ, заостриваютъ съ обоихъ концовъ и свертываютъ въ кольцо, которое перевязываютъ веревочкой, чтобы оно не развертѣлось. Затѣмъ на холодѣ поливаютъ его водой, пока оно не покроется слоемъ льда, и разрѣзываютъ веревочку. Кольцо обмазываютъ толстымъ слоемъ жира и бросаютъ его на тундрѣ. Голодный волкъ поглощаетъ это кольцо. Въ желудкѣ ледь растаиваетъ и усъ выпрямляется, причиняя волку смертельную рану. Чрезъ нѣкоторое время чукчи находятъ волка на тундрѣ мертвымъ.

Занимаются чукчи также ловлей рыбы и птицъ. Рыбу ловятъ или корзинами изъ ивовыхъ прутьевъ, или же сѣтями, сдѣланными изъ тонкихъ ремешковъ, вырѣзанныхъ изъ моржовыхъ кожъ. Для разъездовъ при ловлѣ рыбы употребляютъ легкія байдары, состоящія изъ деревяннаго или костяного остова, обтянутаго шкурами морскихъ животныхъ, мѣхомъ внутрь лодки.

Для ловли птицъ употребляютъ сѣти изъ длинныхъ и узкихъ ремней съ кам-

нями или кусками моржовой кости на концахъ. Чукчи бросаютъ такія сѣти на летающихъ гусей или другихъ птицъ, запутываютъ ихъ и повергаютъ на землю.

Чукчи-оденеводы ведутъ мѣновую торговлю съ береговыми чукчами. Первые со своими оленями перекочевываютъ на берегъ океана и здѣсь вымѣниваютъ у береговыхъ чукчей моржовыя и тюленьи кожи, моржовые зубы и китовый жиръ; взамѣнъ этого они доставляютъ береговымъ чукчамъ оленыи шкуры, табакъ и различная русскія издѣлія.



Для торговли съ русскими чукчи собираются въ мѣста, въ которыхъ бываетъ ярмарка. Такими мѣстами служатъ крѣпостца Островное, Анюй, Колымскъ и друг. Прибывъ на ярмарку, чукчи и другие инородцы становятся съ своими нартами полукругомъ противъ русскихъ торговцевъ. Послѣ обѣдни въ русской церкви, поднимается флагъ—знакъ открытия ярмарки. Во время ярмарки русские торговцы суетливо перебѣгаютъ отъ одного инородца къ другому, восхвалая свой товаръ и прицѣниваясь къ товару инородцевъ. Чукчи же невозмутимо стоять возлѣ своихъ нартъ и съ нѣкоторою важностью относятся къ восхваленію русскими торговцами своего товара; они только покачиваются головой въ случаѣ сомнѣнія

въ добротѣ предлагаемаго имъ товара. Безъ всякихъ вѣсовъ, они вѣрно на руки взвѣшиваются предлагаемый имъ табакъ; не берутъ его, если въ пудѣ не достаетъ хотя фунта. Малѣйшій изъянъ въ товарѣ — и чукчъ бракуетъ его молча, съ полнымъ хладнокровiemъ.

Вся торговля у чукчей мѣновая; они не знаютъ цѣнности денегъ. Норденшильдъ пишетъ, что 25-ти-рублевая бумажка цѣнится чукчами меньше, чѣмъ красивая обложка отъ мыла, а золотая или серебряная монета меньше, чѣмъ оловянная пуговица. Когда спутники Норденшильда предложили чукчу серебряную монету, то онъ принялъ ее лишь послѣ того, какъ въ ней просверлено было отверстіе, чтобы можно было употреблять ее какъ украшеніе.

Чукчи служатъ посредниками при покупкѣ русскими американского пушного товара. На своихъ байдарахъ они легко и скоро переплываютъ Беринговъ проливъ на берегъ Америки, где на табакъ вымѣниваются у алеутовъ пушные мѣха и везутъ на ярмарку для сбыта русскимъ.

Для переѣздовъ по сухому пути береговые чукчи употребляютъ собакъ, запрягая ихъ въ нарту по четыре врядъ; чукчи же оленеводы ёдзятъ большую частью на оленяхъ, запрягая ихъ пару и болѣе въ нарту. Нарты свои они дѣлаютъ изъ китовыхъ реберъ.

Въ досужее время чукчи сидятъ въ своихъ палаткахъ и рассказываютъ другъ другу свои похожденія на охотѣ. Иногда они устраиваютъ скакки и бѣганье взапуски. Скачки начинаются по данному сигналу. Какъ стрѣла мчатся олени, управляемые съ удивительнымъ искусствомъ чукчами. Бѣганье взапуски совершается на снѣгу, иногда довольно глубокомъ; несмотря на это, многіе чукчи бѣгутъ очень быстро, проворно и неутомимо. Побѣдители награждаются одобреніемъ, а иногда и подарками. Молодыя девушки нерѣдко устраиваютъ пляску. Нѣсколько девушки становятся одна противъ другой или же рядомъ и съ мимическими движеніями покачиваются въ тактъ; затѣмъ прыгаютъ обѣими ногами заразъ впередъ и поворачиваются кругомъ. Пляска сопровождается пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Барабанъ чукчей состоить изъ деревянного обруча, перетянутаго тонкой кишкой туленя или моржа. По такому барабану ударяютъ тонкой палочкой изъ китового уса. Звуки пѣнія и барабанного боя не особенно гармоничны для европейскаго слуха; но достаточно взглянуть на веселыя, улыбающіяся лица чукчей, чтобы понять, что эти звуки имъ очень нравятся и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Пища оленныхъ чукчей состоить главнымъ образомъ изъ вареной оленины; осѣдлые же чукчи питаются преимущественно мясомъ, жиромъ и кровью морскихъ животныхъ. Мясо бѣлаго медведя и нѣкоторыя части китовой кожи они считаютъ лакомствомъ. Рыбу они ёдятъ только при недостаткѣ мяса; соли почти не употребляютъ. Мясной сокъ они смѣшиваютъ со снѣгомъ и эту смѣесь употребляютъ вмѣсто питья. Отъ русскихъ познакомились они съ чаемъ и сахаромъ, и болѣе зажиточные изъ нихъ считаютъ чай для себя необходимымъ напиткомъ; особенно любятъ они сосать сахаръ.

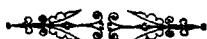
Норденшильду пришлось видѣть, какъ чукчи ёдятъ. Когда оленина была сварена, говорить онъ, чукчи приступили къ ёдѣ. Во время ёды они лежали, при чѣмъ туловище находилось во внутренней юртѣ, а голова — подъ олеными шкурами во внешней юртѣ, где была поставлена пища. Взявъ по куску оленины,

они у самыхъ зубовъ отрѣзывали ножомъ столько, сколько въ одинъ разъ могли разжевать и проглотить. Окончивъ ужинъ, они опять втянули голову во внутреннюю юрту.

Въ промежуткахъ между принятиемъ пищи многіе чукчи, какъ и некоторые другіе инородцы, жуютъ сѣру, что очищаетъ зѣбы и обильно снабжаетъ желудокъ слюной, способствующей перевариванію тяжелой пищи.

Какъ всѣ инородцы, чукчи любятъ пить водку, въ употребленіи которой они мало разборчивы, чѣмъ и пользуются торговцы, продавая имъ самую плохую водку по высокой цѣнѣ.

Любять чукчи также курить табакъ; курять изъ длинныхъ трубокъ. При куреніи они затягиваются до одуренія. Кромѣ куренія, они также илюхаютъ, жуютъ и даже проглатываютъ табакъ. Бѣдняки, для которыхъ недоступно куреніе настоящаго табаку, замѣняютъ его моржевой шерстью, выдергиваемой по мѣрѣ надобности изъ одежды.



## X.

### КОРЯКИ.

Коряки живутъ на пространствѣ отъ средней части полуострова Камчатки до рѣки Анадыри. Они родственны чукчамъ, что доказывается сходствомъ ихъ языка, образа жизни, нравовъ, домашней утвари и одежды; видомъ они тоже похожи на чукчей и, подобно послѣднимъ, иногда татуируютъ себя. Число ихъ простирается до 4500 человѣкъ. Они раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые живутъ въ оленыхъ палаткахъ, а вторые—въ хижинахъ или землянкахъ. Землянки свои они устраиваютъ такъ: вырываютъ яму около сажени въ глубину и до двухъ или трехъ сажень въ длину и ширину. Стѣны ямы обкладываютъ досками, а сверху настилаютъ жерди, на которыхъ насыпаютъ землю, оставляя небольшое отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и дымовой трубой. Въ землянку спускаются по бревну, стоящему наклонно. Внутри ея, прямо подъ отверстіемъ, устраиваются изъ каменьевъ очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Около стѣнъ землянки идутъ лавки, покрытыя травяными рогожами и шкурами.

Хижины или землянки коряковъ никогда не очищаются, а потому въ нихъ всегда бываетъ непролазная грязь и нечистота. Остатки отъ приготовляемой или принимаемой пищи бросаются на полъ, гдѣ и гніютъ, заражая собою воздухъ, который бываетъ до того испорченъ, что непривыкшій человѣкъ не можетъ пробыть въ немъ и полчаса. Извѣнѣ землянки имѣютъ видъ холмиковъ. Они нерѣдко бываютъ огорожены частоколомъ или обведены землянымъ валомъ.

Домашняя утварь коряковъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мисокъ, котловъ и корытцевъ.

Живя грязно, коряки любятъ наряжаться въ платье, которое шьется изъ шкуръ собачьихъ, оленыхъ и медвѣжьихъ и украшается полосками цвѣтного сукна и пуговицами.

Въ настоящее время почти всѣ коряки считаются христіанами; но не многіе изъ нихъ имѣютъ ясное понятіе объ истинахъ этой религіи. Все-таки они почти забыли свои прежнія языческія вѣрованія и не чтуть своихъ прежнихъ идоловъ. До распространенія христіанства они чтили духа Апапеля, властителя вселенной, и идола Хантая, очистителя грѣховъ. Верхняя половина этого послѣдняго была человѣческая, а нижняя—рыбья. Ежегодно коряки вырывали изъ дерева новаго идола Хантая и ставили его рядомъ съ прежнимъ, такъ что въ иной землянкѣ помѣщалось нѣсколько ихъ. Кроме Хантая, коряки чтили еще идола Ажушара. Этотъ идолъ имѣлъ видъ столбика съ верхушкою, обѣланною въ видѣ человѣче-

ской головы; онъ ставился обыкновенно наль до машнею посудою и считался стражемъ, отгоняющимъ отъ землянки злыхъ лѣсныхъ духовъ.

Несмотря на то, что коряки не чтутъ своихъ прежнихъ божовъ и идоловъ, они все-таки иногда приносять въ жертву собаку или оленя, хотя, впрочемъ, и не знаютъ, кому приносить эту жертву. Принося жертву, они приговариваются: „Это для тебя, дай намъ и ты что-нибудь“. У нихъ сохранилась еще вѣра въ шамановъ, къ помощи которыхъ они прибегаютъ въ болѣзни или тяжелыхъ случаяхъ.

Коряки, особенно кочевые, отличаются правдивостью. Единственной клятвой ихъ служатъ слова: „Это вѣрно, я не лгу“.

Убийство признается ими большиимъ преступлениемъ, вызывающимъ месть со стороны родственниковъ убитаго; оскорблениe чести считается тоже преступлениемъ и влечетъ за собою месть; воровство же не признается дѣломъ непозволительнымъ, если только слѣды его ловко скрыты.

Всѣ споры и несогласія членовъ семьи обыкновенно разбираетъ старшій членъ ея, и его рѣшенію должны всѣ подчиняться; споры же между членами различныхъ семействъ решаетъ старшина.

Коряки, какъ и другіе инородцы, отличаются гостепріимствомъ. При приемѣ прѣхавшаго гостя соблюдаются слѣдующій обычай: прѣхавшій гость отпраляетъ оленей и остается въ своихъ саняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяйка не скажетъ ему, что хозяинъ дома. Выѣзжаетъ изъ землянки хозяинъ. Гость приближается къ землянкѣ, и хозяинъ предлагаетъ ему войти въ нее. Когда гость войдетъ, хозяинъ, показывая ему мѣсто, просить его сѣсть и начинаетъ его угощать.

При встрѣчѣ коряки привѣтствуютъ другъ друга словами: „Желаю теплого дня“. Ясно, что въ суровомъ климатѣ такое привѣтственное пожеланіе можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ.

При бракѣ у коряковъ соблюдаются слѣдующіе обряды: собираются гости. Ихъ угожаютъ мясомъ, жиромъ, рыбой и т. п. Послѣ єды раздается мѣрный барабанный бой. Входить старый корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ; онъ раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Барабанный бой прекращается, и барабанившій начинаетъ пѣть речитативомъ, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче, и наконецъ пѣніе его переходитъ въ дикую и энергическую пѣсню. У входа въ каждую палатку помѣщаются по двѣ или по три женщины съ прутьями. Престарѣлый корякъ выводить изъ палатки жениха и невѣсту. Съ появлениемъ ихъ снова раздается барабанный бой и гости начинаютъ горланить во всю мочь. По сигналу, данному престарѣлымъ корякомъ, невѣста бросается бѣжать. Женихъ старается ее догнать. Она перебѣгаетъ изъ палатки въ палатку, а за нею слѣдуетъ женихъ. Женщины всевозможными мѣрами стараются помѣшать ему поймать невѣсту: онъ бьють его прутьями, закрываютъ передъ нимъ входъ въ палатку, стараются поддѣлить его, чтобы онъ упалъ. Онъ съ поразительнымъ терпѣніемъ преодолѣваетъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, ловить невѣсту. Барабанный бой и пѣніе прекращаются, свадьба считается оконченной и гости расходятся.

Богатые платить за невѣсту калмы, а бѣдные вступаютъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и такимъ образомъ зарабатываютъ себѣ право получить жену.

Приданое жены, по установленнму обычаю, остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія первого ребенка; послѣ рожденія его, ея олени переходятъ

во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Если бракъ бездѣтенъ, то стада мужа и жены, послѣ ихъ смерти, переходить въ наслѣдство къ ближайшимъ ихъ родственникамъ. По смерти отца, всѣ сыновья дѣлять имущество его между собою поровну. Вдова пользуется пожизненнымъ приплодомъ отъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; послѣ ея смерти приданое ея переходитъ къ сыновьямъ, которые при раздѣлѣ его должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. Въ семье, гдѣ много братьевъ, младшій, если онъ не женатъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату, холостому или вдовцу, не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Если всѣ братья женаты, то вдова каждого изъ нихъ можетъ выйти за чужого. Многоженство, бывшее прежде въ обычаяхъ у коряковъ, въ настоящее время почти не случается.

Когда у коряка рождается ребенокъ, приводятъ къ родильницѣ оленя, кото-  
рого тутъ же и убиваютъ въ жертву духамъ. Кроме того, для новорожденнаго отецъ отдаляетъ нѣсколько оленей, которыхъ отмѣчаетъ особымъ знакомъ на ухѣ. Приплодъ отъ этихъ оленей принадлежитъ ему же. Такимъ образомъ, когда ребенокъ возмужаетъ, онъ является владѣтелемъ довольно значительнаго стада. Вскорѣ послѣ рожденія ребенку даютъ имя. Въ палатку или землянку собираются родные. Одна изъ старыхъ женщинъ привязываетъ къ столбу стеклянный шарикъ и начинаетъ медленно перебирать одно за другимъ имена любимыхъ изъ умершихъ мужчинъ или женщинъ, смотря потому, какого пола ребенокъ. Ребенку дается то имя, при произнесеніи которого шарикъ случайно шевельнется; коряки убѣждены, что любимый покойникъ шевельнулъ шарикомъ и тѣмъ какъ бы указалъ, что счастье, которое онъ имѣлъ въ жизни, должно перейти на новорожденнаго. Дѣтей своихъ, для теплоты, коряки зашиваютъ въ олены мѣшкі. Защитаго въ мѣшокъ ребенка мать носить на спинѣ.

Дѣти у коряковъ съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ занятію, свойственному ихъ полу: дѣвочки пріучаются шить одежду, готовить пищу, плести сѣти, сушить рыбу, а мальчики—стрѣлять изъ лука или ружья, пасти оленей, ловить рыбу и т. п.

Покойниковъ коряки сожигаютъ на кострѣ съ ихъ оружиемъ и необходимыми при жизни вещами, а любимыхъ покойниковъ оленей убиваютъ, мясо ихъ сѣдаютъ, а все остальное также сожигаютъ на кострѣ. Возвращающихся домой съ похоронъ шаманъ ударяетъ слегка розгою, произнося заклинаніе, которымъ будто бы запрещаетъ умершему приходить за живыми.

Занятіе кочевыхъ коряковъ состоить главнымъ образомъ въ оленеводствѣ, а осѣдлыхъ—въ рыболовствѣ и охотѣ за пушными звѣрями и морскими животными. Пріемы ловли пушныхъ звѣрей и морскихъ животныхъ тѣ же, что и у чукчей.

Коряки неразборчивы въ пищѣ. Они ёдятъ мясо павшихъ оленей и другихъ животныхъ. Главною же ихъ пищею служитъ рыба, которая ловится въ несметномъ множествѣ. Для храненія запаса рыбы строятся балаганы на высокихъ подставкахъ. Взлѣзаютъ на эти балаганы съ помощью бревна съ зарубками.

Рыбу коряки обыкновенно варятъ въ глиняныхъ или чугунныхъ котлахъ. Въ прежнее время, когда они еще не имѣли возможности получать отъ русскихъ глиняной или чугунной посуды, они варили рыбу въ деревянныхъ корытцахъ, при

чемъ, положивши ее въ корыто, наливали его водой и затѣмъ, раскаливши нѣсколько камней, клали ихъ одинъ послѣ другого въ воду съ рыбой. Вода нагревалась и рыба варилаась. Приготавляли коряки рыбную пищу и такимъ образомъ: множество рыбыхъ головъ сваливали въ яму и оставляли ихъ тамъ, изрѣдка перемѣшивая,—до тѣхъ поръ, пока вся масса не прокисала. Приготовленная такимъ образомъ пища издавала нестерпимый запахъ, однако коряки ёли ее съ большимъ аппетитомъ.

Кромѣ мяса и рыбы коряки питаются разными кореньями, добывая ихъ изъ норъ особаго рода мышей.

Какъ опьяняющій напитокъ, коряки употребляютъ иногда настой мухоморовъ. Настой этотъ вреденъ для здоровья, и продажа мухоморовъ запрещена закономъ; однако коряки вымѣниваютъ ихъ у торговцевъ на оленей и шкурки пушныхъ звѣрей.

## XI.

### КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы живутъ на полуостровѣ Камчаткѣ, преимущественно на южной его части. Они сами себя называютъ *кроша* (люди) или *штельменз* (жители). Название *камчадалы* произошло отъ рѣки Коочь, протекающей по Камчаткѣ. Словомъ „Коочь-ай“ назывался у жителей Камчатки всякий, живущій при рѣкѣ Коочь. Изъ „Коочь-ай“ у коряковъ образовалось слово *Кончало*, а изъ этого слова наши казаки образовали слово *Камчадалы*.

Въ настоящее время камчадаловъ насчитывается до 4 тысячъ человѣкъ; въ прежнее же время ихъ было значительно больше.

Видъ камчадаловъ свидѣтельствуетъ объ ихъ монгольскомъ происхожденіи. Они имѣютъ темно-желтый цвѣтъ кожи, черные волосы, рѣдкую бороду, плоское, широкое лицо, выдавшіяся скулы, большой ротъ и толстая губы. Ростъ ихъ средній или даже ниже средняго, плечи широкія и животъ отвислый. Женщины сть особенной тщательностью защищаютъ кожу на своеи лицѣ отъ загара, отчего она у нихъ значительно бѣлѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Одеждой камчадаловъ служить кукланка или мѣховая рубашка до колѣнь; она бываетъ обшита у ворота и на рукавахъ бобровымъ или другимъ цѣннымъ мѣхомъ. Ноги они обуваютъ въ торбасы или сапоги изъ тюленѣй кожи. Подъ ними они носятъ чулки изъ оленьей шкуры и мѣховые штаны. На голову надѣваютъ лисій капоръ съ длинной бахромой изъ шерсти. Украшеніемъ капора женщинъ часто служать два бѣлые лоскутка изъ шкуры россомахи, въ подражаніе морской птицы мычагаткѣ, у которой на головѣ два бѣлые хохла. Случалось, что камчадалки охотно отдавали за два такие лоскутка одного или даже двухъ бобровъ.

Въ прежнее время жилищемъ для камчадаловъ служили землянки. Въ настоящее же время они строятъ себѣ избушки и балаганы. Избы свои они строятъ изъ бревенъ и покрываютъ сухой осокой или лубочными полосами. Вместо стеколь, оконныя рамы затягиваютъ прозрачными пузырями. Дверь дѣлаютъ маленькую, почти квадратную. Дымъ отъ очага выходитъ въ трубу, сдѣланную изъ длинныхъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Около избушки устраиваются на высокихъ деревянныхъ подставкахъ балаганы, служащіе для храненія рыбы и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Многіе камчадалы зимой живутъ въ своихъ зимнихъ избушкахъ, выстроенныхъ вдали отъ океана, среди лѣса или горъ; на лѣто же они переселяются къ взморью, на устье какой-нибудь рѣки. Такое переселеніе обусловливается какъ климатомъ страны, такъ и занятіями камчадаловъ лѣтомъ и зимой.

Камчадалы отличаются добродушиемъ и привѣтливостью; они охотно помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. За выраженное къ нимъ участіе они признательны и

стараются отплатить всевозможными услугами. По ихъ нравственнымъ понятіямъ признается проступкомъ все то, что причиняетъ вредъ. Согласно съ этимъ, признается, напр., грѣхомъ подниматься на вулканическую гору, такъ какъ это сопряжено съ большою опасностью для жизни; считается также грѣхомъ завести скору изъ-за дурной рыбы, такъ какъ отъ такого неважнаго повода могутъ возникнуть вредныя послѣдствія.

Къ начальствующимъ лицамъ камчадалы относятся съ большимъ почтеніемъ. Къ своимъ дѣтямъ они относятся нѣжно, и матери носятъ ихъ съ собой на спинѣ въ деревянныхъ ящикахъ.



Камчадалы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Попотчевать гостя составляетъ для нихъ удовольствіе. Желая угостить его, они готовятъ въ нѣсколькоихъ корытахъ сушеной, толченой и квашеной рыбы и икры съ брусникой, затѣмъ жарко топятъ хижину и приглашаютъ въ нее гостя. Такъ какъ въ избѣ жарко, то хозяинъ и гость снимаютъ съ себя верхнюю одежду. Приличіе требуетъ, чтобы гость стѣль все, что для него приготовлено. Какъ выраженіе своего вниманія къ гостю, хозяинъ береть кусокъ китового или нерпичьяго жира, всовываетъ его гостю въ ротъ и отрѣзываетъ остатокъ около самыхъ его губъ. Угощаютъ гостя до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ ѣсть. Обычай требуетъ, чтобы гость отплатилъ хозяину такимъ же угощеніемъ.

Камчадаловъ считаются лѣнивыми; это качество, конечно, можетъ быть припи-

саю имъ по сравненію съ цивилизованными европейцами, которые развили въ себѣ потребность къ дѣятельности и скучаютъ безъ серіознаго занятія. Камчадаль принимается за работу только тогда, когда къ этому побуждается его нужда или голодъ. Если же нѣть такого побужденія, онъ предпочитаетъ лежать безъ всякаго дѣла въ своей хижинѣ.

Характеръ камчадаловъ, ихъ душевное настроение отразилось въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Пѣсни ихъ служатъ выражениемъ скорѣе мягкихъ, добрыхъ чувствъ, напр., чувства любви, ласки, чѣмъ грубыхъ, суровыхъ чувствъ, напр., гнѣва, мести и т. п. Напѣвъ и музыка ихъ носятъ большую частью печальный характеръ: въ нихъ слышится какое-то смутное, безотчетное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ.

При пѣніи камчадалы акомпанируютъ себѣ на трехугольной балалайкѣ о двухъ струнахъ или на свирѣли.

Навеселѣ камчадалы пляшутъ подъ звуки балалайки, при чемъ видимо подражаютъ движеніямъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Религіозныя понятія камчадаловъ, до принятія ими христіанства, были спутаны и неопределены. Они олицетворяли и обоготворяли тѣ предметы, которые производили на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Такъ, они вѣрили въ боговъ вулканическихъ горъ, признавая ихъ злыми духами, которые ночью сходять съ горъ на море ловить рыбу. Вѣрили они также, что на высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горахъ живутъ особенные духи, которые ёздятъ на санкахъ, запряженныхъ белыми куропатками и черными лисицами. Облака, по ихъ понятію, подчинены особому богу, обладающему силой послать на землю дождь и градъ. Этотъ богъ похищалъ маленькихъ дѣтей, обязанныхъ держать свѣтильники, освѣщающіе его жилище. Воображеніе камчадаловъ населяло рѣки и озера водяными, которые топятъ плавающихъ, а лѣса—лѣшими, которые стараются сбить путника съ пути, помрачая его умъ.

По преданію камчадаловъ, земля принесена съ неба сыномъ высшаго существа Кутомъ. Этотъ богъ утвердилъ ее на водѣ и самъ поселился на ней. Здѣсь у него родились сынъ и дочь, которые сочетались бракомъ. Куть, по мнѣнію камчадаловъ, надѣлалъ при созданіи земли много промаховъ, отчего они не только не поклонялись ему, но даже бралили его. Къ чему, разсуждали они, на землѣ такъ много горъ, пропастей, утесовъ, бурныхъ потоковъ и рѣкъ, такъ часты дожди, такъ сильны бури, грозы и проч.

Землетрясенія, по понятію камчадаловъ, происходятъ отъ того, что собака бога Туйла сотрясаетъ съ себя снѣгъ.

У камчадаловъ были колдуны, которыхъ своимъ видомъ, костюмомъ и таинственностью своихъ дѣйствій возбуждали въ нихъ чувство страха. Пользуясь ихъ довѣрчивостью, онъ обманывали ихъ, занимаясь гаданьемъ, врачеваньемъ и искусствомъ предотвращать несчастія.

Съ прошлаго столѣтія между камчадалами начало распространяться христіанство. Благодаря миссіонерской дѣятельности, въ настоящее время почти все камчадалы крещены, и прежнія ихъ вѣрованія потеряли для нихъ свое значеніе. Иногда только вѣрованія эти проглядываютъ въ случайномъ приношеніи ничтожной жертвы тому или другому изъ забытыхъ боговъ.

Какъ выраженіе господства христіанства надъ прежними языческими вѣрованіями камчадаловъ, въ настоящее время почти въ каждомъ значительномъ камчадальскомъ селеніи красуется православная церковь, окрашенная обыкновенно въ красный цветъ, съ двумя куполами зеленаго или голубого цвета.

Бракъ у камчадаловъ совершаются послѣ уплаты женихомъ калмы за невѣсту. Случается, что женихъ, не имѣя чѣмъ уплатить калымъ, поступаетъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и исполняетъ всѣ работы по ихъ хозяйству.

Умершихъ камчадалы въ прежнее время бросали на същеніе дикимъ звѣрямъ, ибо вѣрили, что трупъ покойника, съденный ими, явится въ загробную жизнь въ обновленномъ, лучшемъ видѣ. Въ настоящее же время они болѣею частью погребаютъ своихъ покойниковъ.

Мѣсто пребываніемъ умершихъ они считали вулканическія горы, при чёмъ думали, что дымъ, выходящій изъ этихъ горъ, означаетъ, что умершіе топятъ свои избы.

Для ъзды прежде служили собаки. Въ настоящее время они хотя и не оставили ъзды на собакахъ, однако держать и лошадей, на которыхъ ъздать преимущественно лѣтомъ.

Сани или нарты для ъзды на собакахъ отличаются легкостью и прочностью. Остовъ ихъ состоять изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи и поставленныхъ на широкіе, выгнутые полозья. Собакъ запрягаютъ въ нарты попарно къ длинному ремню изъ тюленьей кожи. Управляютъ ими крикомъ.

Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки наиболѣе пригодны для ъзды. Они сильны, выносливы и быстро бѣгутъ. Пробѣжать по хорошей дорогѣ верстъ 80 въ день для нихъ не особенно трудно. Камчадалы любятъ своихъ собакъ и дорожатъ ими не менѣе, чѣмъ жители другихъ странъ дорожатъ лошадьми. Они очень искусны въ пріученіи собакъ къ ъзду. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, длинными ушами, острой мордой, широкой спиной. Щенятъ, выбранныхъ для дрессировки, держать взаперти до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками. Они рвутся впередъ и изъ всѣхъ силъ тащатъ нарты съ камчадаломъ. Затѣмъ ихъ опять запираютъ въ темное цомѣщеніе и черезъ нѣкоторое время снова запрягаютъ вмѣстѣ съ старыми собаками. Такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока молодыя собаки не пріучатся къ упряженію.

Зимою хозяева кормятъ своихъ собакъ мерзлой рыбой; лѣтомъ же отпускаютъ ихъ на волю, и они сами добываютъ себѣ пищу, подбирая рыбу на отмеляхъ рекъ и озеръ.

Главное занятіе камчадаловъ состоять въ рыболовствѣ. Въ камчатскихъ рекахъ водится такъ много рыбы, что весною, когда она идетъ съ океана въ реки, ее можно ловить руками. Любимая камчадалами рыба — чевыча. Стада ея идетъ вверхъ по рекѣ съ такимъ стремленіемъ, что предъ нимъ поднимается волна. Камчадалы, засидя эту волну, бросаются въ лодки, закидываютъ свои сѣти и безъ счету налавливаютъ добычи.

Водится въ камчатскихъ рекахъ также рыба горбуша. Стада ея такъ велики и густы, что когда они идутъ, то поднимается уровень воды въ рекѣ. Водится въ нихъ также множество семги, уловъ которой производится преимущественно весной.

Для ловли рыбы, кроме сътей, камчадалы употребляют верши, корзины, невода и другие рыболовные снаряды.

Наловленную рыбу женщины разрѣзываютъ, потрошатъ и вѣшаютъ на шесты для сушенья.

Кромѣ рыболовства, занимаются камчадалы также охотой. На полуостровѣ водится много соболей, горностаевъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей. Какъ только окончится рыболовство, камчадалы складываютъ всю свою рыбу въ балаганы и, перебравшись въ зимнія хижины, приступаютъ къ занятію охотой. Они ставятъ ловушки, капканы и охотятся на лыжахъ или конькахъ, съ собакой.

Почва Камчатки плодородна и способна къ разведенію огородовъ. Отъ русскихъ камчадалы научились огородничеству, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ разводятъ картофель, капусту, рѣпку и другіе овощи, идущіе въ пищу. Кромѣ того, на Камчаткѣ растетъ множество крапивы, достигающей до сажени вышины. Камчадалы срѣзываютъ эту крапиву и изъ волоконъ ея приготавливаютъ бечевки и веревки, идущія на сѣти и другія хозяйственныя надобности. Далѣе, изъ травы камчадалы плетутъ ковры, которыми устилаютъ полы своихъ избъ.

Пищей камчадаловъ служитъ преимущественно рыба, которой у нихъ всегда вдоволь. Питаются они также птицами, которыхъ бываютъ и ловятъ на рѣкахъ и озерахъ полуострова. Держа коровъ, почти все камчадалы могутъ имѣть молоко, сырь и другіе молочные продукты. Отъ своихъ огородовъ они имѣютъ овощи, которыми разнообразятъ свою пищу. Познакомившись отъ русскихъ съ хлѣбомъ, они полюбили его и стали сѣять рожь и молоть муку для хлѣба. Употребляютъ они въ пищу также ягоды, кореня и травы. Корень *сараны* сушатъ и употребляютъ для приготовленія каши и лепешекъ. Изъ смѣси кореньевъ, ягодъ, икры, китового или тюленьяго жира и копченой рыбы они приготавливаютъ свое любимое блюдо—*селагу*.

Запасая продовольствіе на зимніе мѣсяцы, камчадалы отыскиваютъ норы осо-бой породы мышей—домоводокъ—и вынимаютъ оттуда большую часть ихъ запаса кедровыхъ ореховъ, зеренъ и кореньевъ.

Отъ русскихъ камчадалы познакомились съ водкой, и она имъ настолько понравилась, что они считаютъ для себя болѣшимъ наслажденіемъ напиться до пьянна. При неимѣніи водки, они пьютъ настой мухомора.

Пищу они держать въ деревянныхъ мискахъ, чугунныхъ котлахъ и лубочныхъ ведрахъ. При ёдѣ не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ, довольствуясь только ножомъ.

## XII.

### ЯКУТЫ.

Якуты населяютъ Якутскую область, по бассейнамъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Ихъ насчитываютъ до двухсотъ-тридцати тысячъ человѣкъ обоего пола.

Страна, на которой поселились якуты, представляетъ мало удобствъ къ жизни; но, несмотря на это, они обжились въ ней и думаютъ, что не можетъ быть болѣе благодатной страны.

Первоначально якуты жили около Байкальского озера и на рекѣ Ангарѣ, но вытѣсненные оттуда бурятами и другими инородцами, двинулись на сѣверъ и сѣверо-востокъ и заняли мѣстность, которую населяютъ въ настоящее время.

Якуты сами себя называютъ *захами*. Якутами назвали ихъ впервые русскіе, которые смѣшили ихъ съ юкагирами, живущими въ сосѣдствѣ съ ними.

Якуты относятся къ турецко-татарскому (турскому) племени. Они имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, широкій приплюснутый носъ, черные, блестящіе узкіе глаза и черные волосы; бороды и усовъ не имѣютъ, такъ какъ выдергиваютъ волосы, когда они начинаютъ расти; волосы на головѣ стригутъ коротко, оставляя длинными только на затылкѣ; женщины заплетаютъ косы.

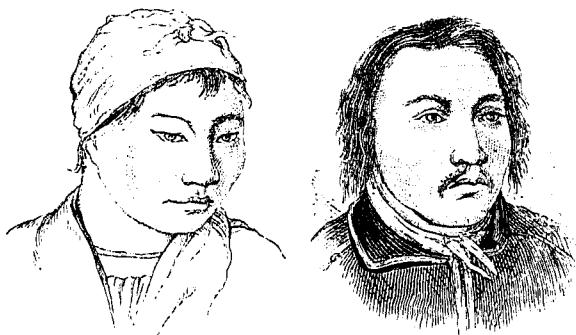
Одежда якутовъ состоитъ изъ шубы или кафтаны до колѣнъ длиною, съ разрѣзомъ назади, для удобства при верховой Ѣздѣ. Зимою сверхъ этой шубы надѣваютъ еще другую шубу, называемую *санаякъ*; на голову надѣваютъ суконную шапку, обшитую по окольышку мѣхомъ. На шею надѣваютъ бѣличи хвости, а на руки—рукавицы изъ лисиныхъ лапъ. На ладоняхъ рукавицъ дѣлается прорѣха, чрезъ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно слѣдать что-нибудь на морозѣ голою рукою. На ноги надѣваютъ кожаныя узкія панталоны (сугуры) и длинные сапоги изъ кожи оленыхъ или лошадиныхъ ногъ (торбасы); подъ колѣномъ и повыше колѣна они перевязываются ремнями. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только шуба или кафтанъ ихъ дѣлается длиннее; они любятъ украшать себя огромными серебряными или мѣдными серьгами, серебряными широкими ожерельемъ и широкими браслетами. Шапка ихъ, будучи похожа на мужскую, отличается отъ послѣдней только изобиліемъ шитьемъ поверху.

Одежда богатыхъ якутовъ и якутокъ отличается отъ одежды бѣдныхъ болѣе дорогого матеріей, которою покрывается шуба, болѣе изобиліемъ шитьемъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами.

Якуты лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ чумахъ, которые при перекочевкѣ перевозятся; чумы ихъ похожи на чумы самойдовъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Зимою они живутъ въ избушкахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ или тонкихъ бревенъ,

прикрепленныхъ къ четыремъ столбамъ. Снаружи избушки обмазаны глиной, смѣшанной съ навозомъ, или обложены дерномъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сѣномъ, а потому слоемъ земли. Свѣтъ въ избушку проникаетъ чрезъ одно или два небольшія оконца съ вставленными въ нихъ льдинами. Низкая дверь всегда обращена къ востоку. Полъ у бѣдныхъ опущенъ внизъ фута на два и плотно убитъ; у богатыхъ онъ приподнятъ и выстланъ досками. Вдоль стѣнъ избушки устроены постели, отгороженная одна отъ другой лошадиными кожами или досками. Посрединѣ я, поближе къ дверямъ, стоитъ чуваль или очагъ, съ трубою, проведеною въ кровлю; въ немъ безпрестанно горитъ огонь, для тепла и варки пищи. По стѣнамъ избы развѣшаны платы и другія принадлежности якутовъ. Возлѣ избушки устраивается обыкновенно нѣсколько сараевъ для коровъ и телятъ. Впрочемъ, очень часто телята и жеребята помѣщаются въ самой избѣ, вмѣстѣ съ людьми.

Въ якутскихъ избушкахъ всегда бываетъ до крайности грязно; воздухъ въ нихъ обыкновенно испорченъ. Вследствіе испорченности воздуха въ избушкахъ и крайней нечистоплотности якутовъ, какъ они сами, такъ и всѣ вещи ихъ пропитываются непріятнымъ запахомъ; даже ягоды и молоко, продаваемыя ими русскимъ, отдаютъ этимъ запахомъ.



Свои хижины или чумы якуты ставятъ разбросанно, въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой. Въ каждой хижинѣ живеть два или три семейства, связанныя между собою родствомъ. Пастбища и сѣнокосы якутовъ прилегаютъ большею частию къ ихъ изbamъ или чумамъ.

Многолюдныхъ деревень или селеній у якутовъ нѣть. Нѣсколько десятковъ избушекъ или чумовъ, расположенныхъ на извѣстномъ пространствѣ, составляютъ *наслегъ* или, по мѣстному произношенію,—*ночлагъ*. Нѣсколько наслеговъ составляютъ *улусъ*. Въ улусѣ живеть нѣсколько сотъ и даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Улусомъ управляетъ избранный народомъ и утвержденный русскимъ начальствомъ *глава*, а наслегомъ — *староста* и его помощники — *старшины*. Староста и старшины наблюдаютъ за порядкомъ въ наслегѣ и заботятся объ исправномъ взносѣ податей.

Якуты отъ природы одарены довольно значительными умственными способ-

ностями; они обладают сильною памятью: все событія изъ своей жизни они помнить съ удивительной отчетливостью и ясностью. Достаточно якуту разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы навсегда запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, пригородъ. Изъ виныхъ чувствъ особенно сильно у якутовъ зрѣніе; они ясно видятъ на такомъ далекомъ разстояніи, на какомъ ни одинъ европеецъ не въ состояніи ничего различить. Нѣкоторые якуты невооруженнымъ глазомъ видятъ такія звѣзды, которыхъ европейцу видны только въ подзорную трубу.

Благодаря своей преимущественности и умственной способности, якуты легко научаются ремесламъ. Они плотничаютъ не хуже настоящихъ русскихъ плотниковъ; столярные издѣлія они производятъ не хуже русскихъ столяровъ: большая часть мебели, употребляемой жителями Якутска, дѣлается руками якутовъ. Нѣкоторые якуты научаются дѣлать кинжалы и ножи, и издѣлія ихъ не заставляютъ желать лучшаго. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, ножны къ нимъ дѣлаются изъ бересты, обтягиваются черной кожей и, для прочности, оковываются жѣлезными полосками. Изъ мамонтовой кости они искусно дѣлаются гребни, гребенки и разныя другія издѣлія, а изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ—изящные ковры. Многія якутки поступаютъ въ русскіе дома въ услуженіе няньками, швеями, горничными, кухарками, а якуты—кучерами, лакеями и дворниками,—и хозяева довольно работой своей прислуги. Для якутскихъ дѣтей устроено нѣсколько школъ, въ которыхъ они научаются читать, писать и начальнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ.

Умственная сила якутовъ проявляется также во вліяніи ихъ на русскихъ. Якутскій языкъ сдѣлался во многихъ русскихъ семействахъ преобладающимъ; многіе русскіе охотнѣе разговариваютъ по-якутски, чѣмъ по-русски. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что прислуга въ русскихъ семействахъ преимущественно состоить изъ якутовъ: нянька—якутка, кухарка—якутка, кучеръ—якуть и т. д. Дитя съ первыхъ дней жизни слышитъ якутскую рѣчь и научается ей. Взрослый человѣкъ, имѣя болѣею частью дѣло съ якутами, разговариваетъ съ ними на ихъ языкѣ и привыкаетъ на немъ выражать свои мысли. Кромѣ языка, многіе русскіе переняли отъ якутовъ нѣкоторые ихъ обычай и одежду. Особенно зимою часто можно встрѣтить русскихъ въ якутской одеждѣ.

При своихъ значительныхъ умственныхъ способностяхъ, якуты въ нравственномъ отношеніи, по свидѣтельству лицъ, жившихъ среди нихъ, стоять ниже другихъ инородцевъ: они лукавы и не всегда честны. Если что плохо припрятано, якутъ стащить; если представляется возможность поживиться обманомъ, онъ не задумается прибѣгнуть къ нему. Кромѣ того якуты злопамятны и мстительны: за полученную обиду якутъ постараится отомстить; если же это не удастся ему самому, онъ завѣщасть мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Далѣе, они скрытны и необщительны; вслѣдствіе этого своего качества, они стараются селиться уединенно. Но уединенная жизнь не мѣшаетъ имъ затѣвать тяжбы между собою и съ русскими. Къ тяжbamъ они большиe охотники. Якутъ не преминеть никакого случая, дающаго ему возможность затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу или привлечь кого-нибудь къ ответственности. Къ указаннымъ чертамъ характера якутовъ слѣдуетъ еще прибавить хитрость и вкрадчивость ихъ. Якутъ всегда сумѣетъ пріобрѣсти довѣріе русскаго, если это ему полезно.

Добротель, общая у якутовъ съ другими инородцами, состоитъ въ госте-

пріимствѣ. Путешественникъ всегда найдетъ въ избушкѣ или чумѣ якута радушный пріемъ и готовность подѣлиться тѣмъ, что у него есть.

Для выражения своей ласки къ кому-нибудь якуты не цѣлюютъ его, а обнимаютъ его и нюхаютъ его голову, шею, одежду. Такъ, мать, желая приласкать своего ребенка, обнимаетъ и обнюхиваетъ его. Только якуты, часто обращающиеся съ русскими, научились отъ послѣднихъ выражать свою пріязнь и ласку попѣлумъ.

При встрѣчѣ знакомые якуты привѣтствуютъ другъ друга словомъ *kensè*, т.-е. рассказывай.

Свободное время якуты проводятъ въ своихъ чумахъ, у горящаго огня, въ бесѣдѣ, слушаніи разсказовъ и карточной игрѣ. Жены ихъ въ это время занимаются рукодѣліемъ. Весной, когда луга покрываются травой, якуты спрашиваютъ празднікъ „*юзехъ*“, при чемъ єдятъ много мяса, плашутъ и поютъ пѣсни.

Живя въ суровомъ климатѣ, якуты въ удивительной мѣрѣ приспособились къ перенесенію холода. Нерѣдко якуту приходится ночевать подъ открытымъ небомъ при сорокаградусномъ морозѣ. Онъ раскапываетъ снѣгъ, разводить костеръ, снимаетъ съ себя верхнюю одежду и ложится у костра, прикрывшись снятой одеждой. Согревшись у костра, онъ затыкаетъ себѣ шерстью носъ и уши, закрываетъ лицо и такимъ образомъ засыпаетъ, не боясь замерзнуть. Еще съ младенчества якуты пріучаются къ перенесенію холода. Своихъ маленькихъ дѣтей они вытираютъ снѣгомъ, пріучая ихъ такимъ образомъ къ перенесенію стужи. Зимою нагія или полунагія дѣти сидятъ въ хижинѣ на голомъ холодномъ земляномъ полу и, несмотря на сильный морозъ, не одѣвшись, выбѣгаютъ изъ хижины на открытый воздухъ.

Большинство якутовъ считаются христіанами; но многіе изъ нихъ исполняютъ только наружные обряды христіанской религіи, придерживаясь языческихъ суевѣрій въ руя въ силу своихъ шамановъ. Громъ и молню, солнце и огонь они почитаютъ за существа живыя, которымъ нужно поклоняться и которыхъ нужно умилостивлять жертвой. Предъ началомъ єды они бросаютъ кусокъ мяса или сала въ огонь. Если при этомъ на огнѣ щелкнетъ, то это, по ихъ понятію, предвѣщаетъ большое несчастіе, для избѣжанія котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Передъ огнемъ якуты присягаютъ, при чемъ присягающей садится на черепъ медведя, лицомъ къ очагу, и льетъ на огонь масло, остатокъ котораго выпиваетъ, приговаривая: „Если я солгалъ въ своемъ показаніи, то пусть это масло превратится въ ядъ и отравитъ мою внутренность“.

Въ нѣкоторыхъ якутскихъ избушкахъ или чумахъ можно видѣть деревянныхъ идоличковъ, которымъ во время єды обмазываютъ лицо жиромъ или саломъ, но почетей имъ никакихъ не воздаютъ.

Русское духовенство старается просвѣщать якутовъ христіанскими истинами и отстранивать ихъ отъ языческихъ суевѣрій и понятій. Деятельность его не остается безъ послѣдствій: многіе якуты стараются жить по требованію христіанской церкви и съ уваженіемъ относятся къ своимъ пастырямъ. Когда священникъ пріѣзжаетъ въ наслегъ, якуты его встрѣчаютъ, кланяются ему и приглашаютъ его въ лучшую избушку или въ лучшій чумъ.

Священное писаніе переведено на якутскій языкъ и якуты имѣютъ возможность слушать богослуженіе на родномъ языке.

Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ якутовъ сохранилось много языческихъ, которые совершаются рядомъ съ христіанскими обрядами.

Бракъ у якутовъ совершается послѣ уплаты родителямъ невѣсты условленнаго калыма. Случается, что родители просматриваютъ своихъ еще малолѣтнихъ дѣтей, при чемъ начинается уплата калыма. Большею же частью женихъ самъ находить себѣ невѣсту и, съ согласія своихъ родителей, посыпаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который и условливается относительно калыма. Заключивши условіе, спрашиваютъ невѣсту, согласна ли она выйти за сватающагося жениха. Она обыкновенно молчитъ, и молчаніе ея принимается за согласіе. Спустя нѣсколько времени, обыкновенно въ первыхъ числахъ рожденія новой луны, женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ улусъ невѣсты. Вошедши въ избу, онъ становится по правую сторону очага, а отецъ съ матерью по лѣвой. Женихъ становится на правое колѣно и льеть въ огонь топленое масло, потомъ, приподнявши шапку, дѣлаетъ три поклона. Шаманъ, сидящій на отцовской постели, провозглашаетъ пожеланіе вступающимъ въ бракъ счастья, долголѣтія, богатства и многочисленнаго потомства. Женихъ выходитъ изъ избы, надѣваетъ лучшее платье и съ гостями возвращается въ избу. Начинается угощеніе лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, масломъ и чаемъ. Послѣ угощенія невѣста вмѣстѣ со своими родственниками ёдетъ въ улусъ жениха. Когда поѣздъ приблизится, родственники нахлобучиваются ей на глаза шапку или завѣшиваютъ ея лицо шкуркою. Затѣмъ трое изъ нихъ входятъ въ хижину жениха. Вошедши, они становятся на колѣни передъ горящимъ очагомъ и объявляютъ, что пришли по порученію невѣсты осмотрѣть ея новое жилище. Имъ подносятъ по кружку кумысу, мѣрою каждая около четверти ведра. Они трижды призываютъ благословеніе на молодыхъ, кропятъ на очагъ кумысомъ и циютъ его. Обычай требуетъ, чтобы они выпили все до дна. Выпивъ кумысъ, они выходятъ изъ хижинъ и присоединяются къ прибывшему поѣзду невѣсты. Невѣста, вошедши въ хижину, становится на правое колѣно, кладетъ въ огонь масло и дѣлаетъ три поклона. Шаманъ вторично провозглашаетъ пожеланіе жениху и невѣстѣ богатства, счастья и многочисленнаго потомства. Начинается пиршество. На другой или третій день родители брачущихся обмѣниваются подарками; если подарки не соотвѣтствуютъ ихъ ожиданіямъ, между ними зарождается вражда.

Родство по мужскому колѣну признается у якутовъ препятствиемъ къ заключенію брака; свойство же не признается такимъ препятствиемъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что якуты стараются брать себѣ женъ изъ чужого рода и даже чужого улуса.

Послѣ совершенія языческихъ обрядовъ, вступающіе въ бракъ обвѣчиваются священникомъ при его пріѣздѣ въ улусъ.

При рожденіи у якута сына, отецъ призываетъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, угощаетъ ихъ мясомъ и при этомъ даетъ имя новорожденному. При рожденіи дочери обыкновенно не бываетъ никакого празднества. Крещеніе новорожденнаго совершается при пріѣздѣ въ улусъ священника.

Своихъ дѣтей якуты не особенно балуютъ и нѣжатъ: кладутъ ихъ нагими въ жесткія зыбки или корыта изъ бересты, прикрываютъ ихъ старыми шкурами или лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою и мало обращаютъ вниманія на ихъ крикъ, думая, что чѣмъ больше младенецъ кричитъ, тѣмъ скорѣе растетъ.

Покойника якуты погребают обыкновенно въ день его смерти. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу его платье и убитую лошадь съ сбруей, а также съѣдобное—мясо и жиръ.

Зарывши покойника, якуты обѣзжаютъ его могилу три раза противъ солнца. Близкіе родственники покойника не приближаются къ могилѣ, а издали жалобно голосятъ. На могилѣ ставятъ иногда срубъ, который огораживаютъ заборомъ, на столбахъ котораго вѣшаютъ конскія головы. Родственники покойнаго, жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ, переселяются въ другой чумъ, такъ какъ считаютъ то мѣсто, гдѣ умеръ покойникъ, жилищемъ злого духа.

Покойниковъ, погребенныхъ безъ отпѣванія священника, послѣдній отпѣваетъ при своемъ прибытии въ наслегъ.

Сказавши о нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ, сохранившихся у якутовъ, слѣдуетъ замѣтить, что обряды эти послѣдовательно исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ христіанское ученіе проникаетъ въ сознаніе народа. Въ нѣкоторыхъ улусахъ, гдѣ есть церковь и священники, почти совершенно утратились языческіе обряды и вѣрованія и о нихъ сохранились лишь преданія.

Главное богатство якутовъ состоить въ табунахъ лошадей и стадахъ рогатаго скота. Лошадь служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ олень для самойдовъ и остяковъ, т.-е. не только употребляется для верховойѣзды и перевозки тяжестей, но и доставляетъ пищу и питье: конина составляетъ лакомое блюдо якутовъ, а кумысъ—ихъ любимый напитокъ. Якутская лошадь пріучена переносить и стужу, и недостатокъ пищи. Она остается подъ открытымъ небомъ при тридцати и болѣе градусахъ мороза и сама добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Пробѣжать нѣсколько десятковъ верстъ и затѣмъ въ поту оставаться на морозѣ безъ попоны—для нея нипочемъ. Несмотря на скучность пищи, якутскія лошади долго сохраняютъ бодрость и силу.

Кромѣ лошадей, для єзды употребляются также олени и собаки. Собакъ запрягаютъ въ длинныя нарты, переплетенные ремешками. Передняя часть нарты скрѣплена полукруглой вѣтвиною, называемой бараномъ; отъ барана проведенъ ремень съ узлами, на которые, по обѣ стороны ремня, прицѣпляются петлями собаки. Въ одну нарту запрягаются отъ 6 до 14 собакъ, смотря по грузу; на каждую собаку полагается около одного пуда тяжести. Спереди прицѣпляются наиболѣе смѣшливые собаки. Якутъ, сидящій на передней части нарты, держать въ рукѣ длинный кнутъ, которымъ и ударяетъ собаку, вздумавшую лѣниться или шалить. Нужна нѣкоторая ловкость и опытность, чтобы ударить именно ту собаку, которую слѣдуетъ наказать.

Содержаніе собакъ якутамъ почти ничего не стоить, такъ какъ кормятъ ихъ мерзлой рыбой, и то только зимою, когда держать ихъ на привязи. Лѣтомъ распускаютъ ихъ на волю, и тогда они сами добываютъ себѣ пищу по мелкимъ рѣкамъ, куда въ половодіе заходитъ рыба и, не имѣя возможности, при быстрой убыли воды, сплыть обратно, остается тутъ. Осеню, съ установлениемъ зимняго цути, хозяева собираютъ своихъ собакъ и держать ихъ на привязи, употребляя въ работу всякий разъ, когда то понадобится.

Рогатый скотъ разводится якутами для молока и мяса, а также и для пере-

возки большихъ тяжестей. Якуты, подобно бурятамъ, прокалываютъ телятамъ ноздри и въ проколотое мѣсто продѣваютъ кольцо или палочку, къ которой привязываютъ поводъ, служащій для управленія быкомъ.

Для корма рогатаго скота въ зимніе мѣсяцы заготовляютъ стоги сѣна. Случается, что, при недостаткѣ сѣна, якуты кормятъ скотъ рыбой, которой всегда имѣется большой запасъ.

Въ послѣднее время часть якутовъ, живущихъ въ южной части Якутской области, начала заниматься, въ подражаніе русскимъ, хлѣбопашествомъ. Но занятіе это находить себѣ препятствіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Нерѣдко случается, что засѣянный хлѣбъ пропадаетъ отъ мороза, прежде чѣмъ успѣть созрѣть. Но, несмотря на это, все болѣе и болѣе расчищается мѣсто для посѣва хлѣба. Якуты сѣютъ рожь, ячмень и садятъ картофель.

Звѣринный промыселъ хотя съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, однако доставляетъ еще значительный доходъ якутамъ. Они охотятся на соболей, песцовъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей. Наиболѣе прибыльной считается охота за дикими оленями. Охота за ними производится два раза въ годъ: весной, во время перехода ихъ изъ лѣсовъ къ берегамъ Ледовитаго океана, и осенью, когда они изъ прибрежныхъ полярныхъ странъ бѣгутъ обратно въ лѣса. Весенняя охота не особенно прибыльна, такъ какъ олени въ это время тощи и шерсть на нихъ плоха; болѣе прибыльна осенняя охота, когда олени жирны и шкура ихъ цѣнна.

Якуты, зная, въ какихъ мѣстахъ олени обыкновенно переплываются чрезъ рѣки, дѣлаютъ здѣсь засаду и, когда они войдутъ въ воду, бьютъ ихъ.

Наконецъ, рыболовство составляетъ значительное подспорье въ хозяйствѣ якутовъ, живущихъ по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбой. Они ловятъ такое множество рыбы, что не только сами питаются ею, но также кормятъ ею, какъ уже сказано, собакъ и иногда рогатый скотъ. Нужно замѣтить, что значительная часть вылавливаемой ими рыбы пропадаетъ непроизводительно, такъ какъ они не умѣютъ заготовлять ее впрокъ, а сваливаютъ въ ямы, гдѣ она скоро портится.

Пища якутовъ обусловливается ихъ занятіемъ и климатомъ. Преобладающая ихъ пища — мясная: конина, говядина, дичь и рыба; кромѣ того, они питаются молочными скопами и ягодами. Въ особенности же они любятъ жирное мясо: чѣмъ жирнѣе оно, тѣмъ больше оно имъ нравится. Мясо варятъ и очень рѣдко его жарятъ. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ — величайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ различныхъ видахъ: сырьимъ и топленымъ, въ свѣжемъ и испорченномъ видѣ. Хлѣба они употребляютъ мало и смотрѣть на него, какъ на лакомство. Недостатокъ своей пищи они пополняютъ сосновой или лиственничной корой, которую соскабливаютъ, сушатъ, толкуютъ и затѣмъ мѣшаютъ съ сушеною рыбой, молокомъ или жиромъ и эту смѣсь варятъ, при чѣмъ получается нѣчто вродѣ размазни.

Для якутовъ не столько имѣть значенія качество пищи, сколько количество ея. Они съѣдаютъ неимовѣрно большое количество пищи и любятъ не толькоѣсть, но и вспоминать въ разговорѣ, гдѣ и когда они вдоволь їли мяса или жиры. Они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы пойти. Їдять и съ радости, и съ печали; даже больные не откажутся вдоволь пойти. На свадьбахъ и другихъ выдающихся случаяхъ жизни приглашаются иногда ёдоки, которые стараются перешеголять

одинъ другого въ количествѣ съѣденнаго. Путешественникъ Симпсонъ разсказываетъ, что въ Якутскѣ онъ призывалъ къ себѣ двухъ известныхъ ёдоковъ и поставилъ предъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленаго масла; каждому дали по пуду мяса, а масло они могли есть ложками. Чрезъ нѣсколько часовъ все предложенное имъ было съѣдено. Послѣ того они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ъли и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

Любимымъ напиткомъ якутовъ служить кумысъ. Для большей пріятности и питательности они прибавляютъ въ него нетопленаго масла. Отправляясь лѣтомъ въ путь, якуты непремѣнно возьмутъ съ собою въ кожаномъ мѣшкѣ кумысу. Между достаточными якутами въ послѣднее время распространилось употребленіе кирпичнаго чая съ молокомъ.

Подобно другимъ инородцамъ, якуты любятъ пить водку и курить табакъ. Курять они самый крѣпкій табакъ, изъ складныхъ трубокъ. Глотая табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое считаютъ для себя однимъ изъ лучшихъ удовольствій и которое иногда приводить ихъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ.



## XIII.

### СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ.

Сибирские татары — потомки техъ татаръ, которыхъ русскіе встрѣтили при покореніи Сибири. Въ настоящее время ихъ насчитывается около 90 тысячъ человѣкъ. Живутъ они преимущественно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ; встречаются также въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ Восточной Сибири. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, замѣтно отличающихся одно отъ другого образомъ жизни, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ.

Татары Енисейской губерніи извѣстны большою частью подъ именемъ *качинцевъ*, *сагайцевъ*, *кизильцевъ* и др. Татарскія племена остальной части Восточной Сибири извѣстны подъ названіемъ *хариасовъ*, *аритовъ*, *сойотовъ* и др.

Татарскія племена относятся къ тюркской семье народовъ; но они въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми живутъ. Такъ, напр., восточно-сибирскіе и барабинскіе татары носятъ на себѣ отпечатокъ монголо-манжурскаго племени и замѣтно отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ тобольскихъ татаръ, носящихъ отпечатокъ тюркскаго племени.

Языкъ сибирскихъ татаръ есть тюркское нарѣчіе; онъ нѣсколько отличается отъ языка татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи. По-русски почти всѣ сибирскіе татары говорять болѣе или менѣе свободно.

Большая часть сибирскихъ татаръ ведетъ осѣдлый образъ жизни, менышая же ихъ часть, именно татарскія племена, живущія въ Енисейской губерніи, продолжаютъ еще вести полукочевой образъ жизни.

Осѣдлые татары живутъ въ селеніяхъ или городахъ. Полукочевые — зиму проводятъ въ такъ называемыхъ зимовкахъ, а на лѣто перекочевываютъ въ избѣ, удобныя для пастбища скота.

Татарскія селенія не велики. Нѣсколько селеній составляютъ волость, управляемую старшиной. Татарскій старшина (башлыкъ) обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не особенно богатъ.

Жилищемъ осѣдлыхъ татаръ служатъ избушки — у бѣдныхъ, и большие, иногда двухъ-этажные дома — у богатыхъ. Окна какъ въ избушкахъ, такъ и въ большихъ татарскихъ домахъ прорубаются высоко, почти подъ самимъ потолкомъ.

Полукочевые татары въ зимніе холода скрываются въ деревянныхъ хижинахъ съ земляной крышей, а на лѣто ставятъ войлочные или берестяные юрты. Внутреннее устройство ихъ хижинъ и юртъ большею частью бываетъ таково: противъ входа помѣщается на нарахъ постель хозяина; надъ нарами придѣланы шесты, на коихъ виситъ праздничная одежда; по стѣнамъ устраиваются полки, на которыхъ помѣщаются хозяйственныя принадлежности, при чемъ такъ, что на лѣвой, или

мужской, сторонъ складываются сѣда, сбруя и вообще вещи, необходимыя для мужчинъ, а на правой, или женской, сторонѣ разставляется деревянная, глиняная и мѣдная посуда: вѣдра, кадки, корыта, горшки, котлы и т. п. Посреди юрты устраивается изъ камней очагъ, надъ которымъ на тагайѣ помѣщается котель для



приготовленія пищи. Около очага ставится низенькій столикъ, на которомъ хозяинъ и гости ёдятъ, сидя на полу.

Въ юртахъ и особенно въ зимнихъ хижинахъ бѣдныхъ татаръ бываетъ крайне неопрятно: стѣны и потолокъ покрыты паутиной, поль грязнъ, вездѣ валяются обѣдки съѣстного. Жилище зажиточныхъ татаръ содергится значительно чище.

Одежда татаръ-мусульманъ обыкновенно такая же, какъ и у приволжскихъ татаръ. Она въ большинствѣ случаевъ состоить изъ бешмета и халата, а зимою—овчинной шубы; на бритую голову надѣваютъ аракчинъ, а сверхъ него—суконную или мерлушачью шапку или же войлочный колпакъ съ завороченою кверху заднею частью, образующею такимъ образомъ родъ козырька. Чалма бѣлаго или зеленаго цвѣта носится духовенствомъ и пожилыми татарами. Татарскія женщины, особенно зажиточные, любятъ наряды. Ихъ шапка и халатъ бывають обшиты позументомъ. На концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія преимущественно изъ монетъ. Въ ушахъ носятъ серьги, на шеѣ—ожерелье, а на рукахъ—браслеты. Онѣ иногда бѣлятся, румянятся, чернить зубы и красять ногти.

Крещеные татары въ значительной мѣрѣ переняли одежду русскихъ.

Сибирскіе татары занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ. Во время полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ татарскихъ селеніяхъ только и можно встрѣтить дѣтей и старухъ, неспособныхъ къ работе; остальные же жители работаютъ на сѣнокосѣ или на пашнѣ. Кроме земледѣлія, татары занимаются огородничествомъ; но они разводятъ овоши не столько для продажи, сколько для собственнаго употребленія. Вторымъ промысломъ татаръ служить скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ. Въ связи съ разведеніемъ лошадей находится извозчикій промыселъ. Рѣдкій изъ татаръ, живущихъ по большимъ трактамъ, не занимается извозомъ; они перевозятъ проѣзжающихъ отъ одной станціи до другой, или же подряжаются на перевозку на значительныя пространства казенныхъ и частныхъ кладей.

Наиболѣе любимый промыселъ татаръ—торговля. Они имѣютъ торговыя сношенія съ хивинцами, бухарцами, туркестанцами, киргизами и русскими купцами въ Европейской Россіи. Предметомъ ихъ торговли служать: бумажныя и шерстяныя ткани, шелковая матерія, чай, фрукты, шерсть, кожа, сало и т. п. Все это сбываются они или на ярмаркахъ, или изъ своихъ постоянныхъ лавокъ, находящихся во многихъ городахъ Сибири. Занимаются они также и разносной торговлей. Съ небольшимъ запасомъ галантерейного товара переѣзжаетъ татаринъ изъ селенія въ селеніе и продаѣтъ свой товаръ.

Междуди сибирскими татарами встрѣчаются охотники; но охота не составляетъ главнаго ихъ промысла. Болѣе прибыльнымъ является рыболовство на рекахъ и озерахъ Сибири. Большую часть ловимой рыбы они продаютъ въ соседнихъ городахъ.

Татары Тобольского, Ялуторовского и Кайнского округовъ промышляютъ ловлей пиявокъ. Ловятъ ихъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда ловятъ такъ: войдеть татаринъ въ озеро и сидѣть въ немъ, пока всего его не облѣпятъ пиявки; выйдя изъ озера, онъ снимаетъ съ себя добычу. Нѣкоторыя татарки занимаются приспособленіемъ пиявокъ болѣльнымъ, и эти послѣдніе нерѣдко предполагаютъ ихъ пырюльникамъ.

Домашнія работы лежатъ на обязанности женщинъ, которая не только ухаживаютъ за дѣтьми, но также приготовляютъ пищу, шьютъ одежду и обувь членамъ семьи, валяютъ войлоки и вышиваютъ шелкомъ и золотомъ. Шитье татарокъ отличается не столько вкусомъ, сколько тщательностью отдѣлки.

Пищей татаръ служитъ конина, говядина, баранина, рыба, хлѣбъ, овощи и молочные сконы. Мясо или рыбу варятъ съ крупой или жарятъ на вертелѣ.

Любимымъ напиткомъ ихъ служить кирпичный чай. Они размельчаютъ его въ маленькой ступкѣ и завариваютъ въ чайникѣ или кувшинѣ. Настоявшійся чай наливаютъ въ чашки и разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами. Пьютъ татары также кумысъ; въ большомъ употреблениі у нихъ и айравъ—крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ они и аракой, т.-е. водкой, перегоняемой изъ кумыса.

Большая часть татаръ исповѣдуютъ магометанскую религию суннитскаго толка. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ селеніи находится мечеть; кроме того, имѣется школа, где мальчики обучаются грамотѣ и знакомятся съ ученіемъ корана. Требованія своей религіи магометане исполняютъ усердно.

Небольшая часть татаръ, живущихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, крещена. Но вслѣдствіе разбросанности татарскихъ поселеній и слабаго распространенія между крещеными татарами образованія, христіанская понятія не могли собою вполнѣ вытеснить прежнія магометанская или языческія вѣрованія.

Татары-язычники, встрѣчающіеся въ Томской и Енисейской губерніяхъ, починаютъ шамановъ и вѣрють въ Кудая и горныхъ, водяныхъ, домовыхъ и т. п. духовъ. Кудай — верховный богъ и править міромъ. Горные духи живутъ въ горахъ; охотники бросаютъ имъ въ жертву часть своей добычи. Водяной духъ управляетъ водами; ему приносятъ жертвы исключительно весною. Подземный духъ называется Айна; онъ злѣе всѣхъ остальныхъ духовъ; его могутъ умилостивить только шаманы. Болѣзни на людей посылаетъ лухъ Ерлыханъ, а смерть — Шайтанъ. Послѣ смерти душа человѣческая, по понятію татаръ-язычниковъ, въ некоторое время блуждаетъ между могилой и юртой; затѣмъ она прогоняется, шаманомъ, по просьбѣ родственниковъ, и неизвѣстно куда уходитъ. Душу великаго грышника Шайтанъ отправляетъ къ Ерлыхану на мученіе.

Болѣзни у нихъ лѣчать знахари и шаманы. Первые запасаютъ травы и другія лѣчебныя вещества и продаютъ ихъ больнымъ, при чемъ наставляютъ, какъ ихъ употреблять; вторые же лѣкарствъ не даютъ, а только шаманятъ. Пришедши, по приглашенію, въ юрту больного, шаманъ надѣваетъ свой шаманскій костюмъ, беретъ въ руки бубенъ и начинаетъ шаманить то надъ больнымъ, то надъ заранѣе приготовленной брагой, при чемъ высказывается, какой жертвы требуетъ Шайтанъ. По его указанію колютъ коня, или корову, или же овцу. Половина заколотаго животнаго идетъ въ пользу шамана, который, кроме того, получаетъ еще и подарокъ отъ больного.

При жертвоприношениі, совершаюмомъ обыкновенно на полянѣ, около березы, шаманъ кладетъ на скамейку сердце только-что заколотаго жертвеннаго животнаго и начинаетъ шаманить. Онъ вмѣстѣ съ присутствующими обходитъ вокругъ березы и жертвеннаго сердца, затѣмъ останавливается и приглашаетъ присутствующихъ прославить Кудая и вознести къ нему молитвы о ниспосланіи благополучія и избавленія отъ бѣдствій. Оглушительно раздаются по горамъ рѣзкія восклицанія молящихся. Подъ конецъ обряда шаманъ торжественно сжигаетъ жертвеннное сердце. Всѣ становятся на колѣни, наклоняютъ голову до земли и остаются въ такомъ положеніи, пока шаманъ произносить заключительную молитву. Послѣ молитвы все пьютъ вино и закусываютъ жертвеннымъ мясомъ. Остатки отъ їды сжигаютъ.

Скажемъ о семейныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ.

Бракъ у барабинскихъ татаръ начинается сватовствомъ, при чмъ условливаются о величинѣ калымъ за невѣсту. Условившись о калымѣ, отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ. Въ присутствіи собравшихся гостей онъ объявляетъ приглашенному муллѣ, что просваталь свою дочь за такого-то жениха и за такой-то калымъ. Мулла посыаетъ избранныхъ лицъ сначала къ невѣстѣ, а потомъ къ жениху спросить, согласны ли они вступить въ бракъ. Когда посланные возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, мулла садится на приготовленномъ для него мѣстѣ и записываетъ какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и свидѣтелей, бывшихъ при бракѣ. Послѣ записи онъ читаетъ опредѣленный алкораномъ молитвы. Затѣмъ идеть угощеніе чаемъ и закуской изъ жареныхъ гусей, баранины, коровьяго мяса и проч.

Женихъ и невѣста при обрядѣ бракосочетанія обыкновенно не присутствуютъ: присутствіе ихъ считается неприличнымъ и принимается за знакъ неуваженія къ старшимъ. Если же они, вопреки требованію обычая, пожелаютъ присутствовать при своемъ бракосочетаніи, то имъ это не возбраняется, только для невѣсты обязательно быть подъ особымъ покрываломъ или за занавѣской.

У татаръ, живущихъ въ Енисейской губерніи, бракъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. Татаринъ, желающій женить своего сына на дочери своего знакомаго, єдетъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, къ нему въ улусъ. Онъ беретъ съ собою бутылку айрана, новую китайскую трубку и табакъ. Прибывши въ улусъ отца невѣсты, гости входятъ въ юрту. Идеть разговоръ обѣ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Наговорившись вдоволь, отецъ жениха объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего прїѣзда. Затѣмъ онъ набиваетъ табакомъ привезенную съ собой трубку, ставить ее возлѣ очага и выходить изъ юрты. Возвратившись въ юрту, онъ осматриваетъ, выкурина ли трубка. Если трубка не тронута, это означаетъ, что родители не желаютъ выдать за жениха свою дочь; если же изъ нея курили, это означаетъ, что они соглашаются выдать ее. Отецъ жениха наливаетъ чарку айрана, одинъ изъ родственниковъ его набиваетъ трубку, а другой беретъ изъ очага уголекъ или даже цѣлую головню. Отецъ невѣсты высказываетъ словесно свое согласіе выдать свою дочь за жениха, затѣмъ выпиваетъ чарку айрана и беретъ приготовленную ему трубку, которую и закуриваетъ углемъ, подаваемымъ родственникомъ жениха. Начинается угощеніе, при чмъ отецъ жениха усердно торгуется о калымѣ за невѣсту. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха дарить отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты подарки. Въ день бракосочетанія устраивается въ юртѣ невѣсты пиръ, при окончаніи котораго женихъ беретъ руку невѣсты, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говорить: „Да, дочь, выходи замужъ!“ Крещеные татары отправляются въ церковь, гдѣ и совершаются бракосочетаніе, послѣ котораго обыкновенно назначается день для празднованія свадьбы. Въ назначенный день родные и знакомые собираются въ юрту молодой. Здѣсь рѣжутъ вола или барана и начиняется пиръ. Парни поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда забавляются скакками. Молодого и молодую наряжаютъ въ лучшее платье, вводятъ въ юрту и садятъ на лавку, покрытую коврами. Противъ нихъ становятся два хора пѣсельниковъ, которые держать въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящий

противъ жениха, поеть о томъ, что послѣдній пріѣхалъ взять прекрасную молодую, а пѣсельники, стоящіе противъ молодой, поютъ о томъ, что они не отпустятъ ее безъ выкупа и подарковъ.

Послѣ угощенія молодые прощаются съ родителями и родственниками и, получивъ ихъ благословеніе, отправляются въ улусъ молодого. Здѣсь уже приготовлена для нихъ особая юрта. Около юрты встречаются ихъ родители молодого; затѣмъ идетъ угощеніе.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ похищенія невѣсты. Въ назначенный родителями жениха и невѣсты день женихъ и нѣсколько человѣкъ молодежи отправляются верхомъ на лошадяхъ въ улусъ, где живеть невѣста. Вечеромъ трое или четверо изъ юношей, пріѣхавшихъ съ женихомъ, приближаются къ юртѣ родителей невѣсты и просить пустить ихъ переночевать. Ихъпускаютъ. Какъ только представляется удобный случай, они схватываютъ невѣсту, садятъ ее на сѣдло и мчатся въ улусъ жениха. За ними обыкновенно слѣдуетъ погоня; но не догнать имъ жениха и невѣсту. Какъ только привезутъ невѣсту въ улусъ, ее вталкиваютъ въ особую юрту, вокругъ которой ставятъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Собираются гости и начинается пиршество, для которого уже заранѣе заготовлено мясо и вино. Отъ родителей невѣсты прибываютъ къ жениху „посредники“. Караульные непускаютъ ихъ къ невѣстѣ. Тѣ бываютъ караульныхъ, а послѣдніе униженно кланяются имъ и просятъ выпить вина. Выходить молодая и заявляетъ, что она желаетъ остаться у мужа. Посредники требуютъ калмыкъ, который и выплачивается или немедленно, или въ назначенный срокъ. Назначается день для „мировой“ между родителями жениха и невѣсты.

Въ этотъ день родители жениха пріѣзжаютъ съ виномъ къ родителямъ невѣсты и угощаютъ ихъ. Во время угощенія отецъ невѣсты ударяетъ нѣсколько разъ отца жениха, послѣ чего начинается настоящая попойка. Дня черезъ три новобрачные отправляются къ тестю, который, встрѣтивъ зятя, нагибаетъ его, схвативъ одною рукою за волосы, и плетью ударяетъ его нѣсколько разъ по спинѣ. Этимъ и оканчиваются свадебные обряды.

Новорожденаго ребенка качинскіе татары помѣщаютъ въ длинный ящикъ, одинъ конецъ котораго стоять на землѣ, а другой (изголовье) приподнять на веревкѣ, прицѣпленной вверху юрты къ перекладинѣ. При крикѣ ребенка его укачиваютъ съ одной стороны на другую.

Имя новорожденому младенцу у татаръ-язычниковъ даетъ тотъ изъ сосѣдей, который первый войдетъ въ юрту послѣ его рожденія.

Воспитаніе маленькихъ дѣтей у сибирскихъ татаръ лежитъ на обязанности матерей; отцы считаютъ для себя унизительнымъ ухаживать за дѣтьми; однако они любятъ ихъ не менѣе матерей.

Старшіе въ семѣ пользуются у татаръ полнымъ уваженіемъ со стороны младшихъ; послѣдніе считаютъ свою обязанностью безпрекословно повиноваться первымъ.

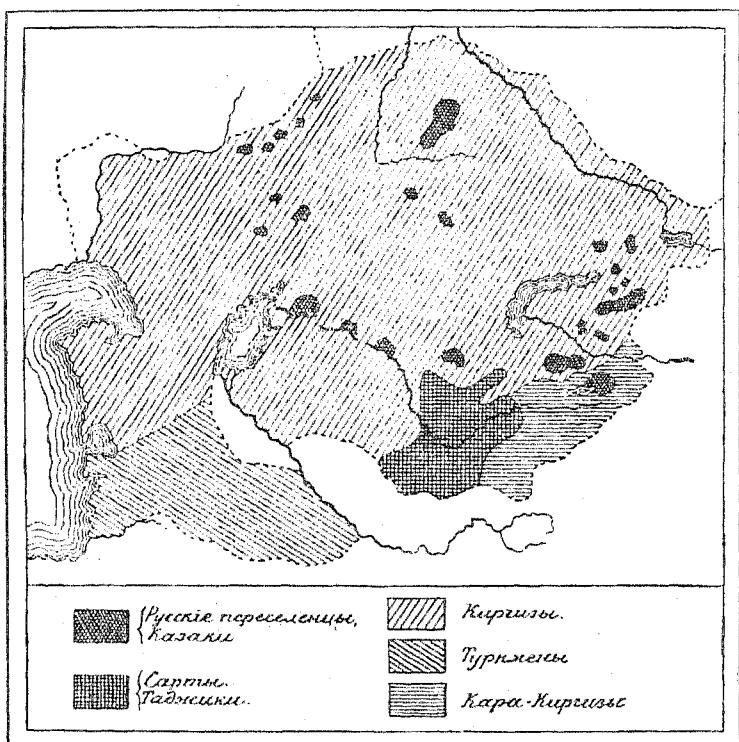
Покойника татары обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и затѣмъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный большою частью изъ колоды. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ гробъ трубку, кисеть съ табакомъ, хлѣбъ, мясо, сыръ и овоши, которые онъ особенно любилъ. Гробъ съ покойникомъ кладутъ въ сани или телѣгу, крѣпко

привязывают и быстро везут на место погребения. Могилу обыкновенно начидают копать въ то время, когда покойника привезут на кладбище. Яму копают не глубже полутора аршина. Опустив покойника въ могилу, ее зарывают. Надъ могилой богатаго колютъ его любимую лошадь. Во время похоронъ родственники умершаго и близкіе знакомые, въ особенности женщины, плачутъ, неистово кричатъ, бьютъ себя въ грудь и даже рвутъ на себѣ волосы; при этомъ перечисляютъ добродѣтели умершаго. Послѣ погребенія покойника его поминаютъ, при чёмъ пьютъ вино и закусываютъ зарапѣ приготовленнымъ мясомъ. Поминаютъ его также на девятый, сороковой день и чрезъ полгода и голь послѣ его смерти.

Татары гостепримны. Любить татаринъ, если къ нему прѣдѣть гость. Бесѣда между хозяиномъ и гостемъ ведется неумолкаемо. Хозяинъ не преминеть угостить гостя, чѣмъ можетъ. Въ хорошую теплую погоду татары собираются группами на улицѣ или на площади и ведутъ оживленную бесѣду. Между ними всегда найдется балагуръ, который своими живыми рассказами заинтересуетъ всѣхъ. Иногда тутъ же, на площади, раздается бренчаніе на національномъ инструментѣ— „джатыганѣ“ или „кѣмусѣ“. Первый изъ этихъ инструментовъ имѣть видъ длиннаго узкаго ящика, перевернутаго вверхъ дномъ, на которомъ натянуты на желѣзныхъ колышкахъ пять или шесть струнъ, сдѣланныхъ изъ барабаныхъ кишокъ и тонкой мѣдной проволоки. Вместо подставокъ или кобылокъ подъ струны ставятся позвоночныя кости или маленькия бабки, которые во время игры, при ударѣ пальцемъ по струнамъ, передвигаются. Кѣмусѣ по устройству походитъ на русскую балалайку и имѣть три струны изъ конскаго скрученного волоса. Разсказчики сказокъ и былинъ обыкновенно сопровождаютъ свои рассказы игрой на кѣмусѣ. Нужно замѣтить, что татары имѣютъ своихъ сказочниковъ, охотно слушаютъ ихъ и относятся къ нимъ съ уважениемъ и даже, по общественному приговору, освобождаютъ ихъ отъ общественныхъ повинностей.

Живя долго между русскими и находясь съ ними въ постоянномъ общеніи, сибирские татары не могли не перенять отъ нихъ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ. Нынѣ далеко не всѣ татарскія женщины ведутъ такой замкнутый образъ жизни, какой они вели въ прежнее время. Нерѣдко можно встрѣтить въ Сибири татарь, которые почти совершенно отрѣшились отъ мусульманскихъ предразсудковъ и въ своей жизни мало чѣмъ отличаются отъ жизни русскихъ. Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски не только съ русскими, но и между собой, и обучаются своихъ дѣтей русской грамотѣ, часто въ русской школѣ.

Карта инородцевъ Средне-Азиатскихъ владѣній Россіи.



## II.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХЪ ВЛАДѢНИЙ РОССИИ.

---



# I.

## КИРГИЗЫ.

Киргизы называют себя *кайсанами* или *казаками*; название это они производят от словъ: „каз“ (гусь) и „заг“ (воронъ), что въ общемъ значитъ „степная птица“; этимъ же именемъ называютъ ихъ и сопредѣльные съ ними народы: бухарцы, хивинцы, персіяне и китайцы. Киргизами назвали ихъ русскіе, по названію одного племени, живущаго около озера Иссыкъ-Куля. Название это одни производятъ отъ словъ: „кыркъ“ (сорокъ) и „кыз“ (дѣвица); потомство сорока дѣвицъ; другіе же производятъ отъ словъ: „киръ“ (степной) и „гизъ“ (человѣкъ): степной человѣкъ.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тяншана и рѣки Иртыша. Все это пространство состоитъ изъ травяныхъ степей и солончаковъ.

По мѣсту кочеванія киргизы раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Малая орда кочуетъ на западѣ, вдоль Оренбургской и Уральской линіи и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Средняя орда кочуетъ на востокѣ отъ Малой орды, до рѣки Иртыша и озера Зайсан; Большая орда кочуетъ около озера Балхаша и рѣки Или.

Всѣхъ киргизовъ насчитывается около  $2^{1/2}$  миллионовъ человѣкъ.

Они раздѣляютъ себя на два сословія: благородное или „бѣлую кость“ (акъ сеюкъ) и чернь или „черную кость“ (кара сеюкъ). Къ первому сословію относятся знатнѣшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; ко второму—относятся всѣ остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія.\*). Раздѣленіе это не кладетъ, впрочемъ, грани, не допускающей близкихъ отношеній между лицами того и другого сословія: киргизы знатнаго происхожденія не кичатся передъ киргизами низшаго сословія, и эти послѣдніе не считаютъ для себя недоступнымъ общество первыхъ. Киргизъ „черной кости“ свободно ёдетъ въ гости къ киргизу „бѣлой кости“, входить безъ стѣсненія въ его юрту и располагается, какъ ему удобно.

Киргизы дѣлятся на роды. Между членами каждого рода довольно тѣсная связь. Роды раздѣляются на волости, а волости—на аулы. Волости и аулы управля-

\*) О происхожденіи «бѣлой» и «черной кости» у киргизовъ ходитъ такое преданіе: нѣкогда жилъ могущественный ханъ; у него была красавица дочь, которую онъ не взлюбилъ. Ему было предсказано, что отъ нея произойдетъ многочисленный народъ. Царь велѣлъ построить темный покой съ прочными дверями и заключилъ туда царевну. Долго томилась красавица въ заключеніи. Но вотъ въ покой какимъ-то образомъ проникъ солнечный лучъ, и, спустя нѣкоторое время, царевна родила сына. Узналъ объ этомъ царь и велѣлъ своимъ слугамъ убить дочь. Но Богъ не допустилъ ее до погибели; за нее заступился могучий богатырь и взялъ ее себѣ въ жены. Съ брака съ богатыремъ родилось нѣсколько сыновей, отъ которыхъ и произошли киргизы «черной кости», а сынъ солнечного луча сдѣлся родоначальникомъ «бѣлой кости».

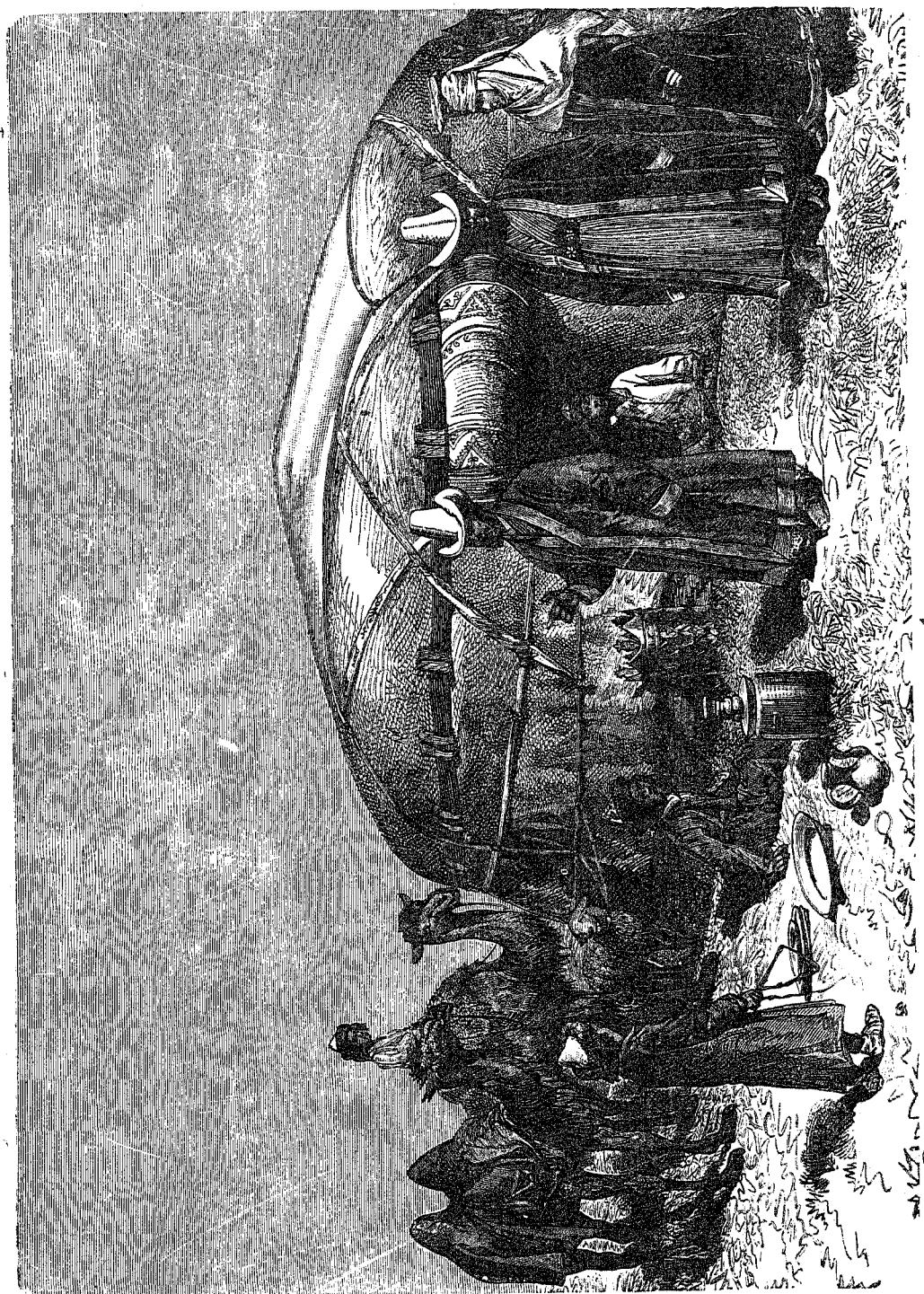
ются волостными и аульными выборными старшинами, которые подчинены русскимъ уѣзднымъ начальникамъ. Судебная дѣла разбираютъ выборные біи. Недовольный рѣшенiemъ бія можетъ жаловаться въ совѣтъ біевъ, или уѣздному начальнику, или же губернатору. Важныя уголовныя преступленія, напр., убийство, грабежъ, подлежать суду русской судебной власти.

Киргизы составляютъ отрасль турецко-татарского (туркского) племени съ монгольской примѣсью. Внѣшній видъ ихъ изобличаетъ ихъ происхожденіе. Они средняго роста, сутуловаты; лицо ихъ широкое, скучающее; глаза узкие, черные; носъ большой, широкий, иногда съ горбомъ; цветъ кожи блѣдно-желтый. Мужчины бреютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную клинообразную бородку. Волосы около губъ они выщипываютъ, чтобы не мѣшиали при ъѣ. Походка ихъ большою частью развалистая.



Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами (чапанъ). По халату они подпоясываются ременнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно висить ножъ и кисть съ огнivомъ и кремнемъ. При сильныхъ холодахъ они надѣваютъ по нѣсколько ватныхъ халатовъ или же носятъ бараний тулуpъ. На головѣ носятъ ермолку (тюбетейку), поверхъ которой еще надѣваютъ лѣтомъ остроконечную, съ выгнутыми квѣрху полями войлочную шляпу, а зимой—конусообразный мѣховой малахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаные или бумажные панталоны и кожаные сапоги.

Чѣмъ богаче киргизъ, тѣmъ болѣе украшена бываетъ его одежда. Въ болѣе важныхъ случаяхъ знатные киргизы любятъ нарядиться въ цвѣтной бархатный каф-



тань, обшитый по краямъ двойнымъ широкимъ галуномъ, и бархатную шапку съ широкимъ бобровымъ околышемъ.

Киргизки носять бешметъ, украшенный обыкновенно костяными или металлическими пуговицами и блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большими бѣлыми бумажными или холщевыми покрываломъ, концы которого опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣваютъ накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьаго мѣха, верхушка которой покрывается различного рода украшениями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первый — въ три косы, а вторыя — въ нѣсколько тоненькихъ косъ, унизанныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы — перстнями съ камнями.

Жилищемъ киргизовъ служить юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружи кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма; въ холодное время оно закрывается кошмой, при чёмъ, если горить огонь, то остается маленькое отверстіе. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ — дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома. Кто войдетъ въ юрту при закрытыхъ дверяхъ, тотъ нарушитъ требование киргизскихъ приличій.

Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстиемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служитъ для освѣщенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котель, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Поль и стѣны юрты у болѣе зажиточныхъ киргизовъ бывають выстланы коврами. Въ юрѣ помѣщается все имущество киргиза. Направо отъ двери у стѣны обыкновенно стоять сундуки съ одеждой и разными драгоценностями, налево — низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди — низенький круглый столъ, на которомъ киргизы їдятъ. Невдалекѣ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ стоять саба (кошаный мѣшокъ), въ которой приготовляется кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣда, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаются членовъ своей семьи. Въ каждой юрѣ помѣщается отъ 3 до 5 человѣкъ.

Постановкой юрты занимаются обыкновенно женщины. Съ удивительной ловкостью и быстротой онѣ сплетаютъ остовъ юрты и покрываютъ его кошмами, привязывая ихъ къ нему веревками. Чрезъ какіе-нибудь полчаса юрта готова. Столько же времени нужно, чтобы опять снять юрту, свернуть въ трубку кошмы, покрывавшія ее, связать жерди, изъ которыхъ составленъ былъ остовъ, и сложить все это въ арбы.

На зиму киргизы обкладываютъ свою юрту двойнымъ рядомъ кошмъ и окружаютъ ее стѣной изъ камыша. Многіе киргизы на зиму перебираются въ такъ называемыя „зимовки“ — избушки, сплетенные изъ хвороста, обмазанныя глиной и покрыты дерномъ. Каждая такая избушка имѣеть одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глиняная печь и низкія, на поларшина отъ пола, полати, служащія для спанья. При каждой избушкѣ или юрѣ устроено бываетъ нѣсколько крытыхъ загородокъ, въ которыхъ помѣщается скотъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религию, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдую эту религию, они не отстали отъ языческихъ вѣрованій. Отсюда и происходитъ, что вѣрованія ихъ представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи есть мечети; но киргизамъ, вслѣдствіе кочевого образа ихъ жизни, рѣдко приходится бывать въ нихъ. Кроме того, киргизы рѣдко обращаются къ мулламъ для совершения религіозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно ими выполняется посты — „рамазанъ“ \*), бывающій лѣтомъ и продолжающейся цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе дня они ничего не їѣдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшно совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаются пить кумысъ и єсть мясо. Съ этого времени вплоть до разсвѣта они только то и дѣлаютъ что їѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ разсвѣтомъ же ложатся спать и спать сколько возможно долѣе, дабы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, растущія одиноко среди степи; признаютъ также священными могилы богатырей. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемаго святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершаютъ молитву и оставляетъ какое-нибудь приношеніе: лоскутъ матеріи, пукъ конскихъ волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрятъ въ Шайтанъ (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ, или „Шайтанъ сѣлъ ему на шею“.

Между киргизами можно встрѣтить гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горить баранье сало, или по звѣздамъ. Гадатели иногда принимаются за лѣченіе болѣзней, при чемъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу лѣченія ихъ: колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобзыѣ, кричать дикимъ голосомъ, произносить безсмысlenныя рѣчи; потомъ хватаетъ плеть и начинаетъ бить больного..... Нужно впрочемъ замѣтить, что гадатели прибѣгаютъ иногда и къ болѣе раціональному способу лѣченія. Такъ, напр., отъ простуды лѣчать такимъ образомъ: убиваютъ лошадь, тотчасъ же сдираютъ съ нея кожу и плотно обвертываютъ ею больного. Отъ той же болѣзни лѣчать также и такимъ образомъ: завертываютъ больного въ кошму и легонько катаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошенъко не пропотѣеть; затѣмъ, давъ ему остить, развертываютъ кошмы, но тѣло все-таки оставляютъ нѣсколько прикрытымъ.

Между киргизами, имѣющими частыя сношенія съ русскими, можно встрѣтить крещеныхъ. Такіе киргизы обыкновенно оставляютъ кочевой образъ жизни, переселяются въ городъ или село и здѣсь поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ.

Лѣтосчислѣніе у киргизовъ своеобразно. Счетъ времени они ведутъ по цикламъ

\*) Въ память дарованія корана.

или эрамъ. Циклъ или эра состоитъ изъ 12 лѣтъ. Каждый годъ въ циклѣ имѣть свое особое название, напр.: „ить“ (собака), „тишканъ“ (мышь), „куянъ“ (заяцъ), „джилянъ“ (змѣя), „джилки“ (лошадь), „кой“ (баранъ) и т. д. Такимъ образомъ, если киргизъ говоритьъ, что со времени такого-то события минуло три „кой“, это значитъ, что прошло уже 36 лѣтъ, такъ какъ „кой“ бываетъ въ каждомъ циклѣ только одинъ разъ.

Киргизы могутъ быть причислены къ довольно способному племени. Они обладаютъ хорошею памятью и особенно прочно запоминаютъ мѣстность. Киргизъ никогда не заблудится въ той мѣстности, по которой онъ хоть разъ проѣхалъ. Кроме памяти, они обладаютъ значительною сообразительностью и находчивостью, нерѣдко помогающею имъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Изъ вышешихъ чувствъ у нихъ особенно сильно зрѣніе. Киргизъ ясно видитъ на такомъ разстояніи, на какомъ русскій ничего не въ состояніи различить. Между киргизами успѣшно распространяется татарская грамотность. Несмотря на трудный способъ обученія, киргизскіе мальчики овладѣваютъ этой грамотой. Обучаетъ ей обыкновенно учитель-мулла, нанимаемый богатыми киргизами. Для введенія обученія отводится особая юрта. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ киргизовъ обучаются и мальчики бѣдныхъ киргизовъ. Сдавая муллѣ для обученія сына, отецъ приговариваетъ: „кости мои, а мясо твое“. Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своего ученика, сколько захочетъ, лишь бы только не повредилъ его костей, не причинилъ емуувѣчья. Ученіе начинается обыкновенно съ раннаго утра. Проходя рано утромъ по аулу, можно иногда слышать въ юртѣ муллы-учителя голоса учениковъ, выкрикивающихъ слова корана. Учитель обучаетъ не всѣхъ учениковъ сразу, а поодиночкѣ. Каждый ученикъ читаетъ свое. Мулла выслушиваетъ то того, то другого ученика, и, если замѣчаетъ, что ученикъ твердо выучилъ урокъ, задаетъ ему новый и прочитываетъ съ нимъ задаваемое; если же находится, что онъ не твердо выучилъ его, приказываетъ твердить еще.

Если обученіе происходитъ лѣтомъ, то съ наступлениемъ жары, около 11 часовъ дня, занятія прерываются и ученики распускаются, пока не спадаетъ жара. Около 4-го или 5-го часа пополудни они снова собираются и занимаются до сумерекъ.

Мулла не только обучаетъ, но и воспитываетъ своихъ учениковъ, пріучая ихъ къ послушанію и почтительности къ старшимъ. За всякий проступокъ онъ наказываетъ строго.

По пятницамъ обученіе обыкновенно не бываетъ. Ученики изъ ближайшихъ ауловъ отпускаются на этотъ день домой. Возвращаясь изъ отпуска, каждый ученикъ приносить муллѣ-учителю подарокъ (джумалыкъ). Сыновья богатыхъ приносятъ по нѣсколько копеекъ, а сыновья бѣдныхъ приносятъ куртъ (овечій сыръ) или вообще что-нибудь съестное.

Въ нѣсколькихъ городахъ Киргизскаго края учреждены, по распоряженію русскаго правительства, пансионы для киргизскихъ дѣтей. Въ этихъ пансионахъ мальчики и даже дѣвочки успѣшно обучаются русскому чтенію и письму, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ элементарнаго курса. Кроме того, между учениками многихъ начальныхъ русскихъ школъ можно встрѣтить киргизскихъ дѣтей. Даже нѣкоторыя среднеучебныя заведенія края имѣютъ въ настоящее время между своими учениками киргизовъ. При прохожденіи курса этихъ заведеній ученики-киргизы не отстаютъ отъ своихъ русскихъ сверстниковъ.

Киргизы удивительно любопытны. Какъ только войдеть въ ихъ юрту путешественникъ, они усаживаютъ его на кошму и начинаютъ разспрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъ ёдетъ? есть ли у него семья? сколько стоять его лошадь, сбруя, одежда? и т. п. Вопросамъ ихъ, кажется, нѣть конца. Чѣмъ больше путешественникъ имъ разсказываетъ новости, тѣмъ большее уваженіе онъ пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ. Чтобы узнать какую-нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшить въ свой илисосѣдній аулъ, чтобы разсказать услышанное.

Киргизы гостепріимны. Кто бы ни пріѣхалъ къ нимъ, онъ найдетъ у нихъ радушный пріемъ. Пріѣхавшій гость обыкновенно слѣзаетъ съ лошади и, держа ее за поводъ, садится подлѣ двери юрты. Выходить хозяинъ и просить его войти въ юрту. Затѣмъ угожаетъ его кумысомъ и начинаетъ разспрашивать обо всемъ, что его интересуетъ. Гость, прихлебнувъ кумыса изъ поданной ему чашки, дополняетъ ее самъ и подаетъ хозяину. Этого требуетъ вѣжливость. Если хозяинъ знаетъ, что гость можетъ прожить у него нѣсколько часовъ, онъ не поскупится зарѣзать барана, чтобы угостить его. Въ такомъ случаѣ въ юрту хозяина собираются знакомые и начинается угоженіе.

При любопытствѣ и гостепріимствѣ, киргизы скрытны. Киргизъ не скоро откроетъ свою душу и выскажетъ свои чувства. Онъ сначала выпытаетъ собесѣдника, расположенье ли онъ къ нему, и если замѣтить искреннее дружелюбіе и неподдельную ласковость, то и самъ сдѣлается откровеннымъ.

При сношеніяхъ между собою и съ русскими киргизы держать себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Здороваясь, они одинаково всѣмъ протягиваютъ руку. Отношенія ихъ къ русскому чиновнику опредѣляются обыкновенно характеромъ послѣдняго: если онъ уступчивъ и мягокъ, — они притязательны; если же по складу своего характера онъ всегда готовъ дать ихъ незаконной притязательности энергичный, спокойный и справедливый отпоръ, — они говорчивы.

Кочевая жизнь киргизовъ, при чемъ имъ часто приходится подвергаться переменамъ температуры, переносить стужу и жару, закалила ихъ и едѣла выносливыми. Они съ болѣшею стойкостью переносятъ всѣ климатическія измѣненія, холода, голодъ и жару, чѣмъ цивилизованные народы.

Киргизы, какъ и другіе инородцы, стоящіе на низшей ступени цивилизаціи, предпочитаютъничегонедѣланіе труду. Если нужда не побуждаетъ киргиза приняться за работу, онъ охотно лежитъ на кошмѣ въ своей юртѣ или же переходитъ изъ юрты въ юрту, стараясь услышать какую-нибудь новость. Но если нужда побудитъ его приняться за работу, онъ тогда неутомимъ.

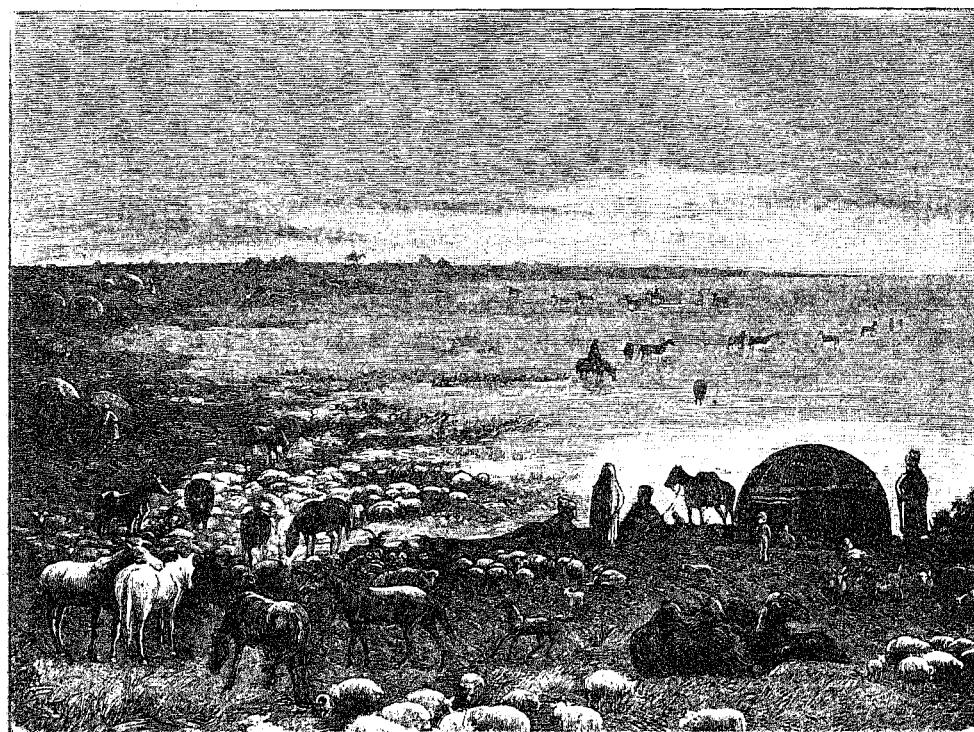
Киргизы обладаютъ по-преимуществу живымъ, подвижнымъ и даже веселымъ темпераментомъ. Они всегда готовы принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи.

Киргизы смѣлы. Будучи плохо вооружены, они смѣло идутъ на волка или даже тигра и справляются съ нимъ. На врага они нападаютъ обыкновенно съ крикомъ и взвизгиваніемъ; но они не въ состоянії противостоять правильно устроенному войску. Если они нападаютъ на караванъ или тaborъ съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычей съ первого раза, они не пытаются уже напасть во второй разъ.

Главное занятіе киргизовъ состоить въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей и верблюдовъ.

Киргизскія овцы съ курдюками; они даютъ вкусное мясо, сало и шерсть, изъ которой приготовляютъ войлоки.

Второе мѣсто послѣ овецъ въ хозяйствѣ киргизовъ занимаютъ лошади. Киргизскія лошади малы ростомъ, но выносливы и быстро бѣгутъ, особенно подъ верхомъ. Рѣдкій киргизъ не имѣеть несколькиихъ лошадей, а богатые считаютъ ихъ табунами. Лошади служать имъ не только дляѣзды, но также идутъ въ пищу. Они съ удовольствиемъ єдятъ лошадиное мясо и изъ лошадинаго молока дѣлаютъ здоровый и питательный напитокъ—кумысъ.



Верблюдовъ держать преимущественно для перевозки тяжестей. Въ песчаныхъ степяхъ верблюдъ незамѣнимъ, такъ какъ долгое время можетъ пробыть безъ пищи и питья и довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ, котораго не станутъ єсть лошади или рогатый скотъ. Годовому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и вдѣваютъ въ оный палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязывается веревка, служащая вмѣсто узды. Верблюды идутъ обыкновенно гуськомъ (по караванному выражению „ниткой“), привязанные одинъ къ другому. На каждого верблюда кладется тижесть до 18 пудовъ, а въ телѣжкѣ или арбѣ онъ можетъ везти до 50 пудовъ. При остановкѣ на кормовку вожакъ дернетъ верблюда за веревочку, продѣтую въ носовой хрящъ, и тотъ ложится. Вожакъ снимаетъ съ него тюки и пускаетъ пастись. Верблюдъ скоро набѣдается, послѣ чего ложится отдохнуть. Послѣ отдыха, по слову „чокъ“, онъ становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу. Въ теченіе дня верблюдъ проходитъ съ ношей до 50 верстъ.

Рогатого скота киргизы держать сравнительно меньше, при чём быки употребляются для перевозки тяжестей, а коровы содержатся для молока.

Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣль скотъ траву въ одномъ мѣстѣ — киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала идутъ лошади, за ними следуютъ овцы и рогатый скотъ, а за овцами и скотомъ уже движутся арбы, запряженныя верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ тaborа и прогоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумала свернуть въ сторону. Женщины и дети помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазанныхъ колесъ, блеяние овецъ, ржаніе лошадей — все это сливаются въ одинъ нестройный гуль, слышный далеко отъ тaborа. Встрѣтилось на пути мѣсто, где есть вода и достаточно корма, — тaborъ останавливается, женщины быстро устанавливаютъ юрты, мужчины ищутъ топлива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею, пока скотъ не сѣсть всю траву.

Киргизы думаютъ, что кочевой образъ жизни самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣчала: „Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по пѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что, — посудите сами, — солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы — все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“

Киргизскія лошади круглый годъ остаются на подножномъ корму. Зимою они добываютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Для овецъ киргизы заготовляютъ на зиму нѣсколько стоговъ сѣна.

Кромѣ скотоводства, многие киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, просо, а въ южныхъ частяхъ степи разводятъ даже бахчы съ арбузами и дынями. Способъ обработки полей первобытный. Въ южныхъ частяхъ степи прибегаютъ къ искусственному орошению полей (арыками).

Занимаются киргизы также охотой; это занятіе, впрочемъ, не составляетъ у нихъ промысла, а служить скорѣе развлечениемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимой и охота съ соколомъ лѣтомъ. На волковъ киргизы охотятся верхомъ. У каждого изъ нихъ въ рукахъ длинная плеть, на концѣ которой привязанъ кусокъ желѣза или камень. Напавши на слѣдъ волка, они начинаютъ преслѣдовать его. Волкъ, почувствовавъ бѣду, уѣгаєтъ; его нагоняютъ и стараются ударить плетью. Одинъ или два удара кладутъ волка на мѣстѣ. Убитаго волка везутъ въ юрту; здѣсь снимаютъ съ него шкуру, которую продаютъ или употребляютъ на шубу. Охота съ соколомъ производится такъ: выѣзжаетъ киргизъ, держа на перчаткѣ, надѣтой на лѣвой руки, сокола, пріученнаго къ охотѣ за птицами. На головѣ сокола шапочка; она закрываетъ ему глаза, чтобы онъ не улетѣлъ не во-время. Впереди бѣжитъ собачка. Лишь только она подниметъ куропатокъ, какъ шапочка снимается, и соколъ, взвившись вверхъ, стрѣлой налетаетъ на куропатку и вонзаетъ ей въ спину свои острые когти. Минуту спустя, киргизъ уже укладываетъ въ мѣшокъ куропатку, а сокола надѣляетъ заранѣе приготовленнымъ кускомъ сырого мяса.

Рыболовствомъ киргизы почти не занимаются; если же нѣкоторые изъ нихъ занимаются, то не для пищи себѣ, такъ какъ они рыбы не любятъ, а для продажи.

Говоря о занятіяхъ киргизовъ, слѣдуетъ упомянуть также о производствѣ ими войлочныхъ издѣлій и армячины изъ овчьеи или верблюжьей шерсти. Этимъ дѣломъ преимущественно занимаются женщины; онѣ же шитье одежду себѣ и мужчинамъ и вышиваютъ узоры по полотну или кожѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большая часть работы по домашнему хозяйству выполняется женщинами: онѣ ходятъ за дѣтьми, приготовляютъ пищу, доять скотъ, приготовляютъ кумысъ, обшиваютъ семью, дѣлаютъ кошмы, цыновки и ставятъ юрту. Мужчины же или лежать на кошмѣ въ юртѣ, или же работаютъ виѣ юрты: стерегутъ скотъ, косить сено, заготовляютъ дрова и возятъ ихъ на базарь и т. п.

Пищей киргизовъ служить баранье, лошадиное и верблюжье мясо. Ёдять они его варенымъ или конченымъ. Самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ жеребятъ. Изъ лошадинаго мяса они приготовляютъ „казы“—родъ колбасы, а изъ баранины, мелко искрошивши ее и обливши топленымъ саломъ, они приготовляютъ „башбармакъ“. Изъ молочной пищи они употребляютъ „рамчикъ“ и „кругъ“—сыръ, который ёдять въ сухомъ видѣ, а также разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи приготовляютъ такъ называемый „баурсакъ“—лепешки изъ прѣснаго тѣста, изжаренные въ салѣ. Приготовляютъ также „кужу“ или „буткѣ“—пшеничную или просянную похлебку. Богатые киргизы любятъ угощаться пилавомъ, т. е. свареннымъ въ бараньемъ салѣ рисомъ съ бараниной.

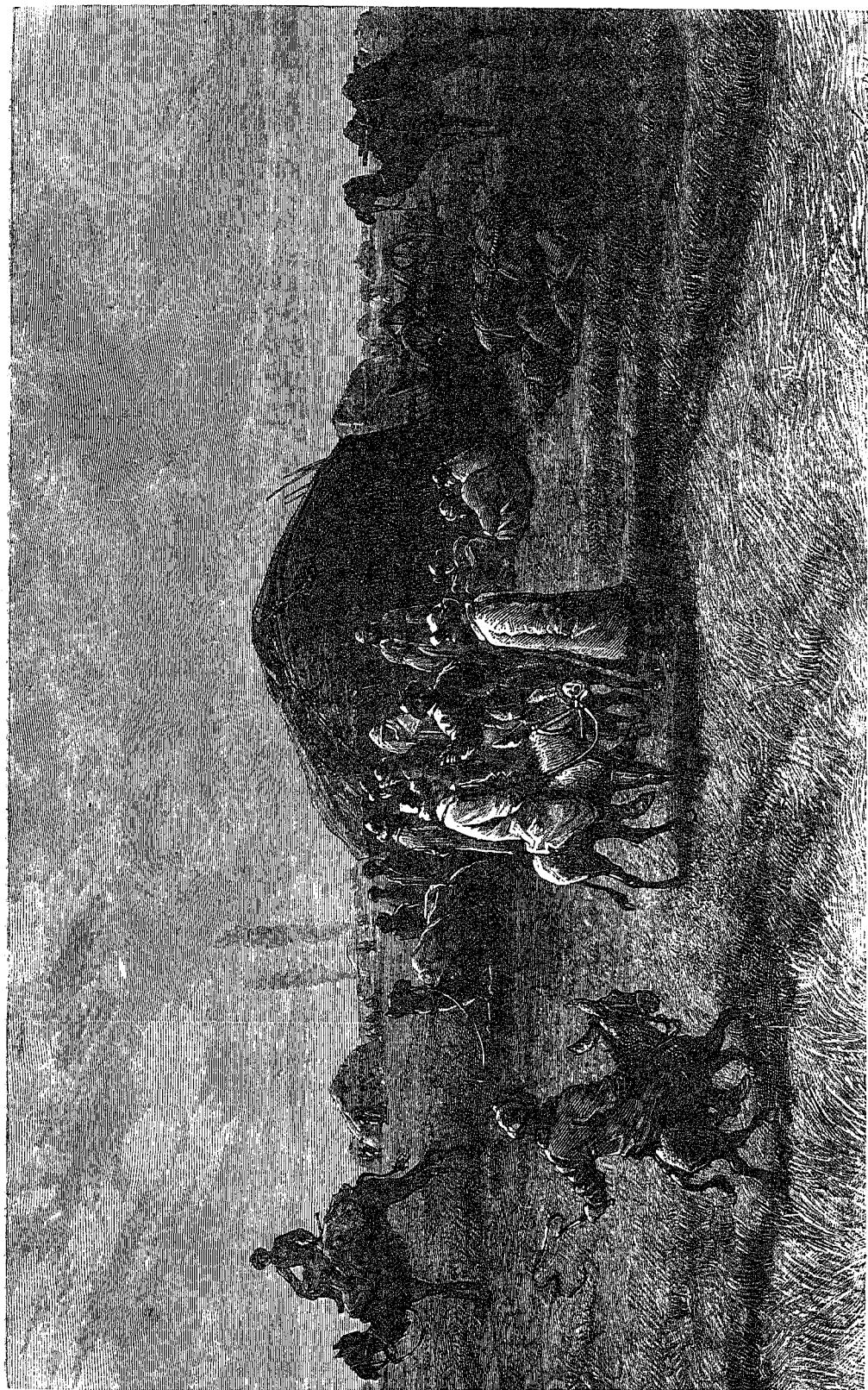
Главный напитокъ киргизовъ — кумысъ. Эта здоровый, питательный и нѣсколько опьяняющій напитокъ кисловато-вяжущаго вкуса приготовляется такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго молока или крута. Смѣясь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной колотушкой, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Чрезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить, а въ сабу вливаютъ свѣжаго лошадинаго молока.

Кромѣ кумыса, многіе киргизы пьютъ чай, заваривая его въ котелкѣ или на самоварѣ.

Ёдять киргизы сидя на землѣ, поджавши ноги. Пищу ставятъ, въ деревянной мискѣ, на низкій столъ, вокругъ котораго помѣщается вся семья. Сначала береть себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи ёсть гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностью собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ при ёдѣ киргизы не употребляютъ. Определеннаго времени для принятия пищи они не имѣютъ, а ёдять, когда захотятъ; большою же частью они принимаютъ пищу рано утромъ и вечеромъ. При изобилии пищи киргизъ съѣдаетъ за троихъ, но зато при недостаткѣ ея терпѣливо переносить голодъ.

Скажемъ о важнѣйшихъ бытовыхъ обрядахъ киргизовъ.

При свадѣбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посыпаетъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма, т.-е. платы за невѣсту. Размеръ калыма опредѣляется состояніемъ жениха; иногда



онъ достигаетъ до сотни лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Условившись насчетъ количества калыма, родители невѣсты въ свою очередь отправляютъ пословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ часть уловленнаго калыма и угоняютъ полученный скотъ въ ауль невѣсты. За ними слѣдуетъ женихъ съ подарками тестю. Передавши подарки, онъ помѣщается въ приготовленной ему юртѣ. Родственницы невѣсты оказываютъ ему возможныя услуги: приносятъ ему Ѣду, воду и т. п. За каждую услугу онъ низко кланяется, опустивши длинные рукава своего халата. Невѣста въ сопровождѣніи подругъ и молодыхъ парней (джигитовъ) бѣдетъ прощаться со своими родными и знакомыми; тѣ угощаютъ ее и ея провожатыхъ. Въ это время къ тестю пригоняютъ остальную часть скота. По уплатѣ, такимъ образомъ, калыма и по возвращеніи невѣсты домой, совершаются обрядъ бракосочетанія. Женихъ и невѣсту вводятъ въ юрту, при чемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желають ли они вступить въ бракъ; они обыкновенно отвѣчаютъ въ прошедшемъ времени (я желалъ, я желала), или ничего не отвѣчаютъ. Молчаніе принимается за знакъ согласія. Мулла прочитываетъ молитву, при чемъ дуетъ на приготовленную воду и даетъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали“. Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорблай жены, чтобы не омрачить моей славы“. Молодая уходитъ въ другую юрту и переодѣвается въ одежду замужній женщины (повязываетъ голову бѣлымъ покрываломъ). Всѣдѣ затѣмъ новобрачные отправляются въ ауль мужа; за ними везутъ приданое, размѣръ котораго соотвѣтствуетъ обыкновенно размѣру калыма. Оно состоитъ по большей части изъ юрты, постели, 9 рубахъ, 9 холстовъ, 9 халатовъ или шубъ, 9 ковровъ, головного убора съ серебряными бляхами и сѣдла. Все это укладывается въ арбы или навьючивается на лошадей или верблюдовъ. Чѣмъ больше арбъ, верблюдовъ и лошадей слѣдуетъ за новобрачной, тѣмъ больше славы и ей самой, и ся отпу, а мужу—прибыли. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу мужа, навстрѣчу молодой выходить ея свекровь и другія родственницы со своими знакомыми. Пока идутъ привѣтствія, нѣсколько женщинъ спѣшать поставить привезенную за молодой юрту и разложить въ ней необходимыя для хозяйства принадлежности. Когда юрта готова, въ нее вводятъ новобрачныхъ. Отецъ новобрачнаго разсыпаетъ по ауламъ гонцовъ съ приглашеніемъ на свадебныя пиршества. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе сѣѣзжается гостей и тѣмъ болѣе закалывается барановъ и лошадей для угощенія ихъ. Для сѣѣхавшихся гостей устраиваются игры (байга).

Дѣвушку у киргизовъ нерѣдко просватываютъ задолго до свадьбы. Можетъ случиться, что просватанная невѣста умреть, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать жениху вторую свою дочь; если же таковой нѣть, то должны возвратить калымъ и заплатить штрафъ. Если женихъ умреть или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться его братъ, а если брата нѣть, то родители невѣсты возвращаются калымъ.

Разводъ у киргизовъ совершаются довольно легко. Достаточно, чтобы мужъ въ продолженіи дня три раза сказалъ женѣ: „уйди прочь отъ меня“, чтобы разводъ состоялся. При разводѣ, совершенномъ по желанію мужа, калымъ, уплаченній имъ, ему не возвращается.

Женъ себѣ киргизы стараются выбирать изъ семействъ, которыя соотвѣтствовали бы имъ по роду, знатности и богатству: киргизъ, принадлежащій къ высшему сословію (бѣлой кости), съ трудомъ согласится жениться на девушки изъ семьи, принадлежащей къ низшему сословію (черной кости).

Къ дѣтямъ своимъ киргизы относятся ласково и заботливо. По рожденію ребенка, его обмываютъ, обвертываютъ въ тряпки и кладутъ въ колыбель, къ которой и привязываютъ тесьмой. Для удобства при ношениі къ колыбелькѣ придѣзываются обручи. На пятый день ребенку даютъ имя, при чёмъ мать получаетъ подарки отъ отца и родственниковъ ребенка, а отецъ устраиваетъ угоженіе для родныхъ и знакомыхъ. Мать обыкновенно кормить своего ребенка очень долго, иногда до трехъ лѣтъ.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ: Тѣ и другіе спѣшать навѣстить покойника; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходить въ сторону. Трупъ обмываютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остального пространства юрты занавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница, воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, дабы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемонии не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю мочь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойнаго, кромѣ того, въ знакъ своей глубокой печали, царапаетъ себѣ до крови лицо и руки.

Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ. Могилу закладываютъ досками и затѣмъ засыпаютъ ее землей. Надъ могилой прочитываютъ молитву и закалываютъ барана, а у богатыхъ лошадь.

Похороны кончены. Всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угоженіе мясомъ заколотаго барана или лошади. Въ угоженіи не принимаетъ участія вдова покойнаго. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна дажеѣть днемъ, а только ночью. Трауръ продолжается 40 дней, при чёмъ мужчины не бреютъ себѣ головы, а женщины снимаютъ съ себя украшенія—серги и кораллы. На третій, седьмой и сороковой день бываются поминки по покойникѣ, при чёмъ бываетъ угоженіе приглашенныхъ гостей. Но главныя поминки справляются чрезъ годъ послѣ смерти покойника. Поминки эти называются „асъ“. Онѣ продолжаются иногда до семи дней. Созываются родные и знакомые не только изъ ближайшихъ, но также и изъ отдаленныхъ ауловъ. Многіе, узнавъ о предстоящемъ „асѣ“, пріѣзжаютъ безъ приглашенія. Родственники покойнаго заготовляютъ, для угоженія гостей, много баранины, конины и кумыса. Нерѣдко сами гости привозятъ съ собою необходимые для угоженія мясо и кумысъ. Въ день, назначенный для аса, украшаютъ юрту покойнаго лучшими вещами: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч. Возлѣ юрты стоятъ верблюды и лошади, которыхъ наиболѣе любилъ покойный. Мулла открываетъ празднікъ чтенiemъ молитвы. Кругомъ стоятъ разряженныя женщины; онѣ вспоминаютъ хорошія качества покойнаго, плачутъ и причитываютъ. Послѣ молитвы закалывается любимая лошадь умершаго. Собравшіеся на поминкиѣдятъ, а затѣмъ устраиваютъ игры и между прочимъ байгу.

Надъ могилою почетного лица возводится памятникъ ввидѣ глиняной пирамиды, конуса или четыреугольной ограды, съ башнями по угламъ, иногда весьма затѣйливой архитектуры.

Увеселенія киргизовъ состоять въ слушаніи разсказовъ и игрѣ въ бараны кости; главнымъ же ихъ увеселеніемъ служить байга. Байга устраивается по поводу свадьбы, поминокъ и вообще по поводу какого-нибудь важнаго случая въ жизни киргизовъ. Нерѣдко само начальство устраиваетъ для киргизовъ байгу.

Байга обыкновенно начинается борьбой киргизскихъ силачей. Выходить два киргиза, измѣриваются другъ друга глазами и начинаютъ бороться. Если силы у борющихся равны, они долго ходятъ кругомъ, стараясь свалить другъ друга. Толпа между тѣмъ подстrekаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, свалилъ противника. Одобрительный вскрикианія служатъ наградой побѣдителю. Кроме борьбы, киргизы состязаются въ лазаніи на столбъ, на вершинѣ которого повѣшенъ призъ. Съ трудомъ достается степнякамъ этотъ призъ. Рѣдкій можетъ взобраться на столбъ. Иногда состязанія бываютъ и такія: ставятъ верблюда; кто, разбѣжавшись, перескочить чрезъ него, тому онъ и достается. Вѣшаютъ также на нитку серебряную монету, кто попадеть въ нее изъ винтовки, тотъ беретъ ее себѣ. Самая важная часть байги состоить въ скачкѣ лошадей-бѣгунцовъ. Для бѣга назначается разстояніе верстъ въ 25. По знаку судей или свидѣтелей всадники стремглавъ пускаются въ бѣгъ, стараясь определить другъ друга. Каждый изъ нихъ крикомъ, взвизгиваніемъ и ударами плети погоняетъ своего бѣгунца. Лошади мчатся, какъ стрѣлы, и бѣда тому, — будь то животное или человѣкъ,—кто встрѣтится на пути и не успѣеть посторониться.... Толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда покажутся всадники. Вотъ вдали показалась пыль. Всѣ вскрикнули и замолчали, обративши вниманіе на приближающихся всадниковъ. Первая лошадь прискакала. Она вся въ мылѣ. Торжествующій всадникъ соскакиваетъ съ нея и представляется судье. Лошадь уводятъ. Всѣль за первымъ всадникомъ показывается второій, потомъ третій и т. д. Прискакавшій первымъ получаетъ самый дорогой призъ—или юрту, или конскую сбрую, или шелковый халатъ, или другую цѣнную вещь. Прискакавшій вторымъ получаетъ второй, менѣе цѣнныій призъ. Полученный призъ въ прежнее время передавался, по существовавшему обычаю, старшему въ родѣ, а не оставлялся выигравшимъ у себя. По окончаніи игрѣ и состязаній киргизы угощаются. Они усаживаются группами около котловъ, куда распорядители бросаютъ огромные куски вареной баранины или конины. Какъ только въ котель попадѣтъ такой кусокъ, киргизы съ волчьей жадностью рвутъ его своими пальцами и ёдятъ.

Пляски у киргизовъ нѣтъ никакой. Игру на инструментѣ иногда приходится слышать. Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребительны: *кобызъ*—родъ віолончели съ колышкомъ внизу, для упора въ землю; на немъ играютъ смычкомъ; *домбра*—родъ треугольной балалайки съ двумя или тремя баранными струнами; *зурна*—духовой инструментъ, вродѣ короткаго гобоя. Что касается пѣнія, то его тоже можно услышать у киргизовъ. Напѣвъ ихъ пѣсень—монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется; ему кажется, что тѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ.

Киргизы большею частью импровизируют свои пѣсни. Пѣвецъ поетъ обыкновенно про то, что видѣть или чувствуетъ въ данный моментъ. Вотъ вздумалось киргизу, ёдущему по степи на верблюдѣ, пѣть,—и онъ начинаетъ свое монотонное пѣніе. Увидѣлъ онъ птичку—запоетъ про нее, затѣмъ про то, что онъ чувствуетъ голодъ; наконецъ, переходитъ на что-нибудь другое. Иногда трудно уловить нить мысли его пѣсни; она такъ же быстро перебѣгаєтъ отъ одного изъ окружающихъ предметовъ на другой, какъ быстро смѣняются впечатлѣнія пѣвца отъ этихъ предметовъ. Вотъ, для примѣра, переводъ одной импровизованной киргизской пѣсни: „Бросился ястребъ на утокъ, на стадо, стадо большое.... А я самъ боленъ, и ёда на умъ не идетъ“.

Между киргизами встречаются пѣвцы по призванію. Они приглашаются на празднества и здѣсь поютъ, аккомпанируя своему пѣнію игрой на домбрѣ. Пѣсни ихъ нерѣдко отличаются задушевностью и содержательностью. Слушатели, окружая пѣвца, со вниманіемъ слушаютъ его, выражая иногда возгласомъ свое одобреніе.

---

## II.

### САРТЫ.

Сарты произошли отъ смѣшанія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Говорятъ они нарѣчіемъ тюркскаго языка. Всѣхъ ихъ насчитывается около 600 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе своего смѣшанного происхожденія, сарты носятъ въ своей физиономіи черты иранскія, или персидскія, и тюрко-монгольскія, при чемъ у однихъ преобладаютъ первыя, а у другихъ—вторыя. Вообще же говоря, сарты имѣютъ довольно правильный овалъ головы, смугловатый цвѣтъ лица, черные, большіе, продолговатаго разрѣза глаза, окаймленные густыми дугообразными бровями, прямой, а иногда съ горбомъ носъ и слегка выдавшіяся скулы. Волосы ихъ черны и борода густа. Они довольно высокаго роста и стройны; дородность ихъ иногда переходить въ тучность.

Обыкновенной одеждой сартовъ служить широкій цвѣтной халатъ. Желая похвастаться своимъ богатствомъ, сартъ надѣваетъ нѣсколько халатовъ, при чемъ нижній халатъ надѣвается въ рукава, а верхніе—на распашку. По нижнему халату онъ опоясывается широкимъ бумажнымъ или кожанымъ поясомъ, на которомъ сбоку виситъ кошелекъ и футляръ для ножа. Обувью служатъ ичиги, сверхъ которыхъ надѣваются калоши съ загнутыми вверхъ носками. Калоши обыкновенно снимаются при входѣ въ домъ, при молитвѣ и принятіи пищи. На голову надѣваютъ аракчинъ (ермолку), поверхъ которого повязываютъ чалму. Многіе вместо чалмы носятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой мѣховую шапку съ отогнутыми наружу краями.

Одежда женщинъ состоить изъ рубашки съ вышивкой, идущей со спины на грудь широкой полосой, и халата, отличающагося покроемъ отъ мужскаго. Халатомъ онъ покрываютъ не только туловище, но и голову. Лицо закрываютъ черною вуалью, сдѣланною по большей части изъ конскаго волоса.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сарты любятъ щеголять своею одеждой. Нарядившись въ свой нарядный пестрый костюмъ, сартъ въ праздникъ выходить на улицу щеголять имъ передъ знакомыми.

Живутъ сарты преимущественно въ городахъ; занимающіеся же земледѣліемъ живутъ въ кишлакахъ (селеніяхъ). Вообще говоря, они предпочитаютъ скученную городскую жизнь деревенской, и, если представляется возможность, сартъ охотно перебираются жить изъ кишлака въ городъ.

Жилищемъ богатыхъ сартовъ служать дома восточной архитектуры, а бѣдныхъ—сакли. Какъ дома, такъ и сакли строятся большей частью изъ камней и глины и имѣютъ плоскую крышу, на которой хозяева проводятъ время въ теплую погоду.

Внутренность богатого сартовского дома раздѣлена на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ первая служить для пріема гостей; въ слѣдующей комнатѣ помѣщается хозяинъ, а въ заднихъ—его семейство. Рядомъ съ комнатой хозяина находится помѣщеніе для склада товаровъ и домашнихъ принадлежностей. Комната, предназначенная для пріема гостей, обыкновенно содержитъ чище другихъ: у стѣнъ ея разставлены красивые кожаные сундуки съ имуществомъ, въ нишахъ разставлена болѣе цѣнная домашняя посуда, на стѣнахъ висятъ ковры, халаты; тутъ же можно видѣть и изображеніе Мекки.

Сакля бѣдного сарта состоять обыкновенно изъ одной комнаты съ небольшимъ вверху окномъ. Въ нее ведетъ низенькая дверь. Посреди сакли вырывается яма, служащая очагомъ, надъ которымъ въ холодное время ставятъ табуретъ, покрытый одѣялами. Подъ эти одѣяла сарты прячутъ ноги и такимъ образомъ согрѣваютъ ихъ. Глиняный полъ сакли выстилается коврами, на которыхъ сарты сидятъ, поджавши ноги.

Возлѣ своихъ домовъ и сакель сарты нерѣдко разводятъ огороды и садики съ плодовыми деревьями и цветами.

Домашній бытъ сартовъ отличается патріархальностью и простотой. Дѣти относятся съ почтеніемъ къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ и сами пользуются ихъ нѣжною любовью и заботливостью. Женщины у сартовъ не показываются постороннимъ мужчинамъ. У состоятельныхъ для женщинъ устраивается даже особое помѣщеніе, отдѣленное отъ мужскаго жилья.

Въ пищѣ сарты умѣренны. Преобладающая ихъ пища растительная: мучные лепешки, фрукты и т. п.; пищу приправляютъ пряностями; мяса употребляютъ мало.

Сарты занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, при чемъ для обработки земли наимываютъ рабочихъ. Для орошенія своихъ полей они проводятъ арыки. Съ большой охотой они занимаются также садоводствомъ. Владѣя значительными фруктовыми садами, они снабжаютъ фруктами не только Туркестанскій край, но и сѣверные области страны, гдѣ фрукты не растутъ.

Ремесленная дѣятельность края сосредоточена преимущественно въ рукахъ сартовъ. Сарты—плотники, столяры, кузнецы, красильщики, шорники. На базарахъ въ Ташкентѣ и другихъ туркестанскихъ городахъ можно видѣть сѣда, уздечки, попоны въ азіатскомъ вкусѣ, а также одежду, обувь и дѣтскія игрушки, сдѣланные руками сартовъ. Ознакамливаясь съ издѣліями европейцевъ, сарты постепенно улучшаютъ свое производство.

Самымъ любимымъ занятіемъ сартовъ служить торговля. Для сарта нѣть ничего пріятнѣе, какъ сидѣть въ лавочкѣ и отпускать товаръ покупателямъ. Какъ только появились у сарта лишнія деньги, онъ сейчасъ же пускаетъ ихъ въ торговые обороты. Иногда онъ въ долгъ береть у купцовъ товаръ и разносить или развозить его по деревнямъ, промѣнивая на сельскіе продукты, которые продаетъ въ городѣ, получая нѣсколько копеекъ барыша. Изъ копеекъ онъ составляетъ рубли, изъ рублей—десятки, сотни, и затѣмъ обзаводится лавочкой, въ которой готовъ сидѣть по пѣтымъ днямъ. Въ торговль сарты изворотливы и находчивы. Нерѣдко въ одинъ годъ сартъ-торговецъ сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ своему капиталу, ибо говяется не столько за большими процентами, сколько за быстрой продажей товара.

Пока сартъ не пріобрѣль обезпеченаго состоянія или не обзавелся лавочкой, онъ дѣятеленъ, подвиженъ, предпріимчивъ. Но чуть только онъ почувствовалъ себя обезпеченнымъ, онъ становится ленивымъ, малоподвижнымъ. Онъ или неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотрить на окружающее, или бездѣльно ходить по базару, выслушивая всякаго рода новости, или же проводить время въ игорномъ домѣ за азартной игрой. Нужно замѣтить, что сарты охотно отдаются азартнымъ играмъ; они играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и друг. Не только въ игорныхъ домахъ, но также иногда и среди улицы можно видѣть сартовъ, играющихъ въ какую-нибудь азартную игру. Нерѣдко можно также видѣть сартовъ, потѣшающихся боемъ перепеловъ, барановъ и даже верблюдовъ. Иногда по цѣлымъ часамъ они внимательно слѣдить за ходомъ битвы.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы и вообще духовныя лица имѣютъ у нихъ важное значеніе; такое значеніе они пріобрѣтаютъ какъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и обученіемъ дѣтей въ школѣ, куда каждый сартъ обязанъ посыпать своихъ сыновей, для изученія религіи, чтенія и письма. Самая дѣятельность духовныхъ лицъ у сартовъ признается почетной и прибыльной, а потому понятно, отчего многіе стремятся сдѣлаться муллой. Сыновья духовныхъ лицъ обыкновенно занимаются профессіей своихъ отцовъ; сыновья свѣтскихъ лицъ, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ и т. п., охотно занимаютъ духовныя должности, если только оконченіемъ своего образованія въ высшей школѣ (мадрессе) получаютъ на то право.

Въ характерѣ сартовъ замѣчается скрытность и подозрительность. Эти качества у нихъ доходить до того, что если русскій, напр., попросить сарта разсказать что-нибудь изъ своихъ народныхъ преданій, то онъ станетъ божиться, что ничего не знаетъ и даже незнакомъ съ человѣкомъ, который могъ бы разсказать просимое; но если этотъ же русскій попотчуетъ сарта и войдетъ въ довѣrie къ нему, то онъ разскажетъ не только просимое, но и многое посторонняго. Кроме того, онъ станетъ часто посѣщать его и даже приводить къ нему своихъ родственниковъ и знакомыхъ, рекомендуя ихъ съ самой хорошей стороны.

Къ начальствующимъ и вообще вліятельнымъ и богатымъ лицамъ сарты относятся обыкновенно услужливо и льстиво. При всякомъ удобномъ случаѣ они льстятъ вліятельному лицу, выражая свою лесть то прямо, то косвенно, разговаривая о немъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Ведя такой разговоръ, сартъ разсчитывается, что его льстивыя рѣчи дойдутъ по назначению.

Сарты хвастливы. Ни одинъ изъ нихъ не преминеть случая похвастаться чѣмъ только можетъ: одинъ хвастается богатой или знатной родней, другой—своимъ знакомствомъ съ русскимъ чиновникомъ или вліятельнымъ и богатымъ лицомъ, третій—своимъ богатствомъ или удачно совершеннай торцовой операцией, четвертый—своимъ новымъ костюмомъ и т. д.

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, съ которыми приходится сталкиваться, сарты хитры, изворотливы и подчасъ лживы. Сартъ не стѣснится сказать неправду, если увѣренъ, что чрезъ это осуществится какое-нибудь изъ его желаній.

Стремленіе къ наживѣ составляетъ существенную черту сартовъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ евреямъ.

При всѣхъ изложенныхъ непривлекательныхъ качествахъ, сарты обладаютъ и хорошими качествами, къ числу которыхъ относится ихъ гостепріимство. Если зайдеть гость, сартъ постарається его угостить чаемъ съ кисмишемъ (такъ называется туркестанскій сущеный виноградъ), фруктами и, въ заключеніе, трубкой.

Если знатное или богатое лицо посѣтить сарта, послѣдній постарається всячески выразить ему свое почтеніе; сосѣди, желая выразить ему такое же почтение, собираются на дворъ и, находя неприличнымъ войти въ комнату, становятся поодиночкѣ у дверей и, сложивши руки на груди или животѣ, кланяются въ поясъ, произнося: „ассаламъ-алей-кумъ“. На это привѣтствіе гость дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „алей-кумъ-ассаламъ“. Получивъ отвѣтъ, сартъ, не разгибаюcь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Любимымъ мѣстомъ препровожденія свободного времени у сартовъ служитъ базарная площадь. Здѣсь сообщаются и распространяются всякия новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“, т.-е. длинное ухо.



Въ праздничные дни знакомые сарты посѣщаются другъ друга и по очереди устраиваютъ вечеринки. Будучи вообще степеннымъ и даже надменнымъ, гдѣ это требуется этикетомъ, сартъ среди близкихъ знакомыхъ, которыхъ не приходится стѣсняться, охотно шутить, острить и проявлять живую веселость.

Сарты не могутъ быть названы храбрыми; изъ трусости они бояться войны и смотрятъ на нее, какъ на зло. Они сами о себѣ говорятъ: „мы не любимъ войны, ибо имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами: война разоряетъ насъ“.

Изъ бытовыхъ обрядовъ сартовъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при бракѣ и похоронахъ.

Сарты женятся рано. Въ выборѣ невѣсты принимаютъ участіе родители. Выборъ личный возможенъ, но просить руки невѣсты женихъ долженъ чрезъ родителей. Въ сватовствѣ нерѣдко принимаютъ участіе муллы.

Сговорившись о калымѣ и приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Обрядъ брака совершается въ домѣ невѣсты, въ присутствіи брачующихся и родственни-

ковъ — мужчинъ. Мулла спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ поступать и жить съ женою хорошо? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявляетъ о количествѣ калыма и приданаго, читаетъ молитву и даетъ жениху и невѣстѣ сѣсть кусочекъ хлѣба, намоченного въ молокѣ или водѣ съ солью. Актъ бракосочетанія тѣмъ оканчивается. Гости, бывшіе въ другой комнатѣ, выходятъ, и начинается угощеніе. Приличіе требуетъ, чтобы гости не сидѣли долго. На другой день послѣ свадьбы бываетъ угощеніе у родителей жениха, а на третій — у родителей невѣсты. На третій же день вечеромъ молодая съ нѣсколькими дожилыми женщинами идетъ въ гости къ своему свекру, а мужъ въ то же время идетъ къ своему тестю. Подошедши къ дому свекра, молодая или одна изъ провожавшихъ ее женщинъ говорятъ: „поклонъ Богу“. Изъ дома ей отвѣчаетъ свекоръ: „Богъ поможетъ“. Снова молодая или провожающая ее женщина говорить: „поклонъ пророку“, — на что получаетъ отвѣтъ: „и онъ поможетъ“. Такимъ образомъ выражаютъ поклоны свекру, свекрови, родственникамъ и т. д. Послѣ отданія всѣхъ поклоновъ, пришедшіе садятся у порога. Молодой даютъ чай безъ молока. Она просить молока. Ей отвѣчаютъ, что корова еще пасется въ степи и, когда придется, ее пригонять къ ней. Съ того момента отецъ, мать, родственники мужа начинаютъ дарить молодой подарки. Мужъ въ то же время получаетъ подарки отъ родителей и родственниковъ невѣсты.

Послѣ смерти сарта, трупъ его обвертываютъ бѣлою матеріей, а голову повязываютъ чалмой. Трупъ выносятъ изъ дома въ закрытыхъ сверху и съ боковъ носилкахъ и несутъ въ мечеть, гдѣ происходитъ отпѣваніе, послѣ которого несутъ его на кладбище.

Могилу копаютъ въ ростъ человѣка; на днѣ ея въ горизонтальномъ направлениі дѣлаютъ нишу, въ которую вдвигаютъ тѣло покойника, головою къ сѣверу, а лицомъ къ западу, т.-е. въ сторону Мекки. Положивши въ нишѣ трупъ, отверстіе закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею. На похоронахъ бываютъ только мужчины. Поминки по покойникѣ справляются на третій, седьмой и сороковой день и по истеченіи года со дня смерти. На поминкахъ мулла читаетъ молитву надъ могилой покойника, и затѣмъ идетъ угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Траура по покойникѣ не носятъ.

Въ заключеніе изложенія о сартахъ приведемъ описание препровожденія праздничного дня богатымъ сартомъ.

„Утромъ, около семи часовъ, сартъ начинаетъ одѣваться. Онъ сурмитъ брови, подводить глаза и облекается въ свой новый костюмъ. Жена или сестра помогаетъ ему одѣваться, прикрашиваться. Халатъ и поясъ не такъ сильно занимаютъ его, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убѣдившись, что она повязана совершенно къ лицу, выходитъ изъ дома. По улицамъ онъ идетъ закинувъ голову вверху, при чемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькие и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходить мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло стаikkивается съ проходящими. Выйдя на площадь, онъ напускаетъ на себя еще больше спеси. Зашедши къ знакомому купцу въ лавку, онъ садится въ ней и посыпаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Сартъ пьетъ его, презрительно посматривая

на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка. Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейкой надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣромѣтъ: это все дѣлается для того чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Проходящіе разсматриваютъ новый нарядъ сарта, любуются имъ,—чего только онъ и добивался. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, сартъ переходить въ другую, гдѣ повторяется то же самое. Подъ вечеръ, выпивши не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое чванство и показавъ себя всѣмъ, сартъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ, съ мелочною подробностью и съ прибавленіемъ противъ дѣйствительности, разсказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣль въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя, можетъ быть, пилъ и безъ сахара), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиниться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хаиръ! хаиръ!“ и временами прибавляетъ: „да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей“,—а выслушавъ все отъ мужа, спѣшить къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей замѣчательныя похожденія его“.

---

### III.

## ТАДЖИКИ.

Таджики своимъ бытомъ и образомъ жизни сходны съ сартами, такъ что Вамбери считаетъ тѣхъ и другихъ за одно и то же племя, утверждая, будто слово „сартъ“ есть турецкое название таджика.

Таджики родственны персамъ; языкъ ихъ — нарѣчіе персидскаго языка. Они имѣютъ высокій лобъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій прямой или горбатый носъ, густые темнорусые волосы и густую бороду.

Живутъ таджики въ селеніяхъ и городахъ; въ нихъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у сартовъ, замѣчается стремленіе къ городской жизни. Занимаются они земледѣліемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей; послѣдней, впрочемъ, они занимаются съ меньшей охотой, чѣмъ сарты.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религию шіитскаго толка, чѣмъ они, между прочимъ, отличаются отъ сартовъ, послѣдователей суннитскаго толка. Нужно замѣтить, что у таджиковъ сохранились еще слѣды почитанія огня и солнца. Нѣкоторые изъ нихъ справляютъ даже праздникъ въ честь огня или солнца; на этомъ праздникѣ они зажигаютъ костры, служащіе для очищенія и излѣченія тѣхъ, кто перепрыгнетъ черезъ нихъ. Если больной слишкомъ слабъ, такъ что не въ состояніи перепрыгнуть черезъ костеръ, то его водятъ вокругъ него или предлагаютъ ему пристально смотрѣть на пламя въ то время, когда надъ послѣднимъ произносятъ заклинаніе. Изъ уваженія къ огню, таджикъ не задуетъ горящую свѣчку, а движеніемъ руки погасить ее.

Начальное образованіе у таджиковъ настолько же распространено, какъ и у сартовъ. Значительная часть магометанского духовенства въ Туркестанскомъ краѣ — таджики.

Бытовые обряды таджиковъ мало чѣмъ отличаются отъ обрядовъ сартовъ; только обряды при бракѣ у нихъ представляютъ нѣкоторыя особенности, а потому и скажемъ объ этихъ обрядахъ.

Женихъ, желающій вступить въ бракъ, посыпаетъ въ кишлакъ невѣсты сартовъ, которые условливаются относительно калмыка. Затѣмъ бѣдетъ въ кишлакъ и самъ женихъ въ сопровожденіи родственниковъ и друзей. Недоѣзжая нѣсколькихъ саженей до мѣстожительства невѣсты, онъ слѣзаетъ съ лошади и дожидается встрѣчи; всѣ же, сопровождающіе его, фдути къ невѣстѣ. Женщины и девушки выходятъ навстрѣчу жениху и несутъ съ собою угощеніе. При встрѣчѣ всѣ другъ другу кланяются. Послѣ поклоновъ, женщины угошаютъ жениха и получаютъ отъ него подарки. Приблизившись къ сакль отца невѣсты, женихъ у самаго порога видить палку или веревку, переступить чрезъ которую, не уплативши за пропускъ, считается не-приличнымъ. Онъ одариваетъ родственниковъ и подругъ невѣсты и, получивъ такимъ

образомъ пропускъ, приближается къ невѣстѣ. Начинается пирушка. Затѣмъ является приглашенный мулла. Посреди сакли разводятъ огонь и вокругъ него раскладываютъ платки, куски матеріи и другіе предметы. Отецъ невѣсты береть чашку съ водой и, опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, держитъ ее до тѣхъ поръ, пока мулла не окончить чтенія молитвы. Затѣмъ чашку передаетъ муллѣ, который, глотнувъ изъ нея воды, передаетъ всѣмъ присутствующимъ. Всѣ отхлебываютъ воды. Этимъ обрядъ вѣнчанія кончается. Послѣ вѣнчанія слѣдуютъ угощеніе и игры. Между прочими играми видное мѣсто занимаетъ джигитовка, при чемъ молодой и другіе парни догоняютъ молодую, скачущую во весь духъ на отличномъ бѣгунцѣ.

---

## IV.

### УЗБЕКИ.

Узбеки разбросаны на пространствѣ оть Хивы и Бухары до Каспійскаго моря и Аральскаго озера; преимущественно же они живутъ по Сыръ-Дарьѣ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Большая часть ихъ ведеть осѣдлый образъ жизни и живетъ рядомъ съ таджиками и сартами въ кишлакахъ и городахъ, мѣньшая же часть ихъ ведеть еще полукочевой образъ жизни, т.-е. хотя и имѣть сакли и даже пашни, однако въ известное время года перекочевываетъ со своими баранами и верблюдами съ мяста на място.

Название свое узбеки производятъ отъ двухъ словъ: *узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ себѣ господинъ.

Узбеки произошли отъ смѣшения тюркскихъ, монгольскихъ и иранскихъ народовъ центральной Азіи. Они имѣютъ коричневый цвѣтъ лица, широкій, приплюснутый носъ, продолговатые глаза, склоненный лобъ и жидкую бороду. Они большей частью высокаго роста, пропорціонально сложены и мускулисты. Говорить они тюркскимъ языкомъ.

Всѣхъ узбековъ насчитывается до 350 тысячъ человѣкъ; они хотя и живутъ рядомъ съ таджиками и сартами, однако мало сближаются съ ними и уклоняются отъ вступленія съ ними въ бракъ.

Религию узбеки исповѣдуютъ магометанскую; они фанатики, и фанатизмъ ихъ поддерживается проповѣдями хаджей и муллъ. Образованіе между узбеками весьма слабо распространено; очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Узбеки, по наблюденію путешественниковъ, имѣютъ и хорошія, и дурныя черты въ своемъ характерѣ. Они честны, искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоки и мстительны.

Съ древнихъ временъ узбеки раздѣляются на племена и роды, изъ которыхъ болѣе известны кипчаки, джузы, карабчи, кырки и др. Узбеки, относящіеся къ знатному роду, гордятся своимъ происхожденіемъ, стараются сохранить родовые обычай и преданія и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относятся къ менѣе знатнымъ родамъ. Узбекъ знатнаго рода рѣдко рѣшился выдать свою дочь за жениха низшаго рода. Точно также и женихъ изъ знатнаго рода постараается найти себѣ невѣstu изъ такого же рода. При заключеніи брака у нихъ немаловажную роль играетъ и величина калыма, который, впрочемъ, не составляеть необходимой принадлежности брака. Неимущіе обыкновенно не уплачиваютъ калыма. Случается, что лица, находящіяся между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, соглашаются безъ уплаты калыма сочетать бракомъ своихъ дѣтей, когда они придутъ въ надлежащей возрастъ. Женихъ въ такомъ случаѣ имѣть право отказаться отъ предназначенной ему еще въ дѣтствѣ невѣсты.

При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обряды. Женихъ посыпаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей невѣсты, онъ, по обычаю, не долженъ видѣться ни съ отцомъ невѣсты, ни съ матерью ея и даже долженъ избѣгать встречи съ ними; если же нечаянно встрѣтится съ ними, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т.-е. сдѣлать то же, что дѣлаютъ женщины-мусульманки при встречѣ съ мужчинами.

Женихъ и его родители одариваютъ невѣсту и ея родныхъ. Для подарковъ служитъ все, что можетъ пригодиться невѣстѣ или ея роднымъ, именно: платки, гребенки, ленты, матеріи, лакомство и съѣстные припасы—мясо, сало, рисъ, хлѣбъ и т. п. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, дабы, если бракъ не состоится, дарившіе имѣли возможность потребовать обратно свои подарки.

День совершенія брака, или „ломанія лепешки“, какъ выражаются узбеки, назначается родителями жениха и невѣсты. Бракъ совершается въ саклѣ отца невѣсты. Сначала перечисляются подарки, данные невѣстѣ, и калымъ, уплаченный за нее, затѣмъ мулла прочитываетъ надъ чашкой съ водой молитву. При чтеніи молитвы присутствуютъ женихъ, родители брачущихся и старика; невѣста не бываетъ; вместо нея присутствуетъ ея повѣренный. Послѣ молитвы начинается пирорваніе, при чемъ гости и родные фдатъ, поютъ, пляшутъ. Мужчины пирують отдельно отъ женщинъ. Послѣ угощенія женихъ и его друзья идутъ въ саклю, гдѣ угощаются невѣста, ея подруги и родственницы. Навстрѣчу имъ выходятъ женщины. Послѣднія стараются отбить жениха. Когда имъ удается овладѣть женихомъ, одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащить его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, уходятъ въ свою саклю, гдѣ продолжаютъ пировать. Молодой угощаетъ женщинъ лакомствами, а тѣ развлекаютъ его веселымъ разговоромъ и шутками.

На второй или третій день послѣ заключенія брака молодая переселяется въ саклю мужа, при чемъ ее сопровождаютъ ея подруги. Случается, что мужъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, остается въ саклѣ родителей жены до тѣхъ поръ, пока не приобрѣтеть такого состоянія, которое дало бы ему возможность жить своимъ хозяйствомъ.

Узбеки, какъ магометане, могутъ имѣть болѣе одной жены. Если узбекъ имѣть нѣсколько женъ, то держать ихъ обыкновенно въ особыхъ помѣщеніяхъ; въ противномъ случаѣ между ними происходили бы постоянныя скоры и драки.

Воспитаніе дѣтей не требуетъ особыхъ заботъ или хлопотъ отъ родителей. Дѣти растутъ на свободѣ и сами собою, наблюдая за жизнью и дѣятельностью взрослыхъ, научаются тому, что нужно знать каждому узбеку.

Въ сынѣ или дочери цѣнится не столько красота, умъ, находчивость, сколько физическая сила, необходимая для выполненія работъ. Когда сынъ настолько укрѣпитсѧ, что можетъ быть помощникомъ отцу, на него начинаютъ обращать вниманіе, какъ на рабочую силу. Смотря на ребенка, какъ на будущаго помощника въ работѣ, отецъ, естественно, бываетъ болѣе доволенъ рожденіемъ сына, чѣмъ дочери.

Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются отъ отца и составляютъ особый семейства; но случается въ нѣкоторыхъ родахъ, что всѣ сыновья съ ихъ женами остаются при отцѣ, ведутъ общее хозяйство и питаются изъ общаго котла.

Занятія узбековъ обуславливаются мѣстожительствомъ и образомъ ихъ жизни. Осѣдлые узбеки, живущіе въ кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ; живущіе въ городахъ нанимаются въ услуженіе къ сартамъ или принимаются за ремесла. Кочевые узбеки занимаются скотоводствомъ.

Нужно замѣтить, что у узбековъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся на низшей ступени цивилизациі, большая часть работъ по домашнему хозяйству взвалена на женщины: они собираютъ топливо, прадутъ нитки, заготавливаютъ одежду для всей семьи, выдѣлываютъ овчину и т. п. Даже полевые работы въ значительной мѣрѣ исполняются ими: они не только жнуть или свозить снопы съ поля, но также иногда пашутъ и обрабатываютъ сады. Забота о прокормленіи семьи лежитъ тоже болѣе на женѣ, чѣмъ на мужѣ. Нерѣдко узбечка несетъ на базаръ какое-нибудь свое издѣліе и на вырученныя отъ продажи деньги покупаетъ хлѣбъ или мясо для семьи.

Узбеки отличные наездники и любятъ лошадей. Не менѣе того они любятъ и даже почитаютъ собакъ. „Если вы, говорить Гельвальдъ, спросите узбека: не продасть ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбить его; но вы нанесете ему кровавую обиду вопросомъ: не продасть ли онъ свою собаку? Выраженіе: „торгующій собаками“ служить самымъ браннымъ у узбековъ.“

Увеселенія узбековъ состоять въ конскихъ скаккахъ, борьбѣ и другихъ состязаніяхъ. Побѣдитель на этихъ состязаніяхъ получаетъ награду. Ночужды имъ поэзія и музыка. Они имѣютъ своихъ разсказчиковъ и пѣвцовъ. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ *дютара* (двухструнная гитара) и *кобоза* (лютия). Играй на этихъ инструментахъ они сопровождаютъ свои пѣсни и пляски.

## V.

### ТУРКМЕНЫ.

Туркмены живут между Каспийским морем и рекою Аму-Дарьей. Пространство это только по берегам реки (Атреку, Мургабу, Аму-Дарье и друг.) представляет удобства для оседлой жизни и занятия земледелием; остальные же места неудобны для оседлой жизни и земледелия: они состоять из степей, большую частью песчаных, и солончаков, лишенных пресной воды. Туркмены до такой степени привыкли к своему степи, что испытывают чувство стеснения среди леса или гор, лишающих их возможности свободно скакать на своих быстрых конях и озирать беспредельную ширь.

Туркмены — турецко-татарского происхождения, что показывает уже и самое их название. Название Туркмены или Тюркмены состоит из собственного имени „Тюрк“ и суффикса „менъ“.

Туркмены, благодаря своей изолированности от других народов, в большей степени сохранили язык и наружный вид того племени, от которого происходят. Только тут из туркменов, которые живут по соседству с персами, смешались с последними и потеряли свои племенные черты.

Туркмены имют косолежащие блестящие глаза, резко очерченный нос, мало выдавшиеся скулы, черную, редкую бороду и коротко остриженные черные волосы. Цвет лица их желтовато-бурый. Вид и осанка их выражают смелость и сознание своей силы. Туркменки не уступают туркменам в красоте и стройности.

Одеждой туркменов служит цветной халат; голову они покрывают мохнатой бараньей шапкой, которая нередко во время сна служит подушкой. На ногах —ичиги или сапоги. Одежда женщин похожа на мужскую, с тою только разницей, что голову они покрывают не шапкой, а шалью. Если женщина хочет принарядиться, она опоясывается большой шалью, концы которой спускаются вниз; на плечи надевается кофту, в косу вплетается ленту, ноги обувает в желтые или красные сапоги. Кроме того, она украшает себя серьгами, кольцами и побрякушками, которые при движении издают звук, очень нравящийся туркменам. Туркменские женщины не прячут своего лица под покрывало, как другие магометанки. „Куда нам, бедным жительницам степей,— говорят они,— сообразоваться с городскими обычаями“.

Туркмены разделяются на несколько племен (хальков), каковы, напр., племена: Текке, Йомуды, Эрзари, Солори, Сарыки и друг. Племена разделяются на роды, а последние — на семьи. Между членами одного и того же племени или рода всегда замечалась тесная связь: за обиду, нанесенную одному члену рода или племени, обыкновенно мстил весь род.

Всѣхъ туркменовъ насчитываютъ до миллиона человѣкъ. Наибольшая часть ихъ живетъ въ юго-западной части Туранской низменности, на треугольникѣ, вершинами котораго служать на сѣверѣ заливъ Кара-Бугазъ, на востокѣ — верховье рѣки Атрека и на западѣ — устье рѣки Гургена, впадающей въ Каспійское море.

Значительная часть туркменовъ, именно тѣ, которые поселились на удобныхъ для осѣдлой жизни земляхъ, перешли уже къ осѣдлому образу жизни; остальные же, именно всѣ тѣ, которые живутъ въ степяхъ, неудобныхъ для земледѣлія, ведутъ еще кочевой или полукочевой образъ жизни.

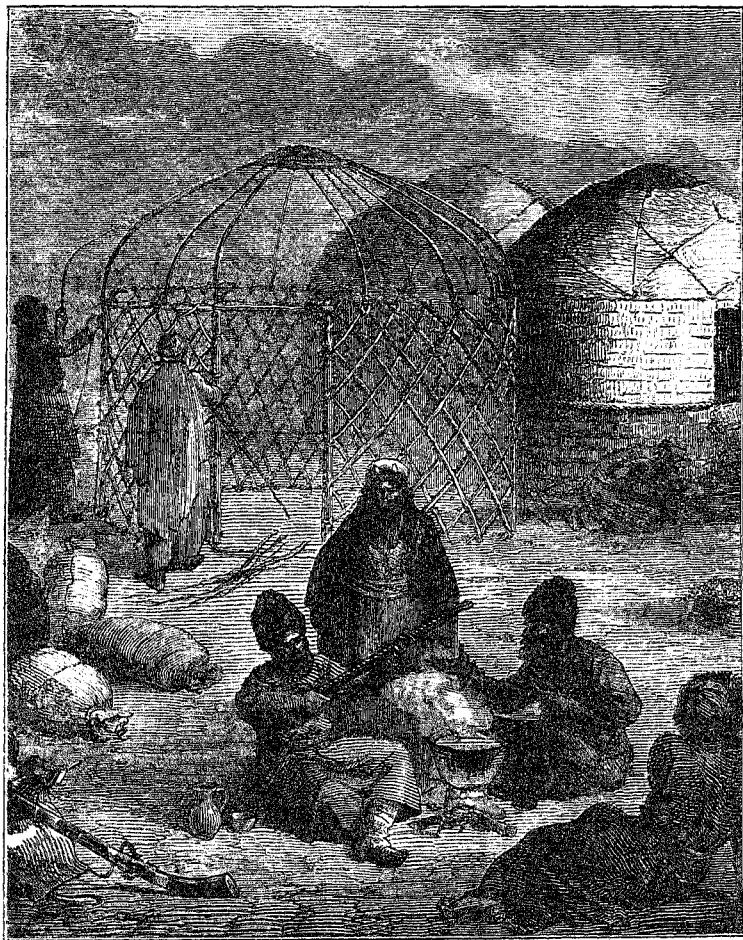


Жилищемъ для туркменовъ служить войлочная палатка или юрта. Палатки зажиточныхъ туркменовъ бываютъ устланы коврами; но вообще онѣ рѣдко бываютъ чисты и опрятны. Нѣкоторые туркмены имѣютъ запасную палатку для пріема гостей; она обыкновенно бываетъ обтянута болѣе цѣнной бѣлой или цветной кошмой и содержитя чище. Осѣдлые туркмены обзаводятся глиняными саклями или деревянными хижинами.

Туркмены исповѣдуютъ магометанскую религию суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ почетомъ. Къ кому бы ни пришелъ мулла, онъ желанный гость. Умные муллы, обладающіе краснорѣчіемъ, нерѣдко приобрѣтаютъ въ народѣ особенное вліяніе. Ихъ называютъ „ишанами“, т.-е. избранными и излюбленными Богомъ людьми, которымъ все удастся.

Нѣкоторые муллы обучають дѣтей религіи и чтенію въ открытыхъ ими школахъ. Мулла пишетъ на грифельной доскѣ урокъ и заставляетъ ученика выучить его. Когда урокъ выученъ, мулла выслушиваетъ его, пишетъ дальше и снова приказываетъ ученику выучить написанное. Дѣти учатся въ школѣ обыкновенно до 10—12-лѣтняго возраста, а затѣмъ становятся помощниками отцу или матери.

Силой, опредѣляющей поведеніе туркменовъ, отношенія ихъ между собою и къ иноцеменникамъ, служить не столько требованіе корана или ихъ правителей, сколько обычай (адатъ). Ни одинъ туркменъ не рѣшится нарушить требованіе обычая. Нарушеніе его влечетъ за собою негодованіе и даже презрѣніе сородичей. Такимъ образомъ обычай имѣть у нихъ силу закона и ограничиваетъ произволъ ихъ.



Однимъ изъ такихъ обычаевъ служить обычай гостепріимства. Кто бы ни былъ гость, но пока онъ въ палатѣ туркмана, онъ въ безопасности. Хозяинъ не только накормить его и дать ему мѣсто для отдыха, но и защитить его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ. За обиду, нанесенную гостю, хозяинъ иститъ, какъ за обиду, нанесенную члену семьи.

Месть въ прежнее время признавалась священнымъ долгомъ. За убийство обычай требовалъ смерти убийцы; за незначительное поврежденіе члена виновный подвергался такому же поврежденію. Если метащий соглашался, онъ могъ получить за обиду выкупъ. За убийство полагался выкупъ въ тысячу тилль, или 2500 руб., за поврежденіе руки или ногизыскивалось 500 тилль. Если виновный скрылся,

между тѣмъ всѣ улики въ *это* преступленіи были налицо, истецъ обращался съ жалобой къ старшинамъ, по опредѣлению которыхъ родственники виновнаго вознаграждали истца; если же онъ не успѣлъ скрыться, обиженный, не прибѣгая къ суду, самъ старался отомстить ему, причинивши соотвѣтственное зло.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ русскихъ, обычай мести значительно ослабѣлъ; но все-таки онъ еще иногда проявляется.

Въ прежнее время разбои, грабежи и нападенія на сосѣдей не только не считались у туркменовъ преступленіями, но, напротивъ, признавались доблестными подвигами; отсюда происходило, что они постоянно вели борьбу то съсосѣдями, то между собою. Завидѣвъ гдѣ-нибудь купеческий караванъ, или чужихъ верблюдовъ и лошадей, туркмены дѣлали засаду, чтобы овладѣть тѣмъ или другимъ. На напавшихъ возставалъ сосѣдній аулъ, къ нему присоединялся родъ, и такимъ образомъ шла безконечная вражда между родами и племенами. Если же не было вражды между родами, то они нападали на сосѣднія государства, грабили и уводили людей въ плѣнъ. Плѣнныхъ они продавали въ рабство бухарцамъ или хивинцамъ, или же держали у себя, принуждая къ тяжелой работѣ и поджиная, пока родственники не выкупятъ ихъ.

Въ настоящее время, когда большая часть туркменовъ вошла въ составъ Русского государства, для нихъ прекращена возможность безнаказанно грабить и нападать на сосѣдей и продавать плѣнныхъ въ рабство.

Постоянныи войны сдѣлали туркменовъ храбрыми и отважными: въ храбости и отвагѣ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ среднеазіатскій народъ.

Отличаясь жестокостью и вѣроломствомъ на войнѣ, туркмены проявляютъ честность по отношенію къ своимъ близкимъ въ мирное время. У нихъ, напр., не заемодавецъ, а должникъ хранить у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить, какую сумму онъ долженъ возвратить заемодавцу.

Народная поэзія—эта выразительница народныхъ идеаловъ и стремлений—довольно богата у туркменовъ. По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать раз cntы о быломъ. Иногда въ группѣ туркменовъ можно видѣть пѣвца, который подъ аккомпанементъ дютары (двухструнного инструмента) поетъ пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ большею частью раз cantывается о военныхъ подвигахъ и набѣгахъ храбрыхъ предковъ. Понятно, что эти пѣсни воодушевляютъ молодыхъ туркменовъ и возбуждаютъ въ нихъ желаніе прославиться такими же подвигами.

Грамотность между туркменами мало распространена: не многіе изъ нихъ умѣютъ читать коранъ; но они и не заботятся о томъ, чтобы научить своихъ дѣтей грамотѣ. Главная ихъ забота при воспитаніи дѣтей сводится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ храбрыми, сильными членами рода, умѣющими управлять конемъ и исполнять ту работу, которая кормить семью.

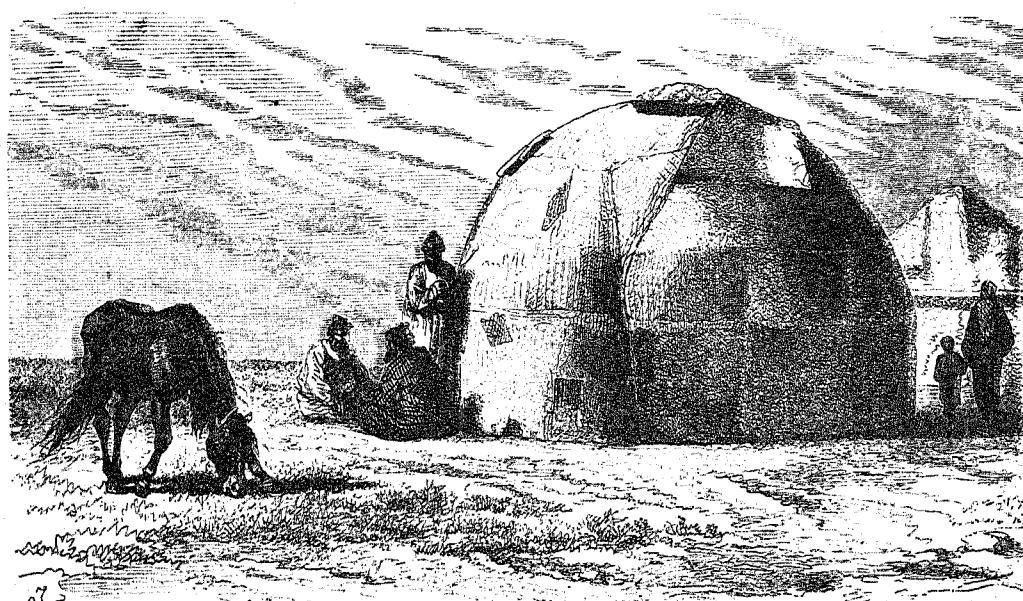
Занятіе осѣдлыхъ туркменовъ состоять въ земледѣліи; прибрежные занимаются рыболовствомъ и добываніемъ соли, а нѣкоторые изъ нихъ—торговлей. Женщины приготовляютъ пищу, выдѣлываютъ ковры, кошмы и шелковыя издѣлія.

Главное занятіе кочевыхъ туркменовъ состоить въ скотоводствѣ, при чмъ они разводятъ лошадей, верблюдовъ и овецъ. Наиболѣе любимымъ ими животнымъ служить лошадь. Туркменская лошадь красива, быстро бѣжитъ и вынослива. Уходъ за нею составляетъ главное занятіе туркмена-кочевника, свалившаго большую часть работъ по хозяйству на женщинъ. Нужно замѣтить, что у туркменовъ, какъ и у

другихъ инородцевъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизациі, почти всѣ домашнія работы выполняются женщиными. По ихъ убѣждению, мужчины неприлично заниматься какимъ-либо домашнимъ дѣломъ. Если туркменъ не имѣть работы виѣ палатки, то, досмотрѣвъ своихъ лошадей, отправляется къ знакомымъ, или присоединяется къ группѣ сородичей, сидящихъ на землѣ передъ палаткою и проводящихъ время въ разговорѣ и слушаніи разсказовъ о старинѣ.

Пищей туркменовъ служить мясо домашнихъ животныхъ (лошадей, верблюдовъ, ословъ и барановъ), рыба и хлѣбъ. Пилавъ служить у нихъ лакомыи блюдомъ. Такимъ же блюдомъ служить шура—родъ супа съ баранымъ мясомъ, солью и перцемъ. Напиткомъ служить кумысъ, кислое овечье молоко и иногда чай безъ сахара; хмельныхъ напитковъ не употребляютъ, и пьяныхъ между ними нельзя встрѣтить.

Кушанья подаются въ деревянныхъ чашкахъ. Ёдятъ молча, мужчины отдельно отъ женщинъ.



С. Гauthier

Туркмены устраиваютъ по поводу важныхъ въ своей жизни событій игры, на которыхъ главную роль играетъ проявленіе силы и ловкости. Изъ такихъ игръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая, устраиваемая при бракѣ. Невѣста, сидя на отличномъ бѣгунцѣ, беретъ черезъ сѣдло ягненка или козленка и пускается во весь галопъ; за нею верхомъ гонятся женихъ и его друзья. Она ловкими поворотами избѣгаетъ преслѣдований и не даетъ ни одному изъ нихъ возможности приблизиться настолько, чтобы схватить ягненка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта игра бываетъ и у другихъ среднеазіатскихъ инородцевъ.

По смерти любимаго въ семье человека, туркмены правятъ поминки, при чемъ ежедневно въ часъ его смерти члены семьи голосятъ. Имъ иногда вторять наизыѣ плакальщики. Во время плача они продолжаютъ свои обычныя занятія, такъ что женщины, напр., ткутъ коверъ, а мужчины чистятъ лошадей, и при этомъ тѣ и другое голосятъ. На могилѣ знатного туркмена набрасываютъ большой холмъ, для чего каждый изъ присутствующихъ при погребеніи обязанъ бросить не менѣе семи горстей или корзинъ земли. Такіе холмы нерѣдко встрѣчаются въ Туркменскихъ степяхъ.

## VI.

### ДУНГАНЕ.

Дунгане въ числѣ около 25 тысячъ вышли изъ Китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской, Сырь-Дарьинской и Ферганской областяхъ. Возлѣ русскихъ городовъ они построили особыя слободы, обыкновенно называемыя „дунгансими городками“. „Городки“ эти состоятъ изъ одноэтажныхъ глиняныхъ сакель съ маленькими окнами, обращенными на дворъ. Крыша сакель большею частью плоская. Между саклями выдѣляется мечеть; она больше сакель и носить на себѣ отпечатокъ китайского стиля, чѣмъ отличается отъ мечетей прочихъ магометанскихъ народовъ. Улицы „городковъ“ обыкновенно широки и чисты; онѣ немноголюдны и поражаютъ тишиной. Внутри сакель обыкновенно бываетъ чисто и опрятно. Полъ въ нихъ глиняный, по стѣнамъ устраиваются полки и ниши для склада имущества. Сакля обыкновенно раздѣляется на два отдѣленія — общую и женскую.

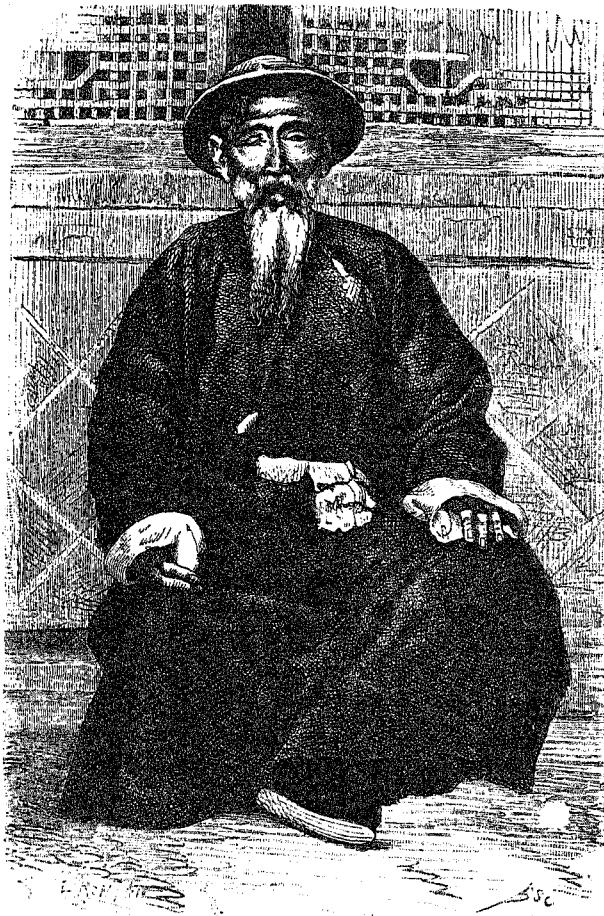
Внѣшній видъ дунганъ носить отпечатокъ монгольского типа. Цвѣтъ лица ихъ желтый. Они, подобно китайцамъ, бреютъ голову, оставляя на макушкѣ длинную косу. Если собственная коса коротка, то дунганъ прицѣпляетъ къ ней шелковую косу. Дернуть за косу дунгана значитъ нанести ему большое оскорблѣніе. Тѣло-сложеніе дунганъ крѣпче и мускулистѣ, чѣмъ китайцевъ. Ростъ ихъ довольно высокій, осанка величавая, мужественная. Во время работы дунгане большею частью сосредоточены, даже угрюмы; они рѣдко улыбаются, а еще рѣже смеются.

Одежда дунганъ состоитъ изъ короткой куртки безъ рукавовъ, называемой „курмой“, и холщевыхъ шароваръ. Обувью обыкновенно служатъ чулки и туфли. На головѣ носятъ ермолку темнаго цвѣта; ермолка бѣлаго цвѣта означаетъ трауръ. Сверхъ ермолки надѣваютъ, смотря по времени года, войлочную или большую соломенную шляпу. Верхнюю одежду составляеть халать. Одежда женщинъ длиннѣе, чѣмъ мужчинъ; къ тому же женщины любятъ украшать себя кольцами, серьгами и браслетами. Преобладающій цвѣтъ одежды дунганъ — синій. По этому цвѣту одежды, да по длинной косѣ отличаются дунганъ отъ другихъ народовъ, встрѣчающихся въ среднеазіатскихъ городахъ.

Дунгане трудолюбивы. Они занимаются хлѣбопашествомъ, при чѣмъ сѣютъ рисъ, просо, кукурузу и пшеницу. Кромѣ того, они очень успѣшно занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Многіе изъ нихъ занимаются ремеслами и торговлей; они изготавливаютъ металлическія издѣлія, шьютъ обувь, дѣлаютъ посуду и вѣера и раскрашиваютъ ихъ причудливыми изображеніями птицъ, животныхъ и другими картинами. Картины дунганъ, какъ и китайцевъ, отличаются яркостью красокъ и отсутствиемъ перспективы. Такими картинами они нерѣдко украшаютъ свои жилища и даже устраиваютъ изъ нихъ панорамы для показыванія за деньги.

Женщины у дунганъ исполняютъ домашнія работы: приготавляютъ пищу, ухаживаютъ за домашними птицами и животными и смотрятъ за огородами.

Дунгане трудолюбивы; у нихъ всѣ работаютъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ не въ состояніи работать, его прокармливаютъ родственники или знакомые. Отсюда и происходитъ, что въ дунганскихъ „городкахъ“ не замѣчается нищихъ.



Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религию. Они строго соблюдаютъ постъ и религіозные обряды, но менѣе фанатичны, чѣмъ другіе народы, исповѣдующіе ту же религию. Муллы хотя и пользуются у нихъ почетомъ, но не имѣютъ сильнаго вліянія на ихъ дѣла.

Начальное образование у дунганъ, какъ и у китайцевъ, значительно распространено. Почти всѣ дѣти обучаются въ школахъ подъ руководствомъ мулль. Мальчики обучаются отдельно отъ девоочекъ. Кругъ школьніхъ занятій ихъ узокъ. Грамота у нихъ китайская.

Дунгане имѣютъ своихъ докторовъ, которые подготавливаются къ своей профессіи въ Китай.

Дунгане честны; у нихъ рѣдко случается воровство. Кромѣ того, они тверды и настойчивы. Разъ дунганъ задумалъ что-нибудь сдѣлать, онъ свое намѣреніе доведеть до исполненія. Далѣе, они выносливы и терпѣливо переносятъ случаюшіяся физическія страданія.

Кромѣ названныхъ хорошихъ чертъ, въ характерѣ дунганъ замѣчаются и нехорошія черты. Такъ, они мстительны и раздражительны. Если дунганъ въ яростномъ гиѣвѣ вынулъ ножъ, онъ навѣрно пустить его въ ходъ. Къ иностранцамъ



дунгане относятся недовѣрчиво и несообщительны съ ними; мало сближаются и съ русскими, хотя съ уваженіемъ относятся къ нимъ. Къ китайцамъ относятся съ враждебною ненавистью. Такая ненависть сложилась исторически, вслѣдствіе притѣсненій со стороны китайцевъ, когда дунгане находились въ зависимости отъ нихъ.

Дунгане живутъ большими семьями и неохотно выдѣляютъ дѣтей. Къ старшимъ, особенно къ родителямъ, они относятся съ полнымъ уваженіемъ. За непоправленіе родительской власти виновный строго наказывается.

Высшее управление дунганами лежит на обязанности русскихъ властей; ближайшее же управление ими возложено на выборныхъ старшинъ и судей (казиевъ). Эти послѣдніе налагаютъ наказаніе за неважные проступки, въ которыхъ не замѣщены русскіе. При наложеніи наказаній они руководствуются обычаемъ. Обычай допускаетъ тѣлесное наказаніе, которое иногда и примѣняется. Примѣняется еще и такое наказаніе: виновнаго, а иногда и цѣлое виновное семейство садятъ въ яму, которая имѣть въ глубину сажени полторы и сверху покрывается навѣсомъ такъ, что свѣтъ проникаеть въ нее съ трудомъ. Пиши даютъ заключеннымъ въ умѣренномъ количествѣ. Наказываютъ виновныхъ также и денежнѣмъ штрафомъ.

Бракъ у дунганъ совершается послѣ уплаты за невѣсту калыма. Мужчины моложе 18, а женщины моложе 15 лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Старость не служить препятствиемъ къ вступленію въ бракъ. Близкое родство служить препятствиемъ къ браку. Бракъ совершается муллой, который прочитываетъ установленную молитву. Послѣ брака родные одариваютъ новобрачныхъ. Многоженство допускается у дунганъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ и даже по три жены.

Покойниковъ дунгане зарываютъ въ землю, при чемъ мулла читаетъ установленные молитвы. По смерти близкаго родственника полагается трауръ, который продолжается 40 дней. Наружнымъ признакомъ траура служить бѣлый халатъ и бѣлая ермолка. Женщины въ знакъ траура носятъ на головѣ что-нибудь бѣлое и подоль платья обшиваютъ бѣлою тесьмой.

Дунгане любятъ играть въ кости. Кости, употребляющіяся при игрѣ, бывають до четверти аршина длины и около дюйма ширины. Одна сторона ихъ бываетъ окрашена въ красный цветъ, а на другой разрисованы условные знаки. Игра въ кости нерѣдко становится азартной.

Пищей дунганъ служатъ плоды, мясо и хлѣбъ. Чаще всего подается лапша и „джусай“, приготовляемый изъ муки, мяса и яицъ. Ёдять обыкновенно два раза въ день. Чай пьютъ не менѣе китайцевъ. Отъ водки отказываются, но въ праздникъ иногда пьютъ опьяняющій напитокъ „джюнъ“, приготовляемый изъ проса и подогрѣтымъ. Опьянѣвши отъ излишне выпитаго „джюнна“, дунгане поднимаютъ скору, которая нерѣдко оканчивается дракой. Опiumа и табаку дунгане не употребляютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добываютъ опумъ, но не для своего употребленія, а для сбыта китайцамъ.

## VII.

### ТАРАНЧИ.

Таранчи—народъ монгольского племени; они, подобно дунганамъ, перешли, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ, изъ китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской области. Цвѣтъ ихъ лица желтый, лицо продолговатое, глаза прямые, узкие, большою частью черные, уши оттопыренныя, носъ длинный, въ большинствѣ случаевъ широкій и приплюснутый въ срединѣ; волосы на головѣ и бровяхъ черные, густые; голову бреютъ, но усы и бороду носятъ; борода большою частью рѣдкая. Женщины носятъ длинные волосы, заплетая ихъ, девушки—въ нѣсколько, а замужнія, не имѣющія дѣтей—въ одну, имѣющія же ихъ—въ двѣ косы.

Тѣлосложеніе ихъ слабѣе, чѣмъ дунганъ; мускулы ихъ вялы. Роста они средняго или ниже средняго; руки ихъ, сравнительно съ вышиною тѣла, длинны, а ноги коротки. Изъ виѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше другихъ развиты зрѣніе и слухъ.

Таранчи живутъ въ глиняныхъ сакляхъ, не отличающихся чистотой. Въ стѣнахъ сакли вѣланы ниши и полки, а посерединѣ—углубленіе для очага; въ немъ зимою постоянно горитъ каменный уголь. Сидѣть и спать таранчи большою частью на полу, подкладывая войлоки или сѣнники и круглые подушки, набитыя шерстью или ватою. При сакляхъ устраиваются сады и огороды; чрезъ дворъ нерѣдко проходить канавка (арыкъ) съ проточной водой, служащей для поливки огородовъ и для домашняго употребленія. Вода въ этихъ арыкахъ большою частью бываетъ нечиста.

Одежда таранчинцевъ похожа на одежду дунганъ, т.-е. состоитъ изъ рубашки, шароваръ и халата, а зимою тулуза; на ноги надѣваютъ ичиги, а зимою—теплые сапоги; на голову, сверхъ тюбетейки, надѣваютъ мѣховую шапку. Женщины любятъ наряжаться, при чемъ подкрашиваютъ брови и ногти. Выходя на улицу, нѣкоторыя изъ нихъ закрываютъ лицо бѣлою, легкою тканью.

Таранчи исповѣдуютъ магометанскую религию, суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ огромнымъ вліяніемъ. Установленный религіей постъ соблюдается строго, при чемъ отъ поста освобождаются только старики, малолѣтніе и больные.

Грамотность у нихъ распространена настолько же, какъ и у дунганъ. Они, подобно послѣднимъ, трудолюбивы, терпѣливы, трезвы и довольно честны. Любятъ они музыку, пѣніе и танцы.

Таранчи занимаются преимущественно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ пшеницу, просо, овесъ и кукурузу; на огородахъ они разводятъ огурцы и другие овощи; на

бахчахъ разводятъ дыни и арбузы. По окончаніи полевыхъ работъ они занимаются охотой и торговлей, а нѣкоторые принимаются за ремесла—плотничное, кузнечное и другія. Занимаются также рѣтъемъ арыковъ и извозомъ. Для перевозки тяжести они употребляютъ арбы, въ которыхъ впряжены воловъ или лошадей;ѣздятъ также на ишакахъ. Домашнія работы производятся преимущественно женщинами: они прядутъ шерсть, ткуть ковры, носить воду, ухаживаютъ за огородами и т. п.

Преобладающая пища таранчинцевъ—растительная; они питаются лапшой, мучными лепешками, плодами и овощами. Мясо єдятъ не болѣе одного раза въ недѣлю. Напиткомъ служитъ чай съ солью и молокомъ; утромъ пьютъ чай съ пшеничными лепешками, которыхъ обыкновенно бросаютъ въ чашку съ чаемъ. Пить холодную воду избѣгаютъ, замѣняя ее чаемъ. Табаку они не курятъ, но многіе изъ нихъ его нюхаютъ или кладутъ за щеки.

Бракъ совершаются у нихъ при такихъ же обрядахъ, какъ и у сартовъ и дунганъ. Бракъ между близкими родственниками запрещенъ; разводъ совершается очень легко.

Молодая обязана въ продолженіе года послѣ свадьбы ежедневно бывать у своихъ родителей, и первыя роды должны совершиться у нихъ въ сакль. При родахъ бываютъ только женщины, которыхъ оказываются рождающей помошь. При тяжелыхъ родахъ кто-либо изъ близкихъ родныхъ взлѣзаетъ на крышу, стучить и спрашиваетъ: „принесла ли женщина?“ Снизу отвѣчаютъ: „Богъ далъ“, хотя въ действительности никто еще не родился; это дѣлается съ цѣлью ободрить рождающую. Иноста при трудныхъ родахъ мулла пишетъ на краю чашки стихъ изъ корана, читаетъ въ нее чаю и этой чай даетъ рождающей. Женщину, умершую въ время родовъ, почитаютъ за безгрѣшную. Новорожденного купаютъ въ теплой водѣ, при чемъ въ корыте бросаютъ золотыя и серебряные украшенія и колечка. Новорожденныя не пеленаютъ, а завертываютъ въ тряпки и кладутъ въ узкую корзинку, изъ которой обвертываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ выпасть.

О рожденіи ребенка чрезъ посланного извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Если кто изъ нихъ спроситъ: сынъ или дочь родилась, то посланный отвѣчаетъ: „волкъ“, если родился сынъ, и „лисица“, если родилась дочь. Родственники и знакомые поздравляютъ отца. Поздравленія принимаются только въ первые два дня послѣ рожденія; на третій день мулла даетъ новорожденному имя. Мать кормить своего ребенка до трехъ лѣтъ.

Съ семи лѣтъ мальчики и девочки начинаютъ посѣщать школу, въ которой обучаетъ мулла. Приведши сына въ школу, отецъ обыкновенно, подобно тому, какъ и у киргизовъ, говорить муллѣ: „кости мои, а мясо твое“, разрѣшая этимъ наказывать мальчика, сколько ему заблагоразсудится, лишь бы не повредилъ его костей. Въ школѣ дѣти обучаются чтенію, письму, счету и молитвамъ; тутъ же мулла наставляетъ ихъ въ правилахъ житейской мудрости и честности.

Отъ лѣтей требуется безусловное повиновеніе старшимъ, особенно родителямъ. Каждый молодой человѣкъ за неповиновеніе старшимъ или родителямъ строго наказывается судьями. Кромѣ того, отецъ, по обычаямъ, имѣетъ право лишить своего сына, замѣченного въ неповиновеніи, участія въ наслѣдствѣ не только благопріобрѣтенному, но и родовому имуществомъ.

Послѣ смерти таранчина, тѣло его обвертываютъ въ три ряда тонкою бѣлою матеріею, при чёмъ лицо оставляютъ открытымъ. Духовное лицо на крышѣ читаетъ молитву и тѣмъ даетъ знать родственникамъ и знакомымъ, что въ сакль покойника. Собираются родственники и плачутъ. Хоронятъ безъ гробовъ. Покойника выносятъ въ закрытыхъ сверху и сбоковъ носилкахъ. Въ могилѣ дѣлаютъ нишу, куда кладутъ покойника. Нишу закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею.

На третій, седьмой и сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки, при чёмъ угощаются знакомыхъ и родственниковъ; мулла читаетъ на могилѣ молитвы.

По смерти близкихъ родственниковъ носятъ трауръ, при чёмъ мужчины не бреютъ головы и носятъ бѣлую ермолку и чалму, а женщины снимаютъ съ себя всѣ украшенія и обшиваютъ верхъ шапочки бѣлой тесьмой.

Къ русскимъ таранчи относятся подобострастно, даже униженно. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ военную службу и несутъ ее безупречно.